

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(1918 - 1940)**

Часть I

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ
(1918 - 1940)**

ТОМ 2

Часть I

Москва 1996

Главный редактор *А.Н.НИКОЛЮКИН*

Редакционная коллегия:

Н.А.БОГОМОЛОВ, Е.А.ЦУРГАНОВА, А.И.ЧАГИН

Библиографический редактор *О.В.ЭТОВА*

**Адрес редакции: 117418, Москва, Красикова, 28/21,
сектор литературоведения ИНИОН РАН**

ОТ РЕДАКЦИИ

В первый том "Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918-1940)" вошли статьи о писателях русского зарубежья: издан в ИНИОН РАН под названием "Писатели русского зарубежья (1918-1940). Справочник". - М., 1993-1995. - Ч. 1-3.

Второй том включает статьи о крупнейших периодических изданиях, альманахах, литературных центрах, издательствах русского зарубежья. Расположение материалов алфавитное. Используются следующие библиографические и справочные издания:

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917-1944 гг.: Библиогр. справочник. - Станфорд, 1990. - Ч. 1-4.

Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья: Книги 1917-1940: Материалы к библиографии. - СПб., 1993.

Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900-1937. - М., 1994. - Т. 1-2.

Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. - Нью-Йорк, 1993.

Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиогр. каталог. - М., 1994.

Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. - Лондон, 1988.

Литература русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указатель публикаций 1986-1990. - М., 1993. - В 2 т. 1. - Ч. 1-2.

Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1990 гг.). - М., 1991.

Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. Полторацкого Н.П. - Питтсбург, 1972.

Русская эмиграция: Журналы и сб. на рус. яз., 1920-1980: Сводный указ. ст. / Сост. Гладкова Т.Л. и др. Ред. Гладкова Т.Л., Осоргина Т.А. - Париж, 1988.

Русское зарубежье, 1917-1991: Каталог изданий из фонда библиотеки-архива. - М., 1992. - (Дом Марины Цветаевой).

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917-1992 гг.). - СПб., 1993.

Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917-1941): Библиогр. словарь. - СПб., 1994.

Струве Г. Русская литература в изгнании. - Нью-Йорк, 1956; 2-е изд. испр. и доп. - Париж, 1984. - Сокр.: Струве.

Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974): Эссе, воспоминания, статьи. - Париж; Нью-Йорк, 1987. - Сокр.: Терапиано.

Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1952 гг. - Мюнхен, 1953.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921-1923. - Париж, 1983. - Сокр.: Русский Берлин.

Фостер Л. Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1968. - Бостон, 1970. - Т. 1-2.

Dictionary of Russian women writers / Ed. by Ledkovsky M., Rosenthal Sh., Zarin M. - Westport (Conn.); London, 1994.

Kasack W. Lexikon der russischen Literatur des 20. Jahrhunderts: Vom Beginn des Jahrhunderts bis zum Ende der Sowjetära. - 2. erw. Aufl. - München, 1992.

Literary exile in the twentieth century: An analysis and biogr. dictionary / Ed. by Tucker M. - N.Y., 1991.

Ossorguine-Bakounine T. L'emigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855-1940. - Paris, 1990.

Настоящее малотиражное издание является по существу предварительной публикацией материалов для будущей энциклопедии русской литературы XX века. Второй том планируется в трех выпусках. Редакция предполагает завершить издание третьим томом, в который войдут статьи о крупнейших произведениях литературы русского зарубежья, в том числе литературных мемуарах, относящихся к истории "первой волны" русской эмиграции.

Научно-исследовательская работа по созданию "Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918-1940)" осуществляется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 95-06-17155).

*Feci quod potui,
faciant meliора potentes.
Cicero*

АЛЬМАНАХИ

Наряду с газетами и журналами альманахи были наиболее частыми изданиями русской эмиграции. С одной стороны, их появление связано с отсутствием средств на полномасштабное производство периодики. С другой стороны, альманахи продолжали издательскую традицию русской литературы, поэтому их появление вполне закономерно.

В статье рассматриваются основные альманахи русской эмиграции, выходившие в период с 1920 по 1941. (См.: Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900-1937. - М., 1994.).

ГЕРМАНИЯ. Берлин до 1923 был своего рода столицей русской литературы за рубежом России. Особенностью берлинского периода было спокойное сосуществование и публикация в одних и тех же изданиях писателей, покинувших Россию и оставшихся в ней. Русский Берлин "относится к историческому моменту, не имевшему прецедента в истории русской культуры, - к 1921-1923 гг., когда "диалог" двух "половин" русской культуры выступал в наиболее явной и (в то же время) наиболее осложненной форме... Существенное отличие "русского Берлина" от, скажем, "русского Парижа", "русской Праги", "Русского Харбина"... состоит как раз в беспрецедентной интенсивности "диалога" метрополии и эмиграции внутри данного острова русской культуры" (Русский Берлин. - С. 2).

Одним из первых альманахов, который можно отнести к альманахам русской эмиграции, был "Пленник-поэт: Сборник стихотворений русских пленных в Германии и Австро-Венгрии", изданный редакцией "Русского вестника" в Берлине в 1917. Это не всегда грамотные, но очень искренние стихи, подписанные инициалами; об авторах сообщалось: "крестьянин, малограмотный", "вольноопределяющийся" и т. п. Второй выпуск альманаха увидел свет в 1918 и мало чем отличался от первого.

Книга "Россия и Инония" была опубликована в Берлине издательством "Скифы" в 1920. Здесь представлены произведения Сергея Есенина "Товарищ" и "Инония", поэма Андрея Белого "Христос воскрес", "Россия и Инония" Р.В. Иванова-Разумника.

Значительное место в альманахах русской эмиграции занимала поэзия. Одним из первых альманахов, полностью посвященных стихам, была книга "Из русской лирики", вышедшая в 1921 в издательстве "Мысль". В том же 1921 появился альманах на русском языке "Еврейский сборник" (Берлин: Русское универсальное издательство), где напечатаны стихи Х.Бялика "Встань и пройди по городу резни" из его "Сказания о погроме".

В 1922 в берлинском издательстве "Мысль" в серии "Книга для всех" (№ 90-91) увидела свет "Антология сатиры и юмора". Ее составители предприняли попытку развернуть картину русского "смеха сквозь слезы", начиная от В.Курочкина и Д.Минаева и заканчивая Сашей Черным, Н.Тэффи и Дон-Аминадо. Иван Крылов в этой антологии представлен одним стихотворением, Дон-Аминадо принадлежало восемь.

С течением времени расхождения между писателями, не принимавшими советскую власть, и литераторами, сочувствовавшими большевикам, становились все глубже. Ярким примером непримиримости позиций может служить история, сопровождавшая в 1922 выход в книгоиздательстве "Отто Кирхнер и Ко" альманаха "Веретено". Весной 1922 в журнале "Новая русская книга" появилось сообщение об организации содружества писателей, художников и

музыкантов "Верстено". В сообщении отмечалось, что "Содружество, чуждое всякой политике, будет бороться с разложением русской литературы... не намерено ограничиваться деятельностью в эмиграции, но вступило в тесную связь с родственными ему творческими силами в России" (Новая русская книга. - 1922. - № 5. - С. 26). Однако стоило одному из основателей "Верстена" Александру Дроздову сделать шаги навстречу Алексею Толстому и симпатизировавшей советской России газете "Накануне", как восемь членов "Верстена", в том числе И.Бунин и В.Набоков, заявили о своем выходе из этого объединения. Именно в этот момент "Верстено" и увидело свет. Наряду с рассказами Бунина "Темир Аксак-Хан" в этой книге были помещены стихи В.Набокова (Сирина), поэма в прозе И.Лукаша "Государь", "Христов крестник" Алексея Ремизова и "Коломенская пастила" Бориса Пильняка. Раздел "Критические статьи" представлен статьями С.Маковского о личности и творчестве Иннокентия Анненского, Эриха Голлербаха о состоянии петербургской поэзии - "Дары поэтов", статьей В.А.Амфитеатрова-Кадашева "Поиски ключа", где он попытался осмыслить роль интеллигенции в последних кровавых российских событиях. "Надо преодолеть революцию и Россию... Преодолеть Россию - т. е. преодолеть извечную тьму и хаос, выявленные в злом символе - Деревне, возродить и утвердить создание героической воли - "прекрасно-страшный Петербург" (с. 229).

Скандал, связанный с распадом объединения, повлиял, по всей видимости, и на отзывы критики. Г.Струве писал, что "в "Верстене" нет никакого единства, и судить о нем, как о выявлении какого-либо литературного течения поэтому не приходится. Можно говорить лишь об отдельных вещах" (Русский Берлин. - С. 86).

"Литературный альманах "Грани", первая книга которого вышла в одноименном издательстве также в 1922 (Берлин), встретила в прессе иной отклик. "Первая книга альманаха "Грани" составлена очень удачно. Отдельные части ее неравноценны, но все объединены общей основой и создают цельное хорошее впечатление.

Это основа - Россия. Россия прошлого..." (Новая русская книга. - 1922. - № 1. - С. 21). В "Гранях" обращали на себя внимание короткие заметки Леонида Андреева "Отъезд" о встрече с сыном перед отъездом его на фронт, рассказ Г.Гребенщикова "На мертвом якоре", где действие происходит в каюте корабля, навсегда уплывающего из России, рассказ А.Ремизова "Черная бабушка". В.Сирин (Набоков) выступил как автор поэмы "Детство" и переводов английского поэта Руперта Брука. Он же написал предисловие о Р.Бруке: "В его творчестве есть редкая, пленительная черта: какая-то сияющая влажность, недаром он служил во флоте, недаром и само имя его означает по-английски - ручей" (с. 213). Эта работа Набокова явила его мастерство переводчика.

В журнале "Новая русская книга" (1922. - № 9. - С. 17-18) был отмечен выход "Московского альманаха" (Берлин: Огоньки, 1922). Значительную роль в его подготовке сыграл Андрей Белый, который писал в предисловии: "В самом деле: книга, в которой мы встретились, сложилась сама собой: и в ней оказались мы, не размышляя о том, почему в ней те, а не иные" (с. 5). Однако он немного лукавил. Рассказ В.Лидина "Апрель", А.Яковлева "Идут" и заметки самого Белого "Я" (сумасшедшее)", включенные в этот небольшой альманах, связаны со временем перелома России после 1917.

Критик, писавший под псевдонимом А.Д. (А.Ф.Даманская?), нашел появление альманаха "Собачья доля: Петербургский сборник рассказов" (Берлин: Слово, 1922) событием, вполне заслуживающим внимания: "Казалось бы мне, в революционные годы, когда житейски и людям худо, когда с голоду мрут дети, - до собаки ли тут и до грусти о ней? Но из ремизовской затеи вырос хороший колосок: альманах не только не надуман, не вял и не плох, но наряду с приятно написанными рассказами приютился под красной обложкой собачьей доли подлинный маленький шедевр: "Глаза" Евгения Замятина" (Новая русская книга. - 1922. - № 3. - С. 11). Кроме рассказа Замятина в альманахе привлекают внимание новеллы А.Ремизова "Собачья доля" и "Находка".

Более глубокое сочетание политического и литературного читатели могли найти в альманахе "Детинец", увидевшем свет в Берлине в 1922. Здесь стихотворение М.Волошина "Заключение о русской Земле" помещено рядом со статьей П.Н.Краснова "Задачи российской армии", а рассказ Ивана Наживина "Федеративный социалист Васютка" дополняется его же критической статьей "У разбитого корыта", где звучит страстный призыв к интеллигенции признать свою вину за все происшедшее в России. Те же мысли звучат в статье профессора Т.Локотя "Большевизм и культура": "Неудивительно сорвавшееся когда-то с уст Жозефа де Местра пророчество о том, что Россию погубит не революция, во главе которой будут стоять Пугачевы из народа, а та, во главе которой будут стоять Пугачевы из Университета" (с. 99).

Своего рода продолжением "Еврейского сборника" стал альманах "Сафрут" (Берлин: Изд-во С.Д.Зальцман, 1922) со стихами С.Черниковского в переводе В.Ф.Ходасевича, эссе Андрея Соболя "Встань и иди", стихотворением И.А.Бунина "Благовестие о рождении Исаака", стихотворением Валерия Брюсова "Библия".

В 1923 издателям "Литературного альманаха "Грани" удалось выпустить очередной номер, где были представлены рассказы А.И.Куприна "Золотой петух" и Г.Гребенщикова "Леший ухмыляется", несколько стихотворений Саши Черного. В.Сирин опубликовал перевод-мистификацию трагедии Вивиана Калмбруда "Скитальцы. 1768 г. Лондон". С большой статьей об итальянской литературе выступил Марк Слоним. Второй выпуск "Граней" высоко оценила А.Даманская, писавшая под псевдонимом А.Мерич (Дни. - 1923. - 1 апр.).

Примерно того же направления, что и "Грани", придерживались составители альманаха "Медный всадник", вышедшего в 1923 в берлинском одноименном издательстве. Он включал прозу и стихи И.Бунина, стихотворения В.Сирина, новеллу Бориса Зайцева "Уединенное". Общий настрой этих произведений выразил Сергей Горный, опубликовавший в "Медном всаднике" заметки "Свое и чужое": "И вот весной, в который раз, так ясно и

четко понимаешь, что воскресать и умирать можно только на Руси" (с. 264). В альманахе представлена большая подборка стихов К.Бальмонта под заглавием "Под рляным шатром", стихи Саши Черного "Псковитянка", рассказ П.Краснова "Доколе, Господи?".

В 1923 в Берлине вышло несколько поэтических альманахов. Один из них, изящно изданный в издательстве "Север", под редакцией и со вступительной статьей Глеба Алексеева назывался "Петербург в стихотворениях русских поэтов". "Под железной рукой императора двести лет назад и народа в наши дни взметнулись копыта коня и так два столетия - взнесенные над бездной, не пали никуда... Эти вот мысли подсмотрел я - во всей поэзии русской о Санкт-Петербурге, городе вздернутого над бездной коня", - писал в предисловии Глеб Алексеев (с. 5). Альманах издан в лучших традициях "Мира искусства", с иллюстрациями А.Бенуа, К.Сомова, В.Белкина и стихами о Петербурге от Пушкина до Мандельштама.

Другой альманах, увидевший свет в берлинской "Мысли" в это же время, стал событием в истории русской поэзии. Назывался он "Из новых поэтов", а составил его Борис Бродский. Здесь представлен цвет поэзии России - Ахматова, Ходасевич, Цветаева, Маяковский, Пастернак, опубликованы стихи расстрелянного Гумилева, в том числе "Рабочий" и "Память", Есенина "Все живое особой метой" и "Красная весна" Волошина. Завершали сборник стихи Эренбурга.

Еще один берлинский альманах 1923 "Женская лирика", изданный "Мыслью" в серии "Книга для всех" под номером 98, представлял стихи Каролины Павловой, Мирры Лохвицкой, Зинаиды Гиппиус, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Марии Шкапской.

Альманах "Потаенная тетрадь" (Берлин, 1923) со вступительными статьями Бориса Бродского представлял классику русской эротической поэзии: "Гаврилада" Пушкина, "Купальницы" Дельвига, "Оласный сосед" В.Л.Пушкина. Оформил книгу Л.Голубев-Багрянородный.

Но в 1923 в Берлине появлялись не только поэтические альманахи. Издание культурно-просветительной секции русского студенческого союза в Германии явило читающей публике первый

выпуск книги "Молодая Россия". Открывают ее стихи Г.Иванова и М.Кузмина. Здесь же - "Сказки" А.Ремизова, заметки Соколова-Микитова, воспоминания Владимира Набокова "Петербургская гимназия сорок лет тому назад".

Почти одновременно на свет появилась другая "Молодая Россия" (Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923), главный редактор Алексей Толстой. Здесь со своими рассказами выступили Алексей Дроздов, Михаил Слонимский, Валентин Катаев, Борис Пильняк, Константин Федин.

Сразу за "Молодой Россией" книгоиздательство писателей в Берлине издало альманах "Одиссея" (1923). Тут можно было прочесть произведения тех же авторов: Алексея Толстого, Глеба Алексеева, а также О.Савича и Г.Магнитского.

Берлинским издательством "Манфред" был выпущен литературный альманах "Струги" (1923), в котором печатались Балтрушайтис, Цветаева, Ходасевич, Пастернак, главы из романа И.Эренбурга "Жизнь и смерть Николая Курбова", "Русские повести" Алексея Ремизова, статья Андрея Белого "Проблемы культуры" и рассказ Алексея Толстого "Мишука Нальмов".

Продолжалось издание поэтических сборников. Четвертую книгу "Цеха поэтов" выпустило берлинское издательство "Трирема" (1923), с большими подборками из Г.Адамовича, Г.Иванова, Н.Оцупа, Ирины Одоевцевой.

В 1921 в Берлине начала выходить серия "Книга для всех" в издательстве "Мысль". Первым номером ее стал альманах "Из русских поэтов", включавший в себя большие подборки Бальмонта, Брюсова и Блока, а также несколько стихотворений Сологуба и Мережковского. Затем в том же году в этой серии под вторым-третьим номером вышел сб. "Поэзия большевистских дней". Программное значение книги определялось публикацией поэмы Блока "Двенадцать", открывавшей сборник. В "Поэзию большевистских дней" также были включены цикл Есенина "Преображение", несколько произведений В.Каменского, стихи

А.Марсенгофа, П.Оршина, а также два стихотворения Б.Л.Пастернака.

В 1922 в той же серии и в том же издательстве под номером 57-58 - сборник "Поэзия революционной Москвы". Как и "Поэзия большевистских дней", он объединил стихи, пронизанные пафосом нового времени, однако общий тон стихотворений был уже несколько иным. Сюда вошли произведения Есенина из книги "Исповедь хулигана", Б.Пастернака из "Сестра моя жизнь", стихотворение О.Э.Мандельштама "Сестры - тяжесть и нежность...", А.Ахматовой "Чем хуже этот век предшествовавших...", большая подборка стихов Вяч.Иванова, в том числе "Зимние сонеты" и несколько произведений Марины Цветаевой. Стихотворение В.Маяковского "Наш марш" и "Приказ по армии искусств" кажутся диссонансом в этой книге.

В том же году Саша Черный в берлинском издательстве "Словó" выпустил поэтическую антологию "Радуга: Русские поэты для детей". Он разделил ее на шесть частей: "Детство", "Все живое", "Лукоморье", "В садах природы", "Светлые крылья" и "Россия". В каждый раздел книги входили произведения А.С.Пушкина, и, кроме того, дети могли познакомиться здесь с целым созвездием русских поэтов, от Жуковского до Блока.

В 1922 в берлинском издательстве "Русское творчество" увидела свет книга "Серапионовы братья: Заграничный альманах". Основное место в ней заняла проза. Тягу "серапионов" к Гофману еще раз подтвердил в этом альманахе В.Каверин, опубликовав здесь свой рассказ "Хроника города Лейпцига за 18... год". Другие рассказы навеяны мистическими и библейскими сюжетами (новелла Льва Лунца "В пустыне"). Там же напечатаны и стихи Н.Тихонова. Критику представила статья И.Груздева "Лицо и маска", посвященная проблеме соотношения автора и литературного героя в творчестве Ф.М.Достоевского, А.М.Ремизова, Е.И.Замятина. Видимо, в Берлине же (с пометкой: "Петербург-Берлин") в 1923 вышел альманах "Пчелы", основу которого также составили произведения "Серапионовых братьев": "Кол" Н.Никитина, "Полая Арапия"

Вс.Иванова и стихи Н.Тихонова. К ним была присоединена повесть В.Ирецкого "Пчелы".

Событием в литературной жизни стал выход книги "Завтра" в берлинском издательстве "Петрополис" в 1923 под ред. Е.Замятина, М.Кузмина и М.Лозинского. Здесь и страшные зарисовки революции и гражданской войны в рассказе М.Слонимского "Поручик Архангельский", рассказ М.Кузмина "Снежное озеро" о жутких мистических совпадениях в жизни когда-то близких людей. В этой книге читателя встречают также стихи М.Кузмина и А.Ахматовой, а также стихотворение М.Зенкевича "На Титанике", вполне укладывающееся в общее настроение книги. М.Кузмин представил тут и свой литературный обзор "Парнасские заросли". Выступил в сборнике и В.Вейдле, решительно отстаивающий задетую, как ему показалось, память Блока в незадолго до этого вышедших статьях Б.М.Эйхенбаума и Ю.Н.Тынянова.

Свой альманах подготовила и поэтическая группа "4 + 1" - "Мост на ветру" (Берлин, 1924); в него вошли стихи Бронислава Сосинского, Вадима Андреева, Георгия Венуса, Семена Либермана и Анны Присмановой.

Литературная деятельность русского зарубежья постепенно перемещалась из Берлина в Париж, часть писателей и поэтов вернулась в СССР. Издавались книги и газеты, но расцвет литературных альманахов остался во многом в прошлом - в 1922-23, однако традиция поэтических альманахов не прекращалась. В 1931 в берлинском "Петрополисе" вышел сборник берлинских поэтов "Новоселье". Душой этого издания стал Михаил Горлин. Стихи Горлина соседствовали в этой книге со стихами его жены Раисы Блох, Софии Прегель, В.Пиотровского, Н.Белоцветова.

В 1932 в том же издательстве вышел второй сборник этих поэтов "Роца". Здесь увидело свет стихотворение Раисы Блох "Принесла случайная молва...", ставшее знаменитым благодаря А.Н.Вертинскому. Третий и последний сборник берлинских поэтов "Невод" появился в 1933 в издательстве "Слово".

Попытку воссоздать традиционную книгу для семейного чтения предпринял А.Волошин, издавший сборник "Вечера под зеленой лампой" (без обозначения года), где наряду с известными стихами Ахматовой, Бальмонта, Блока, Брюсова, Бунина, М.Волошина, Гиппиус, Гумилева, Клюева, Сологуба, Северянина и др. были опубликованы стихи неизвестных поэтов, - по всей видимости, приятелей редактора.

Чрезвычайно представительная антология русской зарубежной поэзии "Якорь" была составлена Г.В.Адамовичем и М.Л.Кантором (о работе над ней см.: К истории русской зарубежной литературы: Как составлялась антология "Якорь" (Переписка Г.Адамовича и М.Кантора) / Публ. Струве Г. // Новый журнал. - 1972. - № 107). Конечно, вполне возможно, что место издания на ней проставлено фиктивно, - вряд ли возглавлявшийся Я.Блохом и А.Каганом "Петрополис" мог реально существовать в Берлине 1936 года, - но формально книга должна быть отнесена именно к берлинским изданиям. В этом солидном томе представлены практически все сколько-нибудь заметные поэты русской эмиграции, в том числе жившие и вне Европы, как А.Несмелов, В.Перелешин, А.Ачаир и пр.

Сборники переводов делали достоянием русского читателя произведения современной, преимущественной немецкой, литературы: "Антология современной немецкой поэзии" (1922) и "Певцы человеческого: Хрестоматия немецкого экспрессионизма" (1923) в переводах шахматиста и поэта С.Тартаковского, "Из новой немецкой лирики" Г.Забежинского (1921), "Малый альманах современной французской литературы" (1922).

ФРАНЦИЯ. "Больш вики так же бессильны и изъедены внутри, как Николай перед войной, - и так же прочны. Достаточно толчка, чтобы их повалить, как повалили монархию, - и толчка этого нет, ибо революция кончилась. Они брошены на престол последней революционной волною, и нет новых волн, и уже нечем их смыть оттуда", - это строки Леонида Андреева из его дневника (13 апреля - 29 июля 1918). Этот дневник был опубликован по горячим следам

описываемых событий в 1920 в "Русском сборнике" (Издание комитета помощи русским литераторам и ученым. - Париж). Книга представила "Сны Чанга" И.А.Бунина, рассказы И.С.Шмелева "Голуби" и А.И.Куприна "Пегие лошади", пьесы Д.С.Мережковского "Смерть царевича Алексея" и А.Толстого "Любовь - книга золотая". Здесь были стихи И.Бунина, Саша Черного, Н.Тэффи, Зинаиды Гиппиус "Из стихотворного дневника", ставшее впоследствии знаменитым ее стихотворение "Знайте!" (Она не погибнет - знайте! Она не погибнет, Россия...).

Литературная жизнь русского Парижа быстро обрела зримые черты. Возникли журналы, газеты. Стал выходить один из самых значительных журналов в истории литературы русского зарубежья "Современные записки". Деятельное участие в его создании приняли М.О. и М.С.Цетлины. В 1923 они приступили к подготовке альманаха "Окно" в издательстве "Я.Поволоцкий и Ко", перед заглавием значило: "Трехмесячник литературы". Первый выпуск был издан в том же году. Перечень авторов и произведений показывает, какой высокий уровень был задан: рассказ Бунина "Безумный художник" и три его стихотворения, новелла Куприна "Однорукий Комендант", "Трилистник" К.Бальмонта, стихи Зинаиды Гиппиус и ее эссе о Блоке "Мой лунный друг", сказание А.М.Ремизова "Алазион", "Египет - Озирис" Д.С.Мережковского. Вторая книга, вышедшая в 1923, полностью соответствовала заданному направлению. Здесь выступили Иван Шмелев со своим "Солнцем мертвых", Цветаева с "Рассветом на рельсах" и А.М.Ремизов с размышлениями о В.В.Розанове "Розановы письма". Эссе "Одержимый" о Валерии Брюсове представила З.Н.Гиппиус.

В 1924 увидел свет третий, последний том "Окна", куда вошли "Неизданные рукописи Пушкина" М.Л.Гофмана, "Кусочки воспоминаний" М.Осоргина. Но создатели альманаха "Окно" решили прекратить издание, чтобы не создавать лишней конкуренции "Современным запискам". К тому же всем участникам "Окна" двери в "Современные записки" были широко открыты

(Сарников Н. Михаил Осипович Цетлин // Амари (М.Цетлин). Малый дар. - М., 1993. - С. 140-141).

Похожим на "Окно" был сборник "Наши современники", второй выпуск которого вышел в Париже в 1924 (первый выпуск не установлен). Гиппиус опубликовала в нем очерк "Задумчивый странник" о В.В.Розанове, М.А.Осоргин - новые отрывки из "Воспоминаний", Марина Цветаева - стихи "Деревья" и "Листья". "Окно" и "Наши современники" - издания, продолжавшие лучшие традиции русской литературы. Они были "вне политики" и в то же время многие стихи и рассказы, опубликованные на их страницах, отражали боль, пережитую Россией с 1917.

Более просветительское направление заняли издатели альманаха "Русская земля. Альманах для юношества (Ко дню русской культуры)" (Париж: Религиозно-педагогический кабинет и YMCA-Press, 1928). Стихи Бунина, рассказы Ремизова, Шмелева, Осоргина соседствуют со статьями Г.Флоровского "Русский путь", И.Билибина "Народное творчество Севера", заметками В.В.Зеньковского о Гоголе. Книга хорошо иллюстрирована, статья Билибина дополнена несколькими фотографиями шедевров русского деревянного зодчества в Олонецкой и Архангельской губерниях.

Просветительских целей придерживались и создатели альманаха "Колос: Русские писатели русскому юношеству" (Париж: Издание общежития для русских мальчиков в Шавиле, 1928), изданного более скромно, но с фотографиями воспитанников Общежития русских мальчиков в Шавиле. На первых страницах альманаха было опубликовано "Воззвание русских писателей, артистов и художников", подписанное крупнейшими деятелями культуры русского Парижа. "Будущие граждане России должны будут спасти на Родине культуру, ныне там гибнущую" (с.9). В воззвании говорилось о тяжелейших условиях жизни воспитанников в Шавиле. В своей статье, опубликованной в "Колосе", А.Амфитеатров писал о том, что одно из самых крупных преступлений советской власти - создание "расы беспризорных детей". Сборник включал также рассказы И.Бунина, А.Куприна, стихи С.Маковского и Н.Тэффи.

Несколько альманахов было издано казаками, прежде всего с целью сохранения их истории и традиций и объединения казаков-изгнанников. В 1930 в Париже, в издательстве "Казачьего союза" вышел в свет "Казачий сборник" с рассказом А.И.Куприна "Светлый конец", стихами Н.Туровой, статьей А.П.Маркова "Самостийничество и хозяйственное развитие России". В сборнике также были опубликованы ностальгические рассказы и воспоминания о прежней казачьей жизни. "Казачий сборник" был переиздан в Париже, без указания года издания, под названием "Казачий литературно-общественный альманах".

1930 ознаменовался двумя выпусками в Париже поэтического альманаха "Перекресток", издания литературного объединения поэтов, группировавшихся вокруг В.Ф.Ходасевича. В альманахе приняли участие Ю.Терапиано, Ю.Мандельштам, Г.Раевский, В.Смоленский, Е.Таубер.

Несколько сборников сумели выпустить участники "Союза молодых поэтов и писателей в Париже". Первый "Сборник стихов" вышел в 1929. Здесь участвовали В.Смоленский, Ю.Мандельштам, Б.Поплавский, А.Присманова, А.Гингер, И.Кнорринг. В том же 1929 вышел второй выпуск "Сборника стихов", где наряду с прежними авторами появились новые имена: В.Гансон, Т.Штильман, К.Халафов. С теми же авторами в Париже в 1930 увидели свет третий и четвертый выпуски "Сборника стихов". Пятый вышел в 1931 под названием "Сборник Союза молодых поэтов и писателей в Париже". Справочник "Русский альманах", изданный в Париже в 1930 под ред. В.А.Оболенского и Б.М.Сарача, можно было бы назвать "Весь русский Париж" по аналогии со знаменитыми дореволюционными справочниками "Вся Москва" и "Весь Петербург". В нем собраны адреса русских организаций, их состав, перечислены школы, университеты, гимназии, все русское в Париже. В 1932 вышло второе издание справочника "Русский альманах".

Редактор литературного сборника "Инвалид" (Париж, 1934) Алексей Андреев писал в предисловии: "Инвалидам - тяжелее других... Без Родины, отягченные ранами и болезнями, они хотят

иметь свой кусок хлеба... Издание настоящего сборника является желанием... не удаляться от той культуры, к которой они приобщились" (с. 3). В эту маленькую брошюру вошли стихи Н.Туроверова, эссе С.Минцлова о Сербии "В стране сказки", стихи Саши Черного, зарисовки "Серебрянский край" И.Лукаша.

Событием в истории литературы русского зарубежья стал альманах "Круг" (составитель И.И.Фондаминский). Даты выхода на первых двух выпусках не указаны. На третьем указано - 1938. Сообщение о выходе первой книги альманаха "Круг", в издательстве "Парабола" в Берлине появилось в "Последних новостях" 18 июня 1936. Альманах включал роман покойного к тому времени Б.Поплавского "Домой с небес", прозу Ю.Фельзена, В.Яновского, стихи Г.Адамовича, Г.Иванова, И.Одоевцевой, А.Присмановой и других поэтов русского Парижа. Кроме того, здесь были философско-религиозные статьи В.Мочульского "Вл.Соловьев и Н.Федоров", заметки В.Ф.Ходассвича "Автор, герой, поэт". Широко представлена библиография. Вторая книга "Круга" (1937) предлагала читателям продолжение романа Б.Поплавского, стихи поэтов, которых впоследствии назовут "незамеченным поколением": Г.Раевского, Ю.Терапиано, Д.Кнута, эссе Ю.Терапиано "О Гумилеве", библиографию. Третья книга также отвечала замыслам И.И.Фондаминского - дать слово тем, кому редко открывали свои двери крупные издания русского зарубежья. Наряду с Ю.Фельзеном, В.Варшавским и Н.Татищевым здесь были опубликованы "Комментарии" Г.Адамовича, "Черты любви" З.Гиппиус, "Круг" Г.Федотова.

"В начале 1938 года Зинаида Гиппиус затеяла особое литературное начинание: "опыт свободы" - серию сборников, не зависящих ни от каких литературных или политических группировок" (Терапиано Ю. - С. 83). В 1939 ее детище увидело свет. Книга называлась "Литературный смотр". В предисловии Гиппиус именовала его "Опытом свободы". Однако получился вариант "Круга" с большим количеством новелл и статей, посвященных любви и психологическому состоянию героев. Ю.Фельзен, Ю.Мандельштам,

В.Зензинов, Л.Кельберин предстали на страницах "Литературного смотра" со своими рассказами. Крайне отрицательно принял "Литературный смотр" В.Набоков (Современные записки. - 1939. - № 70. - С. 284).

В 1939 появился и новый "Казачий альманах", изданный кружком казаков-литераторов. "Родной край с его природой и бытом, с его историей, памятниками старины, архивами, живыми преданиями и песнями был налицо - но мы были ленивы и нелюбопытны. И только теперь, рассеянные по чужбине, мы поняли, что потеряли. Но старится старое и не казаками растет молодое..." - писали составители альманаха в предисловии (с. 5). Альманах был хорошо иллюстрирован, в нем опубликовали стихи казачьи поэты: Мария Волкова, Николай Туроверов, Николай Евсеев. В большой статье Н.Г.Акулинин описывал историю участия казачества в гражданской войне, поэт Н.Туроверов выступил не только со стихами, но и с исследованием "Казаки в изображении иностранных художников".

1939 стал также годом выхода альманаха "Православное дело", сборник 1 (Париж). Альманах стал продолжением той работы, которую вели Мать Мария и Фондаминский по оказанию помощи больным, престарелым русским эмигрантам. Работа проводилась в рамках объединения "Православное дело". Название предложил Н.Бердяев, он вместе с о.Сергием Булгаковым и К.Мочульским и матерью Марией был среди основателей издания (С.Гаккель. Мать Мария. - Париж, 1980. - С. 102). "Православное дело" замышлялось как сочетание проповеди православия словом с конкретной помощью. "Мы можем утверждать, что наша эмиграция религиозно оправдывает себя лишь в том случае, если будет крепко стоять на почве подлинной духовной свободы", - писала Мать Мария (с. 91). В сборник вошли статья Н.Бердяева "Христианство и опасность материалистического коммунизма", заметки К.Мочульского "Идея социального христианства в русской философии", эссе Г.Федотова "Любовь и социология".

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Прага была своего рода третьей столицей русской эмиграции. "Русская акция" чешского президента Масарика, предоставившего большую сумму денег молодым эмигрантам для учебы, способствовала превращению Праги в научный центр русского зарубежья.

Публикация стихов лучших русских поэтов была целью Н.Ф.Мельниковой-Папоушковой, составительницы двух выпусков "Антологии русской поэзии XX столетия", вышедших в Праге в 1920 в издательстве "Наша речь". В первом были подборки К.Бальмонта и В.Брюсова, стихи Ф.Сологуба, Д.Мережковского и З.Гиппиус. Во втором - стихи Вл.Соловьева, Вяч.Иванова, стихи Андрея Белого и Максимилиана Волошина, Анны Ахматовой и Любови Столицы.

В 1921 в "Славянском издательстве "Кремль" в Праге" увидела свет книга "Сборник стихотворений известных и новейших русских поэтов". В предисловии составитель Е.М.Салькова писала: "Целью нашего сборника было ознакомление читателя со всеми образцами русской поэзии, начиная от Пушкина по наши дни. К сожалению, мы натолкнулись на большие затруднения в добывании необходимых литературных источников, и труд наш является далеко не таким полным, каким мы хотели его преподнести нашему читателю" (с. 3).

Первая книга сборника "Младорусь" вышла в Праге в 1922 под ред. В.Ильинского. Сборник включал стихи редактора, статью Е.Чирикова "О прозрениях Ф.М.Достоевского", значительная часть материалов посвящалась Праге и истории Карпат. Названия статей говорили за себя: "Чему русская молодежь может поучиться у чехов", "Душа Праги", "Карпатские соколы" (Очерк карпаторусской поэзии).

Вехой в истории русской эмигрантской литературы стало появление в 1924 в "Чешско-русском издательстве в Праге" первой книги сборника "Записки наблюдателя". Книга представила подборки стихов К.Бальмонта, С.Маковского, циклы стихов М.Цветаевой "Гамлет", "Федра", "Кедр" (О книге С.Волконского "Родина"), эссе о Блоке Е.А.Зноско-Боровского. "У России была своя Прекрасная Дама-Революция, и она также "изменила облик" свой, когда были сделаны первые попытки ее воплощения. И, если ему <Блоку>

казалось, что его трагедия есть лишь часть или прообраз трагедии России, и что от второй идет "роковая пустота" ее сердца" (с. 129). Альманах был посвящен исключительно "прекрасным музам", и это подчеркивала статья Б.Шлецера "Мысли о Стравинском".

Круг участников "Записок наблюдателя" составил и авторское ядро сборника "Ковчег" (изд. "Пламя", 1926), вышедшего под редакцией В.Ф.Булгакова, С.В.Завадского и М.И.Цветаевой. Кроме произведений Булгакова и Цветаевой в книге были также стихи С.Маковского, проза Е.Чирикова, Д.Крачковского, С.Эфрона, А.Аверченко.

Во многом продолжением сборника "Младорусь" стал "Альманах Возрожденцев", вышедший в издательстве "Общества карпаторусских студентов "Возрождение" в 1933. В предисловии составители заявляли, что "национализм какого-либо народа становится плодотворным и созидательным только тогда, когда он имеет своих героев, проповедователей" (с. 3). "Мы взяли на себя должность бросить среди русских искру национального сознания и самобытного духа" (с. 4). В этом ключе выдержаны все основные статьи альманаха, история русских в Карпатах переплетается с мыслями об усилении русского самосознания. В сборнике выделяются два рассказа И.Наживина: о страшной судьбе монастыря под Владимиром и о дореволюционной спокойной жизни.

Того же направления придерживались составители нового выпуска "Альманаха общества карпаторусских студентов "Возрождение", вышедшего в Праге в 1936. Здесь были стихи, рассказы и статьи, посвященные карпаторусской литературе и живописи.

ЮГОСЛАВИЯ. (Королевство сербов, хорватов и словенцев до 1929). Югославия также стала одной из стран, принявшей тысячи русских беженцев. Здесь функционировали русские учебные заведения, выходили газеты и журналы. Одной из столиц русской военной эмиграции можно назвать Белград, где развернуло деятельность Общество Галлиполийцев, взявшее свое название от

полуострова Галлиполи, где встали лагерем войска Врангеля после эвакуации из Крыма. В 1923 в Белграде это общество издало небольшой сборник "Живым и гордым". В книжке ответы на вопросы о необходимости и смысле пребывания русской армии в Галлиполи были даны крупными военными начальниками: Врангелем, Кутеповым, командиром Донского корпуса генералом Абрамовым, русским посланником в королевстве сербов, хорватов и словенцев Палеологом, Красновым, атаманом Богаевским. С призывом сохранять мужество обратился к русской армии И.А.Бунин и другие известные деятели русской культуры и политики.

Поэтический альманах "Белый скит" появился в Белграде в 1924. Здесь в основном представлены стихи поэтов, которых сейчас мало кто помнит. Это Иван Аносов, Сергей Волинский, Альбин Комаровский.

Поэтический альманах "Зодчий" увидел свет в Белградском издательстве "Книжный кружок" в 1927. Из ныне известных поэтов в книге привлекает внимание подборка Екатерины Таубер.

ЭСТОНИЯ. Большую роль в истории литературы эмиграции сыграл альманах "Новь" (Ревель). Сборник выпускался ко "Дню русской культуры" и состоял в основном из произведений молодежи. Первый выпуск (1928) - с портретами И.С.Тургенева, П.И.Чайковского, других великих русских мастеров культуры. Второй сборник, вышедший там же в 1929, по составу был более представительным. В нем привлекают внимание статьи Н. Андреева к 85-летию И.Е.Репина, и к 10-летию со дня смерти Леонида Андреева, "Слово о Гоголе" Ю.Иваска, стихи, материалы о жизни русской молодежи в Эстонии. Третий сборник "Нови" вышел в 1930. Направление "Нови" подтвердила вступительная статья под заголовком "Смена поколений - единство культуры". Здесь опубликованы стихи М. Горлина, А.Головиной, статья Ю.Иваска о Блоке и С.Прохорова о Скрябине. Одной из главных тем разнообразных произведений альманаха оставался Печерский край. В тех же традициях выполнен четвертый выпуск (Ревель, 1932).

Примечательны статья Е.Базилевской-Роос об Анне Ахматовой, стихи Б.Нарциссова, П.Иртеля. В пятом сборнике "Новь" (Ревель, 1933) в числе новых авторов - З.Шаховская, была напечатана последняя речь скончавшегося в Праге историка и общественного деятеля А.А.Кизеветтера. Шестой выпуск альманаха (Таллинн, 1934) украшен портретами И.А.Бунина и М.И.Цветаевой. Номер целиком посвящен поэзии. Кроме стихов, в нем представлены критические статьи К.Гершельмана "О современной поэзии" и Ю.Иваска о поэзии А.Белого и М.Цветаевой. Седьмая книга вышла в том же году в издательстве "Новь" с подборками стихов русских поэтов, живущих в Эстонии и в других странах. Восьмой номер (1935) был одним из самых удачных не только в истории альманаха, но и в истории литературы русского зарубежья. Заметки И.Бунина и В.Набокова о Л.Толстом, статья А.Ремизова о Л.Шестове, материалы, посвященные памяти Б.Поплавского, эссе о рукописных альбомах А.Ремизова. Из ревельских изданий более раннего времени отметим "журнал-альманах" "На чужбине" (1921) со стихами Саши Черного, Вл.Адамса-Александровского, поэтов-окультистов Н.Рудниковой и Г.Елачича, а также с прозой Лоллия Львова, А.Дикгоф-Деренталя и А.Ремизова. В Тарту (называвшемся еще Юрьевым) в 1922 вышел сборник "Via Sacra", где были напечатаны "Плимутрок" Игоря Северянина и стихи его подражателей - В.Адамса-Александровского, И.Беляева, Б.Правдина.

ЛАТВИЯ. Альманах русской молодежи "Отклик" вышел в Риге в 1921 в издательстве "Союз молодежи". Книга предназначалась в фонд кассы взаимопомощи. В "Отклике" стихи соседствовали со сказкой "Горюшко русское" и острыми заметками "В советском раю", подписанными инициалами Я.К.

Наследию философа Н.Ф.Федорова был посвящен второй выпуск альманаха "Вселенское дело" (Рига, 1934; первый выпуск - Одесса, 1914) с рисунком Л.Пастернака, изображавшим В.Соловьева, Н.Федорова и Л.Толстого, и стихотворением харбинского поэта А.Несмелова. Значительная часть "Вселенского дела" была отдана

археографии: публикациям документов, связанных с деятельностью Н.Федорова, а также В.Соловьёва, К.Леонтьева, Л.Толстого.

ЛИТВА. Два первых выпуска "Балтийского альманаха" были изданы в Каунасе в 1923 и 1924. Альманах имел подзаголовок "Ежемесячник литературы, искусства и экономики", печатал стихи, библиографические и искусствоведческие материалы и статьи. В первом выпуске - статья Э.Голлербаха, посвященная 25-летию творческой деятельности М.Добужинского, во втором - литературные эскизы Ю.Айхсвальда об Алексее Толстом и Михаиле Арцыбашеве, а также переводы из Адама Мицкевича (см.: Абызов Ю. Ч. 4. С. 417).

ПОЛЬША. В 1923 в Варшаве вышел малый альманах поэзии и прозы "Шестеро (Изд. "Таверна поэтов") со стихами русских поэтов, живших в Польше.

БОЛГАРИЯ. Первая книга альманаха "Русские сборники" увидела свет в софийском "Российско-болгарском книгоиздательстве" (1920). Это было политическое издание, пытавшееся осмыслить катастрофу в России. "В течение ряда лет русская интеллигентская мысль вдохновлялась, прежде всего, борьбой с самодержавным строем, в котором она видела одно из главных препятствий на пути широкого и свободного развития нашего народа. В увлечении этой борьбой она нередко, однако, забывала об общих и обязательных условиях народно-государственного бытия... В России наших дней совершается огромной важности столкновение теории с практикой: в результате революционных потрясений на сцену выступил сам народ, и многие привычные и близкие русской интеллигенции суждения и представления требуют коренного пересмотра..." (с. III.). В этом ключе выдержаны основные идеи сборника. Многие статьи - "Советская Россия и Европа", "Болгария и стремление России к проливам", заметки о деятельности Балканского Ближневосточного института - в той или иной степени касались взаимоотношений России и Болгарии.

Вторая книга альманаха, изданная там же и в том же издательстве в 1921, открывалась статьей К.Н.Соколова "Ориентация", обвинявшей западные державы в том, что случилось в Российской империи. Анализ последних событий гражданской войны был дан в статье Э.Гримма "Три цвета". "Стало выясняться, что анархический период большевизма прошел и что наступил новый период, - деспотический" (с. 31). Статья Е.Спекторского посвящена кризису всех форм государственности и законодательства в России. Во втором выпуске "Русских сборников" появились новые литературные мотивы, выраженные, в частности, в статье Е.Чирикова "Леонид Андреев".

ШВЕЙЦАРИЯ. Большую хрестоматию русской поэзии "Родное слово" издала Елена Милич в 1919 в Женеве (Издательство департамента просвещения христианских обществ молодых людей).

КИТАЙ. Харбин, а потом Шанхай были своего рода дальневосточными столицами русского зарубежья. Сотни тысяч сибиряков устремились туда, где почти все население говорило по-русски, выходили русские газеты и журналы.

В 1920 в издательстве русского благотворительного общества в Шанхае вышел литературно-художественный альманах, посвященный Китаю, - "Дальний Восток". Он включал стихи и сказки китайских авторов в переводе на русский язык, а также статьи о политической и экономической жизни в "Поднебесной" к моменту выхода сборника. Продолжением "Дальнего Востока" стал альманах "Желтый лик" (Шанхай, 1921). В нем, кроме прежних тем, было много переводов французских синологов. Второй частью "Желтого лика" можно назвать альманах "Китай", увидевший свет в 1923 в шанхайском издательстве, также названном "Желтый лик".

Альманахи выходили и в Харбине. Призывом к сохранению исторических и государственных традиций России был однодневный

выпуск сборника "День русской культуры", посвященного празднованию Дня русской культуры в Харбине 15 июня 1930. Характерным было название одной из статей - "Побеждающая сила духа". В русле своих основных положений выступил И.А.Ильин. Его заметки назывались "О рыцарском духе". Много материалов было посвящено А.С.Пушкину и жизни русских в изгнании.

В 1931 в Харбине под редакцией Ф.Данилевского увидела свет первая книга литературно-художественного сборника "Багульник", в котором, наряду со стихами участников поэтического кружка русских поэтов в Харбине "Чураевка" А.Несмелова, Н.Щеголева, В.Янковской, были помещены отзывы на книги, вышедшие на русском языке в Китае, статьи о дальневосточных писателях.

Непосредственным изданием самой "Чураевки" стал сборник стихотворений "Семеро" (1931) в издательстве "Молодая Чураевка". Здесь были представлены лишь стихи молодых: Н.Щеголева, Н.Светлова, Ларисы Андерсон, Лидии Хаиндровой, Нины Ильнек, Нины Резниковой, М.Шмейссера.

Тема Китая и синологии по-прежнему занимала значительное место в творчестве русских литераторов, оказавшихся в дальневосточной стране. Но она персплеталась с размышлениями о России и воспоминаниями о прежней жизни, примером чего стали выпуски дальневосточных сборников "Врата". Первый сборник увидел свет в Шанхае в одноименном издательстве при литературно-художественном объединении "Восток" в 1934. Здесь были стихи, перевод "Дао Дэ Цзина", заметки к юбилею И.Бунина и 30-летию со дня смерти Н.Федорова. Второй сборник "Врата" вышел в 1935. Он отличается обширным материалом по восточной мифологии. Рецензируя оба выпуска "Врата", альманах "Земля Колумба" писал: "Сборник "Врата"... представляет несомненно ценный материал как для современника, так и для будущего историка. "Врата" имеют свои задания: отражение быта русских и ознакомление читателя с культурно-художественным богатством Востока" (1936. - Кн. 1. - С. 125).

США. Америка стала прибежищем выходцев из России еще до 1917. С началом массовой эмиграции большинство русских книг и периодических изданий, выходящих в Америке, отражает процессы, проходившие среди миллионов изгнанников из России. Сборник "Досуг", вышедший в Нью-Йорке в "Первом русском издательстве в Америке" в 1918, имел подзаголовок: "Первый изданный в Америке сборник рассказов, очерков, стихотворений и рисунков". Печатались ностальгические рассказы и стихи, велась рубрика "Русские революционные деятели в Америке". Немалый интерес представляет список книг "Первого русского издательства в Америке", приложенный в конце "Досуга".

Рассказы И.Бунина, Е.Чирикова, Л.Андреева, А.Куприна об ужасах, творившихся на просторах бывшей Российской империи, вошли в небольшой сборник "Скорбь земли родной" (Нью-Йорк: Народоправство, 1920). Своего рода продолжением этой книги стал первый сборник "Родная земля", вышедший в том же издательстве в 1920. Это - плач по погибшей стране. Интонацию сборника, в котором приняли участие и Ф.Сологуб, Н.Тэффи, М.Молданская, опубликовавшая воспоминания "Эмиграция и смерть Леонида Андреева", определил А.Ремизов. Он напечатал здесь свое "Слово о гибели земли Русской" (впервые: Скифы. - СПб., 1918. - Сб. 2.). Второй сборник "Родной земли" был издан там же в 1921. (Он включил "Двенадцать" А.Блока, "Песни" И.Бунина, "Китеж" М.Волошина.)

Особняком среди многочисленных изданий русского зарубежья стоят два альманаха кружка пролетарских писателей в Северной Америке (составной части Всероссийского союза крестьянских писателей): "К новым горизонтам" (1922), "В плену небоскребов", вышедший в Нью-Йорке в 1924. Эту поэтическую книгу открывали произведения Д.Бурлюка, который причастен также к изданию нью-йоркских альманахов "Первый кооперативный сборник свирели собвоя" (1924) со стихами поэтов-эмигрантов, "Сегодня русской поэзии" (1924) и посвященного памяти Маяковского сборника-антологии "Красная стрела" (1932).

Антиподом ему является первый сборник литературно-художественного кружка в Сан-Франциско "Дымный след" (Сан-Франциско, 1925). Это изящно оформленный сборник, с обложкой, вполне напоминающей "Мир искусства"; он должен был отвечать изысканно-эстетическому вкусу. Однако трагедия России не могла не найти и в нем своего отражения. Наряду со сказками и стихами на восточные и китайские мотивы в "Дымном следе" были опубликованы стихи Ольги Ильиной "Из цикла "1920 год", драма К.Яровикова "Каппелевцы", стихи правнучки Е.А.Боратынского Н.Дудоровой. В конце сборника читатели могли познакомиться со статьями А.Кауна "Чему нас учит Леонид Андреев" и "Пушкин. (Опыт философской критики)". В заметках, подписанных инициалами Е.М., "Культурный уголок русской колонии в Сан-Франциско", рассказывается о жизни литературно-художественного кружка в Сан-Франциско.

В 1925 в Нью-Йорке вышел сборник стихотворений "Из Америки". Он включал в себя большие подборки поэтов Е.Христиани, А.Голохвастова, Д.Магулы, В.Ильяшенко.

Литературно-художественный кружок Сан-Франциско продолжал свою деятельность и в 1934 в харбинской типографии отпечатал свой "Калифорнийский альманах": "Две главные идеи заложены в основание "Калифорнийского альманаха". Одна узкоместная: предоставление страниц русским калифорнийским писателям, дабы поддержать и воодушевить их в работе. Вторая идея более обширна и должна иметь несомненное историческое значение и ценность, как охватывающая всю зарубежную Россию. Это отдел, впервые создавшийся в зарубежье - "Писатели о себе", в котором Альманах надеется со временем собрать автобиографии всех русских писателей, находящихся за границей" (с. 3), - говорилось в предисловии. И действительно, в "Калифорнийском альманахе" на вопросы об отношении к критике и о своих биографиях ответили многие: С.Горный, ставший душой издания, Е.Бакунина, Г.Гребенщиков, Г.Песков, М.Осоргин и другие. П.Балакишин опубликовал здесь "Повесть о Сан-Франциско" и статью

"Эмигрантская литература", раскрывающие жизнь русского литературного Парижа. Интересна статья о Военной библиотеке Г.Гувера. В "Калифорнийском альманахе" можно было познакомиться с эссе об американской и итальянской литературах.

Одним из заметных событий в истории русской литературы в Америке стал выход альманаха "Земля Колумба" (1936). Этот сборник литературы и искусства под редакцией Б.Миклашевского на титульном листе представил название трех городов: Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес. Объясняя задачи сборника, Б.Миклашевский писал: "История всей русской эмиграции в Америке, насчитывающей миллион сто пятьдесят тысяч, есть история упорного труда, настойчивости, успеха. Этот миллион не рассосался бесследно в ста десяти других миллионах, представляя собой крепкое национальное ядро, он не остается в стороне от общей жизни страны и ее развития (с. 85). "По карте "безграничной Российской империи" можно проследить, какими этапами, шла русская зарубежная литература: Константинополь, София, Белград, Прага, Берлин, Париж... Многие этапы исчезли совершенно. Но на "окраинах империи" появляются и крепнут новые. Мы накануне широкого литературного роста русской Америки и Азии" (с. 87). В первом выпуске "Земли Колумба" наибольшее внимание привлекают стихи А.Вертинского, рассказ П.Балакшина "Весна над Филмором", рассказ С.Горного "Мы и они". Широко представлено творчество Н.К.Рериха. Наряду со статьями о нем были опубликованы "Листы из дневника" самого Н.К.Рериха под названием "Будем радоваться". Статью к 20-летию со дня смерти А.Н.Скрябина "Прометей" представил Л.Яковлев.

Во второй книге "Земли Колумба" (1936) к названиям городов на первой странице добавились Чикаго, Буэнос-Айрес и Рио-де-Жанейро. Составители альманаха в подписном листе, вклеенном в книгу, особо отмечали, что это издание - мост между Северной и Южной Америкой. Читатели знакомятся здесь со стихами А.Несмелова, "Письмами из Рокпорта" П.Балакшина, статьей А.Амфитеатрова "Комедия ошибок", посвященной гоголевскому

Ревизору". Продолжил публикацию своих "Листов дневника" Н.К.Рерих. С.Гладкий напечатал статью о Марии Башкирцевой".

В.В.Леонидов

БЕЛГРАДСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. В Белграде в 1920-41 существовало не более 20 русских эмигрантских издательств, издающих организаций и книготорговых предприятий. Большая их часть действовала один-два года и продукция их была незначительной. Всеславянский книжный магазин, издательство и книжный склад "М.И.Стефанович" были основаны еще в 1910. Его русским отделом в 20-е заведовал С.А.Камкин. Издательство выпускало произведения П.П.Тутковского, К.С.Попова, А.И.Куприна, Е.Н.Чирикова и др. Работало оно, видимо, до конца 30-х. В 1919 начало работать русское товарищество книжной торговли "Славянская взаимопомощь", основанное бывш. сенатором В.Н.Смоляниновым. В 1921 был основан книжный магазин, издательство и библиотека И.И.Строганова "Возрождение". Сын А.С.Суворина М.А.Суворин в 1921 возобновил издание газеты "Новое время" и при ней одноименное издательство, выпустившее в 1921-30 15 названий. Среди них романы А.Ренникова (Селитренников А.М.) "Диктатор мира" (1925), "За тридцать земель" (1926); 2-е изд. "Дней" В.В.Шульгина (1925). В 1930 издатель Н.З.Рыбинский выпустил несколько книг русских авторов - В.А.Хабаров "Завоевание Индии. Записки русского беженца". Е.Вадимов "Где-то" - сборник избранных стихотворений; его же книгу очерков "Корнеты и звери". Издательство "Святослав", работавшее в Белграде и в г.Нови Сад в 1921-38, издало сочинения Н.Н.Брешко-Брешковского "На золотом

* Статья написана при поддержке Института "Открытое общество" (проект № 238/1996).

троне" (1925), Л.Изломовой "Женщина на распутье" (1928) и "Хмель жизни" (1928); фантастическую повесть П.П.Тутковского "Перст Божий: Гибель российской коммуны" (1924). В 1921-40 работало издательство "Меркур" (42 назв.), в 1928-40 "Слово" (27 назв.). Научные издания выпускали "Институт изучения России" (1931-40; 13 назв.), "Русский научный институт" (1929-41; 80 назв.), "Русское археологическое общество в королевстве Югославия" (1921-40; 27 назв.). 17 названий издал "Национальный Трудовой Союз. Новое поколение" (1935-40).

В 1928 в Белграде состоялся единственный в русском зарубежье Всеемигрантский съезд русских писателей. Многие русские писатели по этому случаю были награждены сербским орденом Св.Саввы. Результатом съезда стало образование при Сербской Академии наук особой Издательской комиссии, финансируемой Правительством Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Эта комиссия являлась официальным органом Государственной комиссии по российским беженцам. Комиссия в 1928-36 выпустила три серии различных изданий. 1. "Русская библиотека" - самое крупное издательское начинание русской эмиграции в Королевстве СХС. Серия состояла из 43 книг современных русских авторов: М.Алданов "Юность Павла Строганова и другие характеристики" (1934); Д.С.Мережковский "Наполеон" (1929), "Тайна Запада. Атлантида - Европа" (1930), "Иисус Неизвестный" (1932-34); Е.Н.Чириков "Отчий дом. Семейная хроника" (1929-31), "Вечерний звон. Повести о любви" (1932); И.С.Шмелев "Въезд в Париж" (1929), "Родное. Из потерянной рукописи" (1931), "Лето Господне. Праздники" (1933), "Богомолье" (1935); А.В.Амфитеатров "Русский поп XVII века. Этюды об Аввакуме" (1930), "Заря русской женщины. 1. Ольга и Елена. 2. Птичий грех" (1929), "Русский уездный город XVII века" (1932); К.Д.Бальмонт "В раздвинутой дали. Поэма о России" (1930); А.И.Куприн "Елань. Рассказы" (1929), "Колесо времени" (1930); И.А.Бунин "Грамматика любви. Избранные рассказы" (1929); З.Н.Гиппиус "Синяя книга. Петербургский дневник 1914-1918" (1929); Б.К.Зайцев "Избранные рассказы. 1904-1927" (1929); А.М.Ремизов "По

карнизам" (1929), "Ров львиный" (1930); В.Н.Ладыженский "За рубежом. Рассказы" (1930); Б.А.Лазаревский "Лиза. Рассказы" (1930); С.П.Мельгунов "Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири" (1930-1931); Н.Рошин "Журавли. Рассказы" (1931); Н.А.Тэффи "Книга Июнь. Рассказы" (1930); И.С.Лукаш "Сны Петра. Трилогия в рассказах" (1931); В.А.Оболенский "Очерки минувшего" (1931); И.Северянин "Классические розы. Стихи. 1922-1936" (1936). Последним выпуском серии стала книга И.А.Ильина "Путь духовного обновления" (1936). 2. "Детская библиотека" - в ней вышло 11 книг, среди них народные сказки, стихи и сказки для детей Саши Черного. 3. "Библиотека для юношества" включала только два издания.

Вторым центром русского книжного дела в Королевстве СХС можно считать город Нови Сад. Здесь работало русское издательство С.Ф.Филонова, выпустившее в 1923-42 142 названия книг русских авторов. Среди них произведения Л.М.Сухотина "Любовь в русской лирике XIX века" (1927), А.Амфитеатрова "Вчерашние предки" (1928-1931), заключение хроники "Концы и начала"; повести И.Янушкевич "Казнь" (1928), "Так было и будет" (1930), М.Ясинской "Силуэты" (1933), роман - хроника Б.В.Гагарина "В последние дни" (1931) и др. сочинения русских писателей-эмигрантов.

Лит.: Katchaki J.N. Bibliography of Russian refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia). 1920-1945. - Arnhem, 1991.

И.А.Шомакова

БЕРЛИНСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. В 20-е Берлин стал одним из крупнейших центров издательской деятельности русской эмиграции. Это обуславливалось взаимодействием многих факторов. С одной стороны, окончание гражданской войны, установление относительного экономического спокойствия в России (введение

НЭПа) способствовало установлению дружеских взаимоотношений Советской России и Германии, которые были подтверждены подписанием договора между странами в г.Рапалло в апреле 1922. С другой стороны, Берлин был тем городом, где сосредоточилось огромное число русских беженцев (на 1-е января 1922 в Германии находилось свыше 250.000 русских) - представителей образованной русской элиты. И русские эмигранты с самого начала стремились воссоздать свой привычный культурный мир, неотъемлемой частью которого были русские книги. Относительная дешевизна бумаги и полиграфических услуг в Германии способствовала тому, что русские предприниматели, приезжая в Берлин и "не находя приложения вывезенным капиталам, сами возбуждали в качестве одного из предложений вопрос об основании за границей русских издательств" (Гессен И.В. Годы изгнания. - Париж, 1979. - С. 450). К тому же, создание русских книгоиздательств было выходом к большой читательской аудитории многочисленных литераторов, критиков, публицистов, политических деятелей, что в свою очередь давало им возможность хоть какого-то заработка.

Сложившаяся ситуация в Германии, при которой граница между русским зарубежьем и советской Россией была нечеткой, способствовала двусторонней культурной связи. Идея "наведения мостов" (выражение А.С.Ященко) имела большую популярность в начале 20-х среди эмигрантов. Историк Г.Федотов считал, что "никогда ни одна эмиграция не получала от нации столь повелительного наказа - нести наследие культуры. Он (этот наказ) дается фактом исхода, вольного или невольного, из России значительной части ее активной интеллигенции. Он диктуется и самой природой большевистского насилия над Россией. ... Естественное творчество национальной культуры перехвачено, подвергалось глубокой хирургической ампутации и организовано в самых жестких формах государственного принуждения" (Современные записки. - 1935. - № 58. - С. 450). По мнению Г.Федотова, печать в эмиграции должна "стать живой связью между вчерашним и завтрашним днем России". Берлин одним из первых

поднял идею сохранения и приумножения великой русской культуры.

Начиная с 1920 Берлин становится центром информационного обмена. В первую очередь это было связано с его ролью издательского центра; после окончания гражданской войны многие советские писатели приезжали в Германию. Издаваемые в Берлине библиографические журналы ("Русская книга" 1921; "Новая русская книга" 1922-1923; "Новости литературы" 1922; "Вестник русского книжного рынка" 1922-1923 и др.) также способствовали обмену информации об авторах и изданиях как в Советской России, так и за рубежом.

Архивы издательств были конфискованы или утеряны в годы второй мировой войны. Так, по свидетельству А.С.Кагана, одного из основателей и владельцев книгоиздательства "Петрополис", документы, отражающие деятельность издательства в 1923-1937, были изъяты гестапо и до сих пор не найдены. Кроме того, деятельность многих издательств была переведена во второй половине 20-х из Берлина в другие города (издательство УМСА-Press, специализировавшееся в Германии на выпуске технической литературы, в 1925 перебралось в Париж, где стало основным издателем книг по философии и религии; издательство "Геликон" в 1927 переехало в Париж; издательство "Петрополис" в 1933 - в Брюссель).

Самые ранние русские книгоиздательства, открывшиеся в Берлине в 1919, - "Врач" и "Москва". Книгоиздательство "Врач" специализировалось на выпуске медицинской литературы. В конце 1919 А.С.Заксом был основан в Берлине книжный магазин "Москва", перед которым стояла задача собирать все книги, журналы, газеты, выходящие на русском языке за рубежом. С января 1921 "Москва" функционирует и как книгоиздательство. Журнал "Русская книга" стал первым опытом нового книгоиздательства. Основатели журнала А.С.Закс и А.С.Яценко подчеркивали задачу журнала - удовлетворить назревшую потребность "в точной информации и в объединении сведений о русской литературно-издательской

деятельности во всех странах мира" (Русская книга. - 1921. - № 1. - С. 1). С начала 1922 издательство стало выпускать журнал "Вестник русского книжного рынка", явившийся отчасти продолжением "Русской книги". Собственные издания "Москвы" - это, в основном, произведения современных авторов: И. Северянин "Менестрель: Новейшие поэты" (1921), "Миррэлия: Новые поэты" (1922); А.Н. Толстой "Хождение по мукам: Роман" (1922), пьеса "Любовь - книга золотая" (1922); С. Юшкевич "Повесть о господине Сонькине" (1922), пьеса "Похождения Леона Дрея" (1922); С. Черный "Чудесное лето: Рассказы для детей" (1922).

Начиная с 1920 о себе заявляет издательство И.П. Ладыжникова. Издательство было основано И.П. Ладыжниковым в 1905 в Женеве по поручению ЦК РСДРП, в том же году деятельность книгоиздательства была перенесена в Берлин. Издательство специализировалось на выпуске марксистской литературы, сочинений М. Горького и писателей, группирующихся вокруг "Знания". После 1918 издательство было приобретено Б.Н. Рубинштейном. Новый владелец сохранил прежнее название, но изменил цели и задачи. Теперь деятельность издательства была подчинена, прежде всего, защите авторских прав русских писателей за пределами России.

Издательство предлагало своим читателям как публикации на русском языке (особенно для тех книг, которые не могли печататься в России по причинам цензурного порядка), так и на иностранных языках для ознакомления европейских читателей с творчеством русских авторов. Во время гражданской войны издательство снабжало русских военнопленных русскими книгами. С 1920 издательство Ладыжникова приступает к выпуску русской литературы, ориентируясь при этом на возможный книжный рынок Советской России. Читателям предлагалось несколько серий: одна из них называлась "Русская библиотека", в нее входили собрания сочинений русских классиков: А.С. Пушкина, И.А. Гончарова, С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и др., а также отдельные издания произведений русских

писателей: Н.В.Гоголь "Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" (1921), "Майская ночь; или Утопленница. Пропавшая грамота" (1921), "Невский проспект. Записки сумасшедшего" (1922) и др. Другая серия "Русские классики и современные писатели" предлагала произведения М.Горького ("Русские сказки" 1922, "О русском крестьянстве" 1922 и др.), Д.С.Мережковского ("Христос и Антихрист: Трилогия" 1922 и др.), Ф.Сологуба ("Политические сказочки" 1922 и др.), Л.Андреева ("Рассказ о семи повешенных" 1918, "Губернатор" 1918) и других современных авторов.

Издательство не забывало и маленьких читателей, выпуская красочно иллюстрированные книги: "В стране зверей" (текст Г.Росимова, 1922), "В царстве игрушки" (текст Г.Росимова, рис. В.Мозалевской, 1924), "Путешествие Петрушки на Луну" (текст Г.Росимова, 1922), С.Черный "Сон профессора Патрашкина" (1924), "О гноме Клубнике и царевне Пион: Сказочка" (текст Г.Росимова, 1922) и др. Следует отметить, что детские книги в своем большинстве печатались и по старой орфографии (т. е. предназначались для эмиграции), и по новой орфографии (т. е. для детей в России). Для школьников книгоиздательство печатало словари и учебники. Единственное из всех русских книгоиздательств, предприятие Б.Н.Рубинштейна, выпускало серию "Художественные открытки", свидетельствующую, кстати, о сильной полиграфической базе. В серии воспроизводились картины русских художников: А.Бенуа, М.Добужинского, С.Виноградова, А.Бакшеева, Б.Кустодиева, С.Малютина, К.Юона и других.

Работа всех серий издательства И.П.Ладыжникова была направлена, в первую очередь, на воссоздание в эмиграции привычного русского книжного мира. Этому же в немалой степени способствовала и работа журнала А.С.Яценко "Новая русская книга", выпускаемого издательством в 1922-1923. Критика единодушно сходилась в оценке журнала, который благодаря строгой беспартийности, непоколебимой энергии в добывании библиографического материала, свежести информации стал

"настойной книгой каждого серьезного читателя" (Накануне. Лит. приложение. - 1922. - 7 мая. - С. 10). Раздел журнала "Судьбы и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1922 гг." и в настоящее время является незаменимым справочником о деятелях русской культуры.

С 1923 издательство предприняло выпуск большой серии "Библиотека современного знания", включавшей в себя научно-популярные книги по различным отраслям наук. В основном, это был перевод серии "Aus Natur und Geisteswelt", выходявшей в издательстве Тейбнера (Лейпциг) на немецком языке. Издательством И.П.Ладыжникова было приобретено исключительное право перевода этой серии на русский язык, и, в первую очередь, книги "Библиотеки Тейбнера" издавались как справочные пособия по электротехнике, механике, анатомии, сельскохозяйственным машинам, бухгалтерии.

Связь с Советской Россией издательство И.П.Ладыжникова осуществляло через Петроградское художественное издательство "Светоч" (директор А.М.Бродский). Но в 1924 обмен книгами между ними становится невозможен по причине жесткого цензурного контроля. Вероятно, именно потерей книжного рынка в России объясняется выпуск серий книг "Библиотека врача-практика", "Итоги современной медицины", предназначенных для круга специалистов эмиграции.

Издательства И.П.Ладыжникова в меньшей мере, по сравнению с другими русскими книгоиздательствами, коснулась книжная политика советской России. В 1924 ему было передано исключительное представительство книгоиздательств З.И.Гржебина, С.Ефрона и журнала "Беседа" (книгоиздательство "Эпоха"), а также издательства "Библиофил" (Ревель). В 1924 книгоиздательство "Эпоха" продало большую часть своей продукции издательству И.П.Ладыжникова для реализации. Издательство Ладыжникова прекратило свою деятельность в начале 30-х.

Книгоиздательство "Ольга Дьякова и К^о" было основано в конце 1920 и специализировалось на выпуске современной

беллетристики (произведения Г.Брейтмана, А.Дроздова, Б.Лазаревского, И.Петрушевского, Д.Ратгауза, Е.Нагородской, П.Краснова, Н.Потапенко, Л.Урванцева, М.Первухина, Н.П.Карабчевского, Т.Краснопольской и др.) и детских книг (произведения А.С.Пушкина для детей, В.Куликовского, Л.Урванцева, сборники сказок, рассказов).

Книгоиздательство "Слово" возникло весной 1920 по инициативе И.В.Гессена, выпускавшего в Берлине левоцентристскую газету "Руль" (1920-1931). Скооперировавшись с крупной немецкой издательской фирмой "Ульштэйн и Ко", "Слово" организовало отдел, занимающийся выпуском дешевых изданий русских классиков. Эта серия ("Классики") предлагала читателям собрания сочинений А.С.Пушкина (в 6 томах, 1921-1922), Н.В.Гоголя (в 10 томах, 1921), И.С.Тургенева (в 10 томах, 1921-1923), Л.Н.Толстого (в 11 томах, 1921-1922) и др. Критика отмечала, что впечатление от томиков серии (был использован "французский" формат - "в 1/12") самое благоприятное, и предполагала, что маленькие книжечки издательства "имеют все данные к тому, чтобы сделаться распространенным или "популярным" изданием" (Новая русская книга. - 1922. - № 2. - С. 16).

Ставя на первое место выпуск русской классики, издательство предлагало и другие серии. Прежде всего, это большая серия детских книг. Считая одной из главных своих задач сохранение русской культуры, издательство предлагало маленьким читателям книги А.Н.Афанасьева "Русские детские сказки" (1921), Саша Черного "Детский остров" (илл. Б.Григорьева, 1921), антологию "Радуга: Русские поэты для детей" (сост. С.Черный, 1921) и др.

В серии "Современная литература" выходили как собрания сочинений современных авторов (А.Блок в 3 томах, 1922), так и отдельные произведения К.Бальмонта ("Из мировой поэзии", 1921), Ф.Сологуба ("Заклинательница змеей", 1921), А.Валентинова ("Последние студенты", 1922), Н.Рериха ("Цветы Мории", 1921), И.Бунина ("Роза Иерихона", 1924), З.Гиппиус ("Стихи: Дневник 1911-

1921", 1922), сб. рассказов А.Ремизова, Е.Замятина и др. "Собачья доля" (1922).

Книгоиздательство "Слово" с момента своего образования основало неприкосновенный фонд среднего (10%) авторского вознаграждения, используемый в тех случаях, когда издательство не могло снестись по какой-либо причине с авторами. Очень многие литераторы с одобрением отмечали этот факт примирения требований сохранения русской культуры с интересами авторов.

С конца 1921 издательство приступает к выпуску новой серии "Научные книги", в которую входили современные исследования во всех областях науки, хотя приоритетной все же была область общественных отношений: М.Туган-Барановский "Социальные основы кооперации" (1921), Л.Мадлэн "Французская революция" (2 тома, 1922), П.Н.Новгородцев "Об общественном идеале" (1921), А.Эйнштейн "Теория относительности" (1921), "О физической природе пространства" (1921), А.И.Чупров "Мелкое земледелие и его основные нужды" (1921) и др.

"Слово" выпускало мемуарную литературу: "Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II" (1922); воспоминания Н.Е.Врангеля (1924); воспоминания С.Ю.Витте (2 тома, 1922); "Россия в Мировой войне 1914-1915 гг." (1924) Ю.Н.Данилова и др. и основанный И.В.Гессеном "Архив русской революции": за период с 1921 по 1937 вышло 22 сборника, в которых печатались воспоминания З.Ю.Арбатова, П.Н.Краснова, А.Блока, Р.Гуля, А.Изгоева, Д.Лухотина, В.Д.Набокова, М.В.Родзянко, А.С.Лукомского, А.А.Гольденвейзера, А.Будберга, В.Гурко, кн. Е.Н.Трубецкого, В.И.Кельсиева и других. Сотрудничая с Пражским Русским заграничным историческим архивом, И.В.Гессен рассматривал свой "Архив" как своеобразное хранилище документов-воспоминаний русского зарубежья и поэтому уделял на его страницах место самым разнообразным представителям политических течений и группировок. Книгоиздательство прекратило свою деятельность в начале 1938.

Среди открывшихся в 1920 издательств некоторые были отделениями частных книгоиздательств Москвы и Петрограда. О себе заявило книгоиздательство "Геликон". Факт совместного грифа на книгах этих издательств сам по себе отражал тенденцию времени - в этом виделось сближение двух культур. Г.П.Струве в своем исследовании "Русская литература в изгнании" давал такое объяснение этому факту: "Обстановка советско-эмигрантского сожительства и общения отчасти объясняется тем, что в Советской России в это время еще существовала относительная свобода мысли и печати <...> отчасти тем, что многие писатели, как из того, так и из другого лагеря, в это время окончательно еще не самоопределились, а отчасти, наконец, тем, что советская власть, думавшая извлечь свои выгоды из сменовеховства и разложения эмиграции, на такое общение смотрела сквозь пальцы, если даже ему не потворствовала" (с. 27).

Книгоиздательство "Геликон" образовалось в Москве в 1916. Специализировалось на выпуске монографий по гравюре и графике. Были выпущены книги "Гравюры Альбрехта Дюрера", - "Искусство Марка Шагала". Послереволюционные события в России не позволили "Геликону" закончить работы над книгами П.Муратова о Пиранези и "Греческая вазопись" (под ред. проф. В.К.Мальмберга). В 1920 владелец издательства А.Г.Вишняк перенес деятельность своего предприятия в Берлин. Перед издательством встала задача - создание типа новой книги, "согласованной с современным укладом жизни и новыми достижениями изобразительных искусств" (Вестник русского книжного рынка. - Берлин, 1922. - № 1. - С. 14. Далее: ВРКР). Книги "Геликона" отличала особая тщательность полиграфического исполнения, которая напоминала о лучших традициях русского книгоиздательского дела 1912-1915. Издательство предлагало книги русских классиков: И.С.Тургенева "Казнь Тропмана" (илл. Марселя Слodkaго, 1922), "Песнь торжествующей любви" (илл. В.Масютина, 1922); Н.В.Гоголя "Нос: Повесть" (1922); современных авторов: М.Цветаевой "Разлука: Книга стихов" (обложка А.Арнштама, 1922),

И.Эренбурга "А все-таки она вертится: О новом стиле в искусстве" (обложка Ф.Леже, 1922), "Звериное тепло" (1923); А.Ремизова "Россия в письменах" (илл. В.Н.Масютина, 1922), А.Н.Толстого "Повесть о многих превосходных вещах. (Детство Никиты)" (илл. В.Масютина, 1922), Н.В.Крандиевской "От Лукавого: Книга стихов" (1922), А.Белого "Путевые заметки: Сицилия и Тунис" (1922), а также классиков мировой литературы: Г.Гейне "Флорентийские ночи. Равви из Бахарах" (1922; пер. М.Цветаевой) и др. В серии художественно-изобразительных монографий был выпущен труд В.Н.Масютина "Гравюра и литография: Краткое руководство" (1922) с большим количеством репродукций, сделанных с коллекции берлинского Купферштих-Кабинета.

Критика, сравнивая издательства З.И.Гржебина и "Геликон", отмечала, что "если Гржебин насытит необозримую Россию классиками и прикладными книгами, то "Геликон" дополнит его работу, удовлетворив и самых строгих ценителей книги" (Накануне: Литературное приложение. - 1922. - 7 мая. - С. 10). Издательство выпускало и журналы: литературный ежемесячник "Эпопея" под редакцией А.Белого и "Бюллетени Дома Искусств". Ежемесячник "Эпопея" (1922-1923) видел свою цель в объединении "живущих там" и временно проживающих здесь" (ВПКР. - 1922. - № 1. - С. 14). "Бюллетени Дома Искусств" отражали деятельность созданной в 1921 профессиональной организации русских писателей и деятелей искусств в Берлине. В 1927 книгоиздательство "Геликон" переехало в Париж, где работало до 1937.

Петербургское книгоиздательство А.Ф.Девриена возобновило в Берлине свою деятельность в июле 1921 под руководством А.А.Деврисна (сына книгоиздателя), специализировалось на выпуске сельскохозяйственной и детской литературы. Часть изданий А.Деврисн выпускал по новой орфографии, тем самым рассчитывая на книжный рынок России. Среди детских книг издательство предлагало серию иллюстрированных сказок для детей (русских,

немецких, индийских, японских, шведских, кавказских и некоторых др.) и авторские произведения: В.Желиховская "Как я была маленькой", 1922, "Князь Илико маленький пленник", 1922; А.И.Красницкий "Слезы: Повесть из гимназического быта" (1921); М.Круковский "Родная жизнь: Рассказы по родиноведению" (1922); Волкова С. "Серенький козлик: Семь любимых детских песен с нотами для рояля" (1923) и другие.

В 1921 критика с одобрением отмечала, что возобновившее свою деятельность издательство С.Ефрона "ведет дело с той же солидностью, сноровкой, чутьем, которые отличали С.Ефрона в России" (ВРКР. - 1922. - № 1. - С. 10). Издательство предлагало своим читателям несколько серий, среди которых выделяется "Библиотека путешествий". В нее вошли книги Г.Вегенера "Мои воспоминания из кругосветного путешествия", Г.Стенли "Как я нашел Ливингстона", С.Паша "Огонь и меч в Судане", Н.Пинсгина "С Седовым к Северному полюсу", Г.Нахтигаль "Сахара и Судан" и др. (Каталог издательства И.П.Ладыжникова. - Берлин, 1922. - С. 47). Из современных авторов, изданных С.Ефроном, следует указать книги А.Ахматовой ("Четки", 1921), К.Бальмонта ("Сонеты солнца, меда и луны", 1921), Р.Гуля ("Ледяной поход (С Корниловым)", 1921), А.Дроздова ("Подарок Богу: Рассказы", 1921), Н.Оцупа ("Град: Книга стихов", 1922), А.Ремизова ("Трава-Мурава", 1922), И.Эренбурга ("Неправдоподобные истории", 1921), М.Даутендея ("Восемь ликов озера Бива: Японские новеллы о любви", 1921) и др. Ценителям художественных изданий С.Ефрон предлагал красочный альбом Бориса Григорьева "Расея" (вступ. статья графа А.Н.Толстого, 1921) и книгу Дж.Вазари "Жизнеописание замечательных живописцев" (под ред. В.Астрова, 1923). Издательство выпускало книги по философии и другим общественным наукам: Н.Арсеньев "Жажда подлинного бытия: Пессимизм и мистика" (1921), Ф.Беер "Теория относительности Эйнштейна и ее исторические основы. Шесть популярных лекций" (1921), О.Шпенглер "Прусская идея и социализм" (1921), Р.Тагор "Национализм" (1921) и др.

Книгоиздательство "Наука и жизнь" было основано в 1912 в Риге. Основной задачей издательства был перевод и выпуск на русском языке известной "Библиотеки Гешена". В сжатых (6-10 печ. л.) научных очерках "Библиотека Гешена" давала квинт-эссенцию достижений в каждой научной области. До революции было выпущено около 40 книг. В 1921 книгоиздательство возобновило свою деятельность в Берлине, констатируя, что "более чем когда-либо Россия нуждается в такой энциклопедии современного знания, какой является "Библиотека Гешена" (ВРКР. - 1922. - № 3. - С. 11). Имея монополию на издание серии на русском языке, издательство уже в 1921 выпустило свыше 50 названий. Издательство, учитывая потребности России, выпускало в первую очередь книги, посвященные вопросам математики, естествознания, техники, сельского хозяйства, общественных наук. Внешне русское издание представляло собой точную копию немецкого.

В 1921 были организованы книгоиздательства "Грани", "Знание", издательство Е.А.Гутнова, "Мысль", "Русское творчество", "Русское искусство", "Скифы".

Организованное в 1921 С.М.Пистраком книгоиздательство "Грани" начало свою работу публикацией новой прозы и стихов современных беллетристов: Вл.Сирина "Горный путь" (1923), А.Амфитеатрова "Без сердца" (1923), "Сестры" (1923), А.А.Яблоновского "Гимназические годы" (1923), И.С.Соколова-Микитова "Кузовок" (1922), М.Алданова "Святая Елена, маленький остров" (1923), А.Ремизова "Крашенные рыла" (1922) и др. Книгоиздательство предлагало серию иллюстрированных книг - "Библиотеку для детей", в которой выделялись произведения А.Куприна "Воробьиный царь: Сказка" (рис. И.Мозалевского, 1922), А.Ремизова "Красные поигрунки" (рис. Н.В.Пинегина, 1922), Саши Черного "Библейские сказки" (1922), А.Яблоновского "Филька: Рассказ" (рис. И.Мозалевского, 1923), сборник для детей "Цветень" (1922), включавший произведения А.Дроздова, Б.Лазаревского, И.Соколова-Микитова, К.Бальмонта, Саши Черного и др.

Популярностью в эмигрантских кругах пользовалась историческая серия издательства - "Библиотека русской революции", книги которой были в основном мемуарного и аналитического характера: Д.Далин "После войн и революций" (1922), А.Амфитеатров "Горестные заметы: Очерки красного Петрограда" (1922), В.Талин "По переписи: Из записок советского статиста" (1922), С.О.Загорский "Русский вопрос в Генуе и Гааге" (1922) и др. В 1922 издательство приобрело право на издание на русском языке труда проф. С.М.Дубнова "Всеобщая история еврейского народа", рассчитанного на десять томов. По независящим от издательства причинам были выпущены три последних тома (8, 9, 10). Среди периодических изданий, следует упомянуть альманах "Грани", редактором которого был Саша Черный.

Образовавшееся по инициативе С.Я.Шклявера (ред. газеты "Голос России"), книгоиздательство "Знание" при финансовой поддержке немецкого книгоиздателя Р.Моссе специализировалось на выпуске литературы по вопросам техники, естествознания и прикладных наук, а также книги серии "Литературная библиотека": А.Кольцов "Избранные стихотворения" (1921), Л.Н.Толстой "Хозяин и работник" (1921) и др.

Издательство Е.А.Гутнова, начавшее свою работу в 1919 в качестве типографии, лишь в июне 1921 приступило к собственным изданиям. Зарекомендовало себя в основном изданием ежемесячного журнала "Сполохи", выходившего в 1921-1923, и "Библиотекой "Сполохов", формировавшейся, в основном, за счет современной беллетристики: М.Арцыбашев "Вечный мираж" (1922), А.Амфитеатров "Побег Лизы Басовой" (1922), В.Немирович-Данченко "За океаном в вольные степи. Встреча со старым товарищем" (1922), "Две ночи перед казнью [и другие рассказы]" (1922), "Бедная Инес" (1923); "Письма В.В.Розанова к Э.Голлербаху" (1922) и др.

Книгоиздательством "Мысль", основанным С.Кучеровым и И.Гольденбергом, выпускалась серия "Библиотека для всех". За период 1921-1924 было выпущено 99 сборников библиотеки, в

которые вошли как произведения русских классиков (А.С.Пушкина, Н.А.Некрасова, А.П.Чехова, Л.Н.Толстого, А.К.Толстого, А.И.Герцена и др.), так и современных авторов (А.М.Дроздова, Тэффи, И.Шмелева, А.Н.Толстого, Ю.Слезкина и др.). Хорошо подобранными вышли в 1921 поэтические сборники - "Поэзия большевистских дней" (А.Блок, И.Эренбург, С.Есенин, В.Каменский и др.), "Из русской лирики" (А.Белый, З.Гиппиус, С.Городецкий, М.Лохвицкая, И.Северянин), "Антология современной поэзии" (И.Анненский, А.Ахматова, Н.Гумилев, М.Волошин и др.).

Книгоиздательство "Русское искусство" было основано А.Э.Коганом и зарекомендовало себя изданием литературно-художественного иллюстрированного журнала "Жар-Птица" (1921-1926). По свидетельству И.Гессена, журнал Когана считался шедевром, "который и ульштейновские специалисты признавали недостижимым совершенством" (Гессен И.В. Годы изгнания. - С. 107).

Книгоиздательство "Русское творчество", констатируя, что "современная русская литература крайне бедна хорошими романами", поставило своей задачей вызвать их к жизни, тем более что "количество, размеры и характер пронесшихся событий дают обильную почву для этого" (ВРКР. - 1922. - № 3. - С. 17). При поддержке гр. А.Н.Толстого, руководившего литературным отделом книгоиздательства, были изданы произведения А.Ремизова ("Повесть об Иване Семеновиче Стратилатове: Неумный бубен", 1922), А.Ветлугина ("Герои и воображаемые портреты", 1922, "Записки мерзавца", 1922), А.Дроздова ("Езуитушка: Повести и рассказы", 1922), Л.Урванцова ("Со святыми упокой", 1921), А.Н.Толстого ("Лунная сырость", 1922), Е.Ильиной-Полторацкой ("Отрывок из мемуаров", 1922) и др. В 1922 издательство предприняло выпуск серийных изданий: серию детских книг (И.Соколов-Микитов "Об Афоне, о море, о Фурсике и о прочем", 1922; Е.Ильина-Полторацкая "Как мы росли в старинной усадьбе" 1922 и др.), а также серию "Новые книги писателей Советской России", среди которых альманах "Серапионовы братья" (1922) и роман А.Аросева "Записки Терентия Забытого: Повесть коммуниста" (1922). В том же году

издательство приступило к выпуску "Архива гражданской войны". В 1922 были выпущены в свет две книги этой серии: Н.Н.Иванов "О событиях под Петроградом в 1919 году" и А.Маяковский "Записки председателя Совета Солдатских депутатов".

Книгоиздательство "Скифы" (основатели И.Штейнберг, А.Шрейдер, Е.Лундберг) поставило своей задачей ознакомить русского и иностранного читателя с Россией переходной эпохи в области поэзии, литературной критики, политики и предлагало произведения А.Белого ("Сирия ученого варварства", 1922), А.Ремизова ("Чакхыгыс-Таасу", 1922), А.Терек-О.Форш ("Равви", 1922), А.Блока ("Скифы. Двенадцать", 1922; "Россия и интеллигенция", 1920), Н.Клюева ("Избанные песни", 1920, "Песнь солнценосца", 1920), С.Есенина ("Товарищ Инония", 1920) и др. Книгоиздательство специализировалось и на выпуске литературы, посвященной вопросам политики и общественных отношений: Р.Иванов-Разумник "Что такое интеллигенция" (1920), "О смысле жизни" (1920), А.Шрейдер "Очерки философии народничества" (1923), И.Штейнберг "От Февраля по Октябрь" (1919), "Нравственный лик революции" (1923), сборник "Кремль за решеткой (Подпольная Россия)" (1922) и др.

"Скифы" издавали в 1921 в Берлине журнал "Знамя: Временник литературы и политики" (редактор - А.Шрейдер), а в 1922 журнал "Вещь" (ежемесячный орган международного обозрения современного искусства). В 1922 издательство выпустило книгу Э.Шульца "Болезни электрических машин" по заказу технического отдела Совнархоза. Выполненный в кратчайшие сроки заказ стал, предположительно, отправной точкой для передачи части издательского аппарата "Скифов" Научно-Техническому Отделу ВСНХ (НТО ВСНХ), который специализировался в Берлине на выпуске технической литературы для России. Е.Лундберг принял на себя руководство этим новым издательством.

1922 - особенный год в истории русского книгоиздательского дела в Германии. Берлин, казалось, подтверждал предположение - "стать на ближайшие годы главным, если не единственным,

производителем русской книги" (ВРКР. - 1922. - № 3. - С.9). Именно на этот год приходится самое большое количество зарегистрированных русских книгоиздательств, хотя точное число указать сложно. М.Раев в исследовании "Россия за рубежом" (1994) указывает общую цифру: за период с 1918 по 1928 в Германии было зарегистрировано 188 русских книгоиздательств.

Из создавшихся в том году издательств можно отметить книгоиздательства А.Г.Сыркина и "Русская книга", специализировавшиеся на выпуске учебной и справочной литературы; "Новая книга" выпускала книги для детей, издательство С.Д.Зальцмана - книги по еврейскому вопросу, переводы на русский язык произведений еврейских авторов, сборник "Сафрут" (1922). Издательство "Восток" специализировалось на выпуске научно-технической и философской литературы; "Елочка" издавала современную поэзию и книги для детей; "Синяя птица" выпускала классическую и современную драматическую литературу; издательство газеты "Накануне" специализировалось на выпуске современной беллетристической литературы и книг для детей.

Из числа образовавшихся в 1922 книгоиздательств следует выделить "Книгоиздательство писателей в Берлине". Создававшееся по образу и подобию дореволюционного "Книгоиздательства писателей в Москве", оно специализировалось на выпуске произведений, отражающих современную жизнь: Гл. Алексеев "Мертвый бег: Повесть зарубежных лет" (1923), "Чаша Святой Девы" (1922); К.Федин "Анна Тимофеевна" (1923); Вс.Иванов "Голубые пески" (1923), "Возвращение Будды" (1923); Вл.Лидин "Шестая дверь" (1923), М.Волошин "Стихи о терроре" (1923) и др. Книгоиздательство издавало альманах "Молодая Россия" (1923), редактором которого был А.Н.Толстой, и сб. "Одиссея" (1923).

Одной из главных причин всплеска открывшихся книгоиздательств явилась высылка из Советской России части российской научной элиты. Н.А.Котляревский и Л.П.Карсавин основали в Берлине издательство "Обелиск", специализировавшееся на выпуске в 1923 литературы философского (Н.Бердяев "Философия

неравенства", Л.Карсавин "Философия истории", С.Л.Франк "Введение в философию в сжатом виде" и др.), экономического (С.Н.Прокопович "Очерки хозяйства Советской России", А.П.Марков "Разверстка и натуральный налог" и др.) и физико-математического характера (В.В.Стратонов "Здание мира", П.Бейер "Ионная теория", В.Дик "Неевклидова геометрия" и др.).

Организованное в декабре 1921 А.Б.Левинсоном и Л.З.Кацем в Петрограде книгоиздательство "Возрождение", в 1922 открыло в Берлине свое отделение (руководитель З.М.Зильберберг). Приобретая у петроградского издательства "Задруга" часть рукописей, находившихся в портфеле книгоиздательства, "Возрождение" почти сразу же приступило к печатанию книги В.Короленко "Записки моего современника" (1922). Книгоиздательством были выпущены книги В.К.Винниченко "Закон" (1922), Л.С.Козловского "Владимир Короленко как художник и писатель" (1922) и другие.

Издательство "Петрополис" возникло в Петрограде летом 1920. Его учредителями были Л.П.Карсавин, Д.К.Петров, Я.Н.Блох, А.С.Каган, Г.Л.Лозинский, А.М.Розенер. Почти все они оказались в 1922 в Берлине. Благодаря стараниям Я.Н.Блоха и А.С.Кагана берлинский "Петрополис" стал функционировать как филиал петроградского издательства. В 1922 он выпустил сборник О.Мандельштама "Tristia". Книгоиздательство специализировалось на выпуске книг современной русской поэзии. В 1923 вышли книги: Н.Гумилев "Колчан", "К синей звезде: Посмертные стихи", М.Кузмин "Параболы", "Глиняные голубки", литературно-критический сборник "Завтра" (А.Ахматова, М.Кузмин, М.Лозинский и др.), А.Радлова "Богородицын корабль" и др. Печатающая современную прозу, издательство стремилось выпускать как произведения авторов эмиграции (И.Бунин, Н.Берберова, М.Алданов и др.), так и авторов из России (Е.Замятин, Н.Никитин, Б.Пильняк, О.Савич и др.).

Связь с Россией поддерживалась через петроградское отделение, которым руководил Н.Шох. Но в 1924 связь с Россией оборвалась, берлинский "Петрополис" стал функционировать как самостоятельное книгоиздательство. Без выхода на книжный рынок

России издательство было вынуждено искать пути и способы выживания. И в значительной мере благодаря этому активизировалась "Театральная серия": В.Н.Всеволодский-Грингросс "И.А.Дмитревский" (1923), Тирсо-де-Молина "Дон-Хиль-Зеленые штаны" (1923), Ю.Патуйе "Мольер в России" (1924), Н.Евреинов "Происхождение драмы" (1921) и др. В 1933 издательство "Петрополис" было вынуждено из-за давления, оказываемого партией, пришедшей к власти в Германии, переехать в Брюссель. Прекратило свою деятельность в конце 30-х.

В конце 1921 в Петрограде было основано книгоиздательство "Эпоха", редакторами которого являлись Е.И.Замятин и К.И.Чуковский. В начале 1922 в Берлине открылось отделение книгоиздательства, во главе которого встал С.Г.Каплун-Сумский. Издательством выпускались книги современной поэзии (В.Гиппиус "Лик человеческий", 1923; А.Кусиков "В Никуда", 1922; М.Цветаева "Царь-Девница: Поэма-сказка", 1922; М.Шкапская "Кровь-руда", 1922; А.Белый "Стихи о России", 1922, "После разлуки", 1922 и др.), современной прозы (А.Ремизов "Мара", 1922; А.Белый "Петербург", 1922, "Серебряный голубь", 1922; Вс.Иванов "Цветные ветра: Повесть", 1922; Е.И.Замятин "О том, как исцелен был отрок Еразм" (рис. Б.Кустодиева), 1922; альманах "Пчелы", 1923 и др.), а также книги, посвященные литературоведческим проблемам и истории литературы: сб. "Очерки по поэтике Пушкина" (Б.В.Томашевский, П.Г.Богатырев, В.Б.Шкловский), 1923; К.Чуковский "Книга об Александре Блоке", 1922, "Поэт и палач: Некрасов и Муравьев", 1922.

Издательством был задуман и частично осуществлен план работы по выпуску русской классической литературы (Ф.М.Достоевский "Петербургская летопись. Четыре статьи 1847 г.: Из неизданных произведений", 1922), детской литературы: Л.Михельсон "Русские сказки" (1923), Р.Киплинг "Слоненок" (1922), К.Чуковский "Приключения Крокодила Крокодиловича: Поэма для маленьких детей" (1922), "Джек - покоритель великанов: Народная валлийская сказка" (1921-1922), "Приключения Чуч-ло" (литографии и текст Вл.Лебедева, 1922) и др. Издательством также были

намечены к выходу собрания сочинений современных авторов, из которых было выпущено лишь 9-томное собрание сочинений А.Блока (1923). В 1923 издательство начинает выпускать основанный М.Горьким (при участии Ф.А.Брауна и В.Ф.Ходасевича) журнал литературы и науки "Беседа".

Одним из главных препятствий на пути русской книги в Россию книгоиздатели считали старую орфографию. И в 1922 нередкими были объявления книгоиздательств о поиске корректоров - специалистов по новому правописанию. Но все же самым трудным препятствием считалась финансовая сторона импорта книг в Россию. Полное обесценение российских денег делало вывезенные книги настолько дорогими, что они становились просто недоступными массе населения. Издательство З.И.Гржебина печатало свои серии русской классической и современной литературы для России в долг, надеясь со временем получить деньги за свой труд.

На международной выставке книги в мае 1922 в Палаццо Питти (Флоренция) павильон книги Германии был признан самым полным богатым и интересным. Образовавшихся книгоиздательств и их продукции было так много, что вполне естественно встал вопрос об объединении не только книгоиздательств, но и книготорговых организаций. Союз русских книгоиздателей и книготорговцев в Германии был организован 16 мая 1922. В создании этого Союза берлинские книгоиздатели видели защиту своих культурных, профессиональных и экономических интересов.

К середине 1922 русская книгоиздательская промышленность вступила в полосу скрытого кризиса. На многочисленных складах и в книжных магазинах скопились огромные запасы книг. Книгоиздательства не сумели сразу приостановить работу по выпуску литературы и сложилась парадоксальная картина: момент падения спроса на русскую книгу совпал с наибольшим количеством выпущенных книг. "В головокружительном развитии русского книгоиздательского и книготоргового дела в Германии должен наступить продолжительный перерыв" (ВРКР. - 1922. - № 4. - С. 1).

Это предсказание можно назвать сбывшимся, если учесть, что в 1923 не работали или сворачивали свою деятельность книгоиздательства А.Деврисна, С.Ефрона, Е.Гутнова, "Наука и жизнь", "Грани", "Мысль", "Русское творчество", "Скифы", издательство О.Дьяковой, "Знание", "Север", "Восток", "Синяя птица", "Русская книга", издательство А.Сыркина и др.

Среди немногих, организованных в 1923, книгоиздательство "Манфред", выпустившее в 1923 произведения, описывающие жизнь русской эмиграции (Р.Гуль "В рассеянии сущие", В.Маргулис "Огненные годы" и др.), а также издавшее альманах "Струги" (М.Цветаева, А.Ремизов, Б.Пастернак, А.Белый, И.Эренбург) и "Русское политехническое издательство", выпускающее научно-техническую литературу.

К началу 1924 тенденция сокращения количества русских книгоиздательств в Берлине проявилась со всей очевидностью. Стало заметно передвижение русской эмиграции. Этому было немало причин, одной из которых стал переезд в конце 1922 управляющего Русской Зарубежной Церковью, митрополита Евлогия в Париж. В немалой степени этому способствовала и экономическая ситуация в Германии (стабилизация германской марки, повлекшая за собой обусловленное повышение цен). Но не последнюю роль здесь сыграла цензурная политика советской России, проводимая по отношению к русскому зарубежью.

Созданным в июне 1922 Главлитом (Главное управление по делам литературы и издательств) в Россию не допускались издания берлинских книгоиздательств, причем в каждом конкретном случае была своя оговорка на предмет запрещения. Продукция издательства "Слово" не допускалась в Россию, так как издательством руководил Иосиф Владимирович Гессен, основавший в Берлине газету "Руль"; книги издательства С.Д.Зальцмана не допускались по причине ярко выраженного "сионистского характера" литературных произведений; книги издательства О.Дьяковой были запрещены, т. к. состав сотрудников издательства был "черносотенно-монархический" и т. д., и т. п. Были запрещены книги издательств, имеющих в своем грифе

указание на совместную деятельность (Пг. - М. - Б.), т. к. они якобы облегчают провоз контрабанды в Советскую Россию. Суть всех запретов сводилась к одному: русская книга, напечатанная в эмиграции, не должна иметь хождения на территории России.

Статистические данные убеждают в возведении некоей невидимой преграды перед русской книгой: так, в декабре 1922 через иностранный отдел Главлита прошли 200 книг, из которых были допущены лишь 86 (из 87 русских книг были допущены 52, не допущены 35); в январе 1923 из 274 предложенных книг получили разрешение к ввозу 124 (из 62 русских книг были допущены 34 книги, не допущены 28); в марте 1923 из 291 книги были разрешены к ввозу 184 (из 130 русских книг были допущены 48, не допущены 82); в августе 1923 из 63 книг на русском языке были разрешены к ввозу только 10 (Блюм А.В. За кулисами "Министерства Правды": Тайная история советской цензуры. 1917-1929. - СПб., 1994. - С. 199-200.).

Большинство берлинских книгоиздательств, ориентированных в своей работе на возможный книжный рынок, оказались разоренными цензурной политикой России. И в этом отношении одной из самых трагичных явилась история книгоиздательства Зиновия Исаевича Гржебина.

Деятельность издательства З.И.Гржебина, организованного в 1919 в Петрограде, в 1920 была перенесена в Берлин. В январе 1920 при содействии М.Горького руководитель Госиздата В.В.Воровский заключил с З.И.Гржебиным договор об издании книг для России в Берлинском отделении издательства. Книгоиздательством была намечена огромная программа. При участии Ф.А.Брауна, М.Горького, В.А.Десницкого, Е.И.Замятина, Н.О.Лернера, А.Пинкевича, К.И.Чуковского была задумана и частично осуществлена программа по изданию русской классической литературы. В первую очередь, издательство приступило к выпуску сочинений русских писателей: А.К.Толстого "Избранные сочинения" (1921), И.С.Тургенева "Первая любовь: Повесть" (рис. Вл.Конашевича, 1923) и др. Из современных авторов издательство предлагало произведения Ф.Сологуба ("Мелкий бес", 1923, "Пламенный круг", 1923), А.Ремизова ("Пятая язва", 1922,

"Крестовые сестры", 1922), Б.Пильняка ("Голый год", 1922), Е.И.Замятина ("Большим детям сказки", 1922), М.Горького ("Избранные рассказы", 1923, "На дне: Сцены", 1922), "Книга о Леониде Андрееве" (М.Горький, Ал.Блок, К.Чуковский, Е.И.Замятин, Б.Зайцев и др., 1922), О.Форш ("Смерть Коперника: Современный драматический этюд", 1922) и др., а также собрания сочинений Б.Зайцева (в 7 томах, 1922-1923), А.Н.Толстого (в 12 томах, вышли 2 тома, 1923) и др. Книгоиздательством предлагалась серия "Летопись революции", которую представляли авторы самых различных политических взглядов: Н.Суханов "Записки о революции" (в 7 книгах, 1922-1923), Ю.Мартов "Записки социал-демократа" (1922), В.Чернов "Записки социал-революционера" (1922) и др. Для детей книгоиздательство предлагало серию детских книг: Г.Х.Андерсен "Свинопас" (рис. М.Добужинского), С.Ф.Ольденбург "Индийские сказки" (1923) и др.; для детей старшего возраста предлагалась серия "Биографии замечательных людей" (материалы о жизни Демосфена, Галилея, Александра Македонского, Ч.Диккенса, Л.Пастера, Р.Майера и др.), а также учебники и книги для внешкольного чтения.

1 марта 1921 Госиздат фактически прервал отношения с издательством З.И.Гржебина, мотивируя свое решение отклонением издательства от реализации намеченного плана. Это нанесло З.И.Гржебину огромный материальный ущерб. В мае 1923 в Берлине состоялся третейский суд между З.И.Гржебиным и Торгпредством РСФСР. И хотя суд высказался в пользу книгоиздателя, это не могло существенно поправить его дела; он был вынужден свернуть деятельность своего издательства в Берлине и в 1925 переехать в Париж.

За период с мая 1922 по октябрь 1923 (т. е. в период, когда фактически были разорваны договорные отношения с Госиздатом) З.И.Гржебин выпустил 225 книг, надеясь, что со временем они понадобятся России, и тем самым ориентируясь на книжный рынок "метрополии". В 1924 З.И.Гржебину был нанесен удар со стороны монархически настроенной части русской эмиграции. В "Русско-

газете в Париже" появилась анонимная статья, в которой автор объявлял издателя "наемником большевиков". Друзья З.И.Гржебина встали на его защиту и через год пришло письмо-опровержение с извинениями от редактора газеты А.И.Филиппова. Но оно мало уже чем могло помочь сломленному невзгодами тяжело больному человеку. В 1926-1927 З.И.Гржебин предпринял попытку наладить книгоиздательство в Париже, но полноценного, такого, как в Берлине, издательства организовать не удалось. 4 февраля 1929 З.И.Гржебин умер от разрыва сердца.

Крах издательства З.И.Гржебина прозвучал как предупредительный выстрел: политика советской России подводила к полной ликвидации какого-либо информационного обмена между берлинскими книгоиздателями и русскими читателями. Кажущаяся тенденция сближения двух культур оказалась призрачной. В сложившейся ситуации перемещение культурного центра из Берлина в Париж в 1924-1925 виделось как закономерный итог, подведенный под романтическим временем надежд и иллюзий.

Характеризуя берлинские книжные издания первой половины 20-х, следует отметить, что в этот период преобладал выпуск русской классики (в основном: собрания сочинений русских писателей), затем шли детские издания (имеется в виду художественная, учебная и справочная литература); выпуск научно-технической литературы в основном ориентировался на книжный рынок России (большинство изданий печаталось только по новой орфографии).

1924 явился концом книжного Ренессанса в Берлине. И как отмечали сами берлинские книгоиздатели, "огромная культурная работа, произведенная общими усилиями русских зарубежных издательских фирм, не может и не должна пройти бесследно в истории русского книжного дела и войдет в нее одной из интереснейших и ярких страниц" (Каталог книг, вышедших вне России до июля 1924 г. - Берлин: Лажечников, 1925. - С. V).

Наряду с русскими книгоиздательствами в Берлине работали и немецкие, выпускавшие книги на русском языке: "Литература", издававшее русскую классическую литературу и современную

беллетристику; издательство Я.Оршнштейна, печатавшее детские и учебные книги; издательская фирма "Ульштейн и К°", кооперировавшаяся с издательством И.Гессена "Слово"; издательство Ф.Брокгауза (Лейпциг), специализировавшееся на выпуске словарей и справочников; "Восстановление" (Мюнхен), выпускавшее книги общественно-политического и научного характера.

О.В.Бистрова

"БЕСЕДА" (Берлин, 1923-1925. - № 1-6/7) - журнал литературы и науки, издаваемый при ближайшем участии проф. Б.Ф.Адлера (до № 5), Андрея Белого (до № 4), проф. Ф.А.Брауна, М.Горького и В.Ф.Ходасевича.

Журнал был задуман Горьким сразу после приезда в Германию в конце 1921. Он сформулировал его цели и программу, определил редакционный состав и круг авторов, заботился о качестве материалов, непосредственно занимался редактурой и составом каждого номера. По замыслу Горького, это было издание, ориентированное на читателя в России. Еще весной 1922, определяя назначение журнала и приглашая Г.Уэллса к сотрудничеству, Горький писал: "Цель его - ознакомление русских грамотных людей с научно-литературной жизнью Европы. Издание - совершенно необходимое для моих соотечественников, как Вы знаете, несколько одичавших за восемь лет почти полного стечуждения от европейской жизни" (Архив А.М.Горького. - М. 1960. - Т. 8. - С. 72). Через год, когда первый номер журнала готовился к выпуску, он высказался еще определеннее: "Так хочется дать своей стране возможность ознакомиться с духовной жизнью Европы, от которой Россия оторвана. Мне кажется, что в наши безумные дни работа разума должна быть особенно подчеркнута. Мы как бы забыли организующее и спасительное значение труда, огромную роль духа" (там же. - С. 73).

Горький намеревался привлечь к сотрудничеству большой круг русских ученых - от академика С.Ф.Ольденбурга до академика И.П.Павлова, западных - от А.Эйнштейна до Э.Штейнхаха, новых русских и западноевропейских писателей от А.Белого до А.Ремизова, от Т.Манна до Р.Роллана (там же).

Больше года длился период организации, вызревания и становления "Беседы". Первый номер вышел в июне 1923, последний - седьмой (сдвоенный в одной книге с шестым) - в марте 1925. За свою такую короткую жизнь журнал все же успел напечатать многих зарубежных писателей и ученых, причем почти все их произведения публиковались в "Беседе" впервые, что специально оговаривалось: "перевод с рукописи". Среди них: "Махатма Ганди", "Беседа Ренана с юношей" и предисловие к повести П.Истрати "Кира Каролина" Романа Роллана, рассказы Стэфана Цвейга "Переулок лунного света", Джона Голсуорси "Лес", Луиджи Пиранделло "Скалябрино", Григорио Мартинес Сьерра - "Хасинто Бенаvente", "Дневник девочки" и "Слепые дети" (последний - в соавторстве с женой Марией), "Открытие абсолюта" Мей Синклера, две повести Панайота Истрати - уже называвшаяся "Кира Каролина" и "Кодин".

Кроме непосредственного знакомства с образцами западноевропейской литературы, в журнале была опубликована серия обзоров о "Современной литературе Англии" Джона Голсуорси, "Современном положении французской литературы в Бельгии" Франца Элленса, "Литературе Соединенных Штатов Америки" Баррета Кларка, "Немецкой литературе последних лет" А.Лютера и критические статьи: "Евгений О'Нэйлл <Юджин О'Нил> и американская драма" Б.Кларка, "Американская культура и американская самокритика" В.Е.Петерса, "Культурные проблемы современной Греции" проф. П.Якобстала, "Новейшая немецкая литература о китайском искусстве" д-ра Эдуарда Эркса, "Гёте и наука о Гёте в современной Германии" проф. Г.Витковского и др.

Достижением журнала был его научный отдел, редактировавшийся проф. Ф.А.Брауном и проф. Б.Ф.Адлером; в пятой книге "от редакции" сообщалось, что "с этого номера научный

отдел ведется при ближайшем участии" проф. Г.Шмидта, д-ра Г.Гримпе и д-ра Г.Презента при сохранении "общей редакции отдела по-прежнему в руках Ф.А.Брауна".

Главное место в журнале занимали русские авторы и "русская тема". Из номера в номер печатались произведения самого Г.ького, вошедшие затем в книгу "Рассказы. 1922-1924 гг." (Berlin, 1924). Это "Отшельник", "Рассказ о безответной любви", "Рассказ о герое", "Рассказ о романе" (в книге - "Рассказ об одном романе"), "Карамора", "Рассказ о необыкновенном". Здесь впервые были напечатаны (без названия) его очерки, заметки и воспоминания, составившие часть книги "Заметки из дневника. Воспоминания" (Berlin, 1924).

В "Беседе" опубликованы стихи, проза, переводы, критические работы и научные исследования многих русских авторов: А.Блока, А.Белого, Ф.Сологуба, В.Ходасевича, А.Ремизова, Л.Лунца, В.Шкловского, И.Каллиникова, Вл.Лидина, Н.Чуковского, В.Юрезанского, Н.Берберовой, Н.Оцупа, П.Муратова, проф. В.М.Алексеева и др. Из переписки вокруг "Беседы" видно, что в ней ожидалось также публикации С.Сергеева-Ценского, Б.Пастернака, Л.Леонова, В.Каверина, М.Пришвина, Н.Никитина, М.Слонимского, Вс.Иванова, М.Зощенко, О.Форш, Вяч.Иванова, Н.Петровской и др., но по тем или иным причинам их произведения в журнале не появились. В одной из книг (№ 4) под рубрикой "Смесь" помещены литературоведческие заметки: "Английский отзыв о "Деревне" Бунина", "Английские оценки С.Аксакова", "Англичанин о Достоевском", "Гёте в Мариенбаде в 1823 г.". Проф. Б.Ф.Адлер напечатал очерк об антропологе и этнографе, географе и археологе Д.Н.Анучине (№ 2), среди "материалов" - письма В.В.Розанова к М.Горькому (№ 2), "Новое о М.Е.Салтыкове" А.Лясковского (№ 5), юбилейная заметка "К двухсотлетию со дня рождения Канта" (№ 5).

Из переводов, кроме Готфрида Августа Бюргера (Н.Берберовой) и китайской поэзии (В.М.Алексеева), отметим перевод поэмы еврейского поэта Саула Черниховского "Свадьба Эльки", выполненный Ходасевичем (№ 4 и № 5). Работы Ходасевича занимают видное место в журнале. Помимо постоянно

помещавшихся стихов и упомянутого перевода, в четырех номерах журнала печаталась с продолжением работа "поэта о поэте" - его исследование "Поэтическое хозяйство Пушкина".

Среди критической литературы вызывает интерес статья одного из литературных редакторов журнала А.Белого "О "России" в России и о "России" в Берлине", дающая положительную оценку современной русской литературы, роковым образом разделенной эмиграцией на две части. Увлечение А.Белого антропософией Рудольфа Штейнера нашло выражение в его "Воспоминаниях" (№ 2) о пребывании в Бельгии в 1912-1914 и знакомстве с философом. В этом же номере напечатано его большое полемическое выступление в защиту догматов антропософии в связи с опубликованной в предыдущем номере статьей приват-доцента Лейпцигского университета доктора Ганса Лейзеганга, критикующего антропософскую мистику. Это был, пожалуй, единственный случай полемики на страницах журнала, считавшегося "аполитичным", в котором нередко соседствовали авторы различных идейных и философских воззрений.

Ориентируя журнал на советского читателя, Горький с самого начала и до конца надеялся на свободное распространение его в России: "Печатаем журнал в Германии, редакция - частью - здесь, частью в Петербурге" (Архив А.М.Горького. - Т. 8. - С. 72.). В связи с задачей знакомства россиян с духовной жизнью за рубежом Горький считал свое издание международным, интернациональным. "Журнал, - писал он Б.Шоу, - аполитический, интернациональный; в нем сотрудничают немцы и французы, испанцы и чехословаки..." (там же. - С. 59). Так что задачей журнала являлось также объединение прогрессивной интеллигенции разных стран и восстановление культурных связей, разорванных мировой войной и революцией.

Таким образом, одной из особенностей "Беседы" была декларированная Горьким ее "беспартийность". Конечно, писатель ставил перед собой невыполнимую задачу - быть над схваткой, ориентируясь на страну, охваченную революционными переменами. Поэтому, как мы увидим, "аполитичность" не спасла журнал от

предвзятых политических и идеологических обвинений. Тем не менее в "Беседе" считалось, что у нее не должно быть не только левых и правых, но и правых и неправых. Она должна была объединить писателей и ученых в советской России и за рубежом, сблизить советскую и эмигрантскую литературы.

Впоследствии, характеризуя положение литературы в России начала 20-х и цели "Беседы", Ходасевич писал: "До 1922 г. в сов. России существовала только военная цензура. В 1922 г. была введена общая, крайне придирчивая. Частные издательства и журналы закрылись. Пришла идея издавать в Берлине такой журнал, в котором писатели, живущие в советской России, могли бы через голову цензуры и казенных редакций печатать произведения, не содержащие прямых выпадов против власти, но все же написанные свободно. Теперь такая мысль показалась бы дикостью. В то время она была более или менее осуществима. Марина Цветаева и М.О.Гершензон, жившие в Москве, печатались в "Современных Записках", а целый ряд петербургских поэтов - в журнале "Сполохи", издававшемся в Берлине" (Новый журнал. - 1952. - № 29. - С. 206-207).

В свете поставленных задач становится ясно, почему Горький с первых же шагов организации "Беседы", еще только намечая состав редакции, считал необходимым указать в письме Роллану (30 мая 1922): "Главные редакторы журнала - политически совершенно независимые люди. Это: профессора А.Пинкевич и Тарле, член Академии наук С.Ольденбург, я и граф Алексей Толстой" (Архив А.М.Горького. - Т. 8. - С. 334). "Аполитичность" "Беседы" подчеркивается не раз и позже. "Журнал посвящен исключительно вопросам искусства, науки и совершенно чужд политики", - писал он С.Цвейгу после выхода второго номера (там же. - С. 13).

По первоначальному замыслу журнал должен был издавать З.И.Гржебин, с которым Горького связывали давние деловые и дружеские отношения. Всячески поддерживая "Издательство З.И.Гржебина" и защищая его перед партийными чиновниками,

руководством Совнаркома, Наркомпроса, Госиздата и самим Лениным, Горький не только давал высокую оценку деятельности издательства, но и подчеркивал свое руководящее участие в нем.

Но, как известно, несмотря на заступничество Горького и даже некоторую поддержку Ленина, враждебное отношение партаппаратчиков к частному издательству Гржебина привело к тому, что оно было лишено заказов, денежных субсидий, кредита (при этом, надеясь на развитие собственной полиграфии, Госиздат монополизировал издание классики). В итоге договор с Гржебиным не был продлен (тогда, как он, уверенный в необходимости своего дела, вложил в него все свои личные и семейные средства), издательство лишилось финансовой опоры, перспективы и в конце концов разорилось.

По этой причине и потому, что положение Гржебина к моменту организации "Беседы" было крайне тяжелым, а главное - из-за ориентации журнала на русского читателя (с целью знакомства его с литературой и наукой Запада), что, естественно, требовало продвижения его в Россию (и что, собственно, составляло главную заботу Горького на протяжении двух лет существования журнала), необходимо было найти более "нейтральное", "лояльное" издательство, репутация которого не подвергалась бы сомнению, во всяком случае - менее бы раздражало Москву.

Для выпуска "Беседы" Горький избрал хорошо знакомое ему издательство "Эпоха", которым заведовал С.Г.Каплун. Уже запустив журнал в производство и добиваясь допуска его в Россию, Горький 20 мая 1923 отправил в Главлит официальную докладную записку, в которой во избежание малейших кривотолков и придилок, счел необходимым не только оговорить имя издателя журнала, но с первых же строк - нарочито противопоставить его Гржебину: "Сим заявляю, что журнал "Беседа" издается бывшим издателем "Киевской Мысли" Соломоном Каплуном и что издательство З.Гржебина к этому журналу никакого отношения не имеет" (Архив А.М.Горького). ПГ-коу, 62 - 11 - 1).

Каплун (лит. псевд. Сумский) Соломон Гитманович (1883 или

1891-1940) - племянник М.С.Урицкого, журналист и издатель; работу в печати начал в 1906. В самом начале 1922 С.Г.Каплун уехал за границу, где основал берлинское издательство "Эпоха" (на первых порах владел им совместно с известным меньшевистским деятелем Д.Ю.Далиным). Он принимает активное участие в литературной жизни русского Берлина (являлся секретарем берлинского Дома искусств) и в работе меньшевистского эмигрантского центра, регулярно выступал в журнале Ю.О.Мартова "Социалистический вестник", газете "Дни" А.Ф.Керенского и др. Например, в первом номере "Новой русской книги" за 1922 помещена его рецензия на книгу А.Ахматовой "Anno Domini". В историческом журнале "Летопись революции" (№ 1), основанном в 1922 Б.И.Николаевским и выходившем при ближайшем участии Горького (издавался Гржебиным), напечатал воспоминания о Кисе в гражданскую войну "Одиннадцать переворотов". После краха "Беседы", как и многие литераторы-эмигранты, переехал в Париж, ставший к тому времени центром не только русского политического, но и литературного зарубежья, работал там в "Последних новостях" П.Н.Милюкова.

"Беседа" не только связана с издательством "Эпоха", но своей судьбой предопределила его судьбу, как и участь С.Г.Каплуна, который, отдав журналу все силы, всю энергию и все средства, в конце концов оказался разоренным.

Обосновавшись за границей, издательство "Эпоха" до января 1924 функционировало под "двойным гражданством" - "Петербург-Берлин", что подразумевало наличие отделения в России, благосклонный допуск его изданий в страну, с одной стороны, и "лояльность" самого издательства - с другой. Редакция помещалась сначала на Martin-Lutherstrasse 13, а с августа 1923 - на Zimmerstrasse 7/8; с января 1924 обозначение "Петербург" с бланков издательства и его книг исчезает.

"Эпоха" ориентировалась на издание современных русских писателей. Она выпустила (частично еще в Петрограде) собрание сочинений А.Блока (5-й т. не вышел), трехтомник Н.Никитина, четыре книги А.Белого, в том числе "Петербург" и "Стихи о России",

"Царь-Девуцу" М.Цветаевой, сборники рассказов А.Ремизова, М.Зощенко, воспоминания о Блоке К.Чуковского и его детские стихи, а также сборник неизданных произведений Ф.М.Достоевского "Петербургская летопись", "Пчелы. Петербургский альманах". Тем не менее деятельность издательства мало устраивает контролирующие печать советские органы; но книги его в страну пропускаются. Вот как оно характеризуется Главлитом (в ряду еще девятнадцати зарубежных русских издательств) в "совершенно секретном бюллетене", рассылавшемся по особому списку некоторым членам Политбюро и ЦК: "Эпоха". Политическая физиономия издательства расплывчата. Есть некоторый интерес к современности со стороны революционного быта и "грядущей культуры" в смысле возрожденного христианства. Направление, по-видимому, дает Андрей Белый; из лояльных рамок по отношению Советской России издательство пока не выходило" (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (в дальнейшем РЦХИДНИ). Бюллетень № 1. Фонд 5. Оп. 1. Ед. хр. 2735).

Не прошло и полугода, как в "справке об издательствах, издания коих не пропускаются в РСФСР" по идеологическим причинам, приводится список издательств с "двойным грифом", которые как будто обвинить не в чем, но тем не менее им уготована та же судьба. Среди них "Эпоха" - третье по счету, первым названо издательство Гржебина (Петроград-Москва-Берлин), затем - "Петрополис" (Пг. - Берлин), далее следуют "Геликон" (М. - Берлин), "Светозар" (Пг. - Берлин), "Возрождение" (М. - Берлин), издательство Оренштейн (Киев - Лейпциг) и др. Эти "издательства <...> не допускаются Главлитом в РСФСР в силу того, что издательства рекламируют свои заграничные издания как отделения русских и в то же время не отчисляют должного количества экземпляров в Книжную палату". Кроме того, - указывается в документе, - марки издательства с обозначением "Петроград-Москва-Берлин" облегчают, по указанию ГПУ, контрабанду" (РЦХИДНИ. Бюллетень № 2. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2735. Лд. 59).

И все это пишется как раз в то время, когда в "Эпохе" уже

выходит первый номер "Беседы", и ни о чем не подозревающий Горький продолжает добиваться допуска журнала в Россию.

Но пока что основным читателем журнала является русское зарубежье. "Беседа" за границей идет очень хорошо, - сообщает издатель Горькому, - спрос на нее не прекращается, заказы поступают почти ежедневно. В настоящее время мы распродали свыше 800 экз<емпляров>, и я думаю, что тираж "Беседы" для заграницы в будущем можно определенно считать 1200-1500. Для заграницы это очень большая цифра. Публика "Беседой" очень интересуется, отзывы - самые лучшие как здесь, так и из России. Ждут с нетерпением выхода следующей книги" (АГ. КГ-п, 34-7-2; из откликов эмигрантской печати на "Беседу" см. рецензии Б.Каменецкого (Ю.И.Айхенвальда) (Руль. - 1923. - 27 мая), Д.Гр<адарьева> (Дни. - 1923. - 1 дек.). В России см.: Вечерняя Москва. - 1923. - 4 июня).

Ходасевич после выхода второго номера также пишет Горькому об успехе журнала ("В Берлине его хвалят за наше с Вами ведомство, поругивают за Брауна". - АГ. КГ-п, 83-8-14). К тому времени, казалось, тревожиться было не о чем (потом, с подорожанием бумаги, типографских расходов и обнищанием эмиграции положение изменится), поэтому о главном - о том, что должно решить судьбу журнала Каплун сообщает в конце своего письма, в виде приписки, в сугубо информационном плане: "Из России на счет "Беседы" пока нет никаких известий" (АГ. КГ-п, 34-7-2). В переписке сотрудников редакции, строящих по поводу журнала далеко идущие планы, жалобы повторяются: "Жалко, что "Беседу" не пускают в Россию. Но надо все-таки из "Беседы" сделать литературный центр и объединить независимых и честных писателей" (АГ. КГ-п, 34-7-3).

В поисках средств Каплун пытается организовать фирму по экспорту иностранных фильмов в Россию, ищет кредиты и займы. Между тем Москва молчит, решения о "Беседе" нет да и в Германии ситуация не из лучших, усиливается реакция, растут цены, инфляция. Прекращается выпуск книг "Эпохой", чтобы использовать

остатки средств на издание "Беседы". Тревожится Ходасевич: "Я люблю "стоять на посту" и "Беседу" не бросил бы, - пишет он Горькому, - но боюсь, что, судя по берлинским обстоятельствам, "Беседа" может приостановиться. Германские издательства закрываются одно за другим" (АГ. КГ-п, 83-8-15).

Ему вторит Каплун: "В Германии жизнь становится невыносимой" (АГ. КГ-п, 34-7-16). "Времена тяжелые и приходится целые дни вести переговоры для того, чтобы обеспечить возможность работы. ...Я - человек упрямый. И главное мое увлечение - "Беседа", которую надо поставить на ноги. ...Окупаться "Беседа" может только при условии разрешения ее в Россию. На это разрешение я сейчас не рассчитываю, и мой расчет идет в том направлении, что еще в течение года "Беседа" не будет разрешена в Россию. За этот год надо выпустить 5-6 книг, каждая книга приносит убыток, приблизительно в 300 долларов, т. е. для издания "Беседы" надо приготовить 1500-1800 долларов. Отсюда мои другие увлечения. Я готов увлечься сейчас всем, что даст 1500-1800 долларов. ...Вы знаете, с какой преданностью отношусь к Вам и к Вашей работе, и главные мои волнения именно в том, что все не удастся обеспечить ровный и длительный выпуск "Беседы" (АГ. КГ-п, 34-7-6).

Успокоить и ободрить сотрудников и редакторов старается Горький: "Беседа", кажется, будет-таки пропущена в Россию, - пишет он Ф.А.Брауну. - Дорогоизна печатания побудила было Каплуна перенести дела в Вену, но берлинский типограф согласился работать по старой цене. Издание будет продолжаться, если этому не помешают обстоятельства чрезвычайные" (АГ. ПГ-рл, 6-35-18).

К первым числам октября 1923 вышли уже три номера "Беседы": каждые два месяца - книга, как обязалась их регулярно выпускать "Эпоха". Горький до конца надеялся, что "Беседа" будет-таки депущена в Россию. Этой уверенностью проникнуты его письма друзьям, близким, авторам, приславшим материалы, и писателям, рукописи от которых он ожидал. Однако Горький прекрасно понимал, что дальнейшая судьба журнала зависит от решения Москвы. Ходасевич, комментируя письмо Горького к нему от 27

сентября 1923, писал: "Предлагая издательству "Эпоха" взять на себя издание "Беседы", Горький был совершенно уверен, что журнал будет допущен к продаже в советской России. Крючков, через которого шли дела этого рода, подтверждал, что со дня на день должен получить из Москвы разрешение на приобретение тысячи экземпляров каждого номера - для пересылки в Россию. Разрешение, однако, не приходило, хотя "Беседа" выпустила уже две книжки. Горький писал в Москву письма, при мне говорил на эту тему с приехавшим в Сааров Рыковым, который в ту пору был заместителем больного Ленина. В ответ получались обещания и ссылки на канцелярскую волокиту. Тогда Горький решил прибегнуть к репрессии: сообщил в Москву, что отказывается от сотрудничества в советских изданиях, пока "Беседа" не будет допущена, и действительно сотрудничество такое прекратил" (Новый журнал. - 1952. - № 30. - С. 195).

Когда Ходасевич, скептически относившийся к возможности положительного решения вопроса о "Беседе", говорил, что зарок Горького не распространяется на основанный в Москве И. Лежневым независимый журнал "Россия", Горький ответил: "Рассказ Лежневу я не могу дать до поры, пока не разрешится вопрос о допущении "Беседы" в Россию. Имею сведения, что вопрос этот "рассматривается". О, Господи..." (там же. - С. 194). "Как видно из данного письма, Горький... продолжал верить (или делал вид, что верит), будто вопрос о "Беседе" действительно в Москве "рассматривается" и может получить благоприятное разрешение" (там же. - С. 195).

Что "вопрос рассматривался", Горький не ошибался, но вот решение не предугадал. В высоких идеологических инстанциях судьба "Беседы" была решена не в пользу журнала, о чем Горький и редакция в Берлине не догадывались. Речь идет об отзыве и заключении "совершенно секретного" бюллетеня Главного управления по делам литературы и издательств (№ 4, декабрь 1923) за подписью: "зав. Главлитом Лебедев-Полянский" (текст его цитируется по экземпляру, посланному "лично т. Ленину": "Журнал

"Беседа" № 1-3. Изд. "Эпоха". Берлин. 1923. Журнал организован в апреле 1923 года под ред. А.Белого, Горького, Ходасевича, проф. Брауна и проф. Адлера. Редактирует его фактически, по сообщению представителя Наркомпроса за границей т. З.Гринберга, меньшевик Далин и Л.Канцель, жена Дана, а все издательство "Эпоха" имеет какое-то материальное отношение к меньшевикам. Последнее точно еще не выяснено" (РЦХИДНИ. Бюллетень № 4. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2735. Л. 211).

Заметив, что если "по первому номеру журнала трудно было судить о его направлении", то теперь, после трех номеров, "вполне ясны основные черты направления журнала": "Журнал ориентируется на "рафинированную" интеллигенцию. Вопросы общественности, политики и экономические проблемы, даже в порядке объективной информации, не затрагиваются. Журнал замыкается в круг политической, философской и публицистической изощренности идеалистического, антропософского направления. В этих статьях нужно отметить прежде всего стремление модернизировать вопросы религии. "Беседа" преподносит вопросы религии и веры в форме антропософской мистики и модернизированного, по рецепту д<окто>ра Штейна <Штейнера> христианства".

Б качестве демонстрации "объективности" в отзыве указывается: "Нужно отметить, что все это дается в форме свободной дискуссии: сначала пр<иват>-доц<ент> Лейзганг приводит неопубликованные до сих пор документы, критикующие и разоблачающие догматы антропософии, потом Андрей Белый на 60 страницах реабилитирует Штейнера и антропософию".

Литературно-художественная часть "Беседы" также подвергается резкой критике, но она меньше интересует Главлит; оценка ее уместилась всего в одной фразе: "часть" эта "за некоторым исключением, полна упадочнических тенденций, мистицизма и антиреволюционного пацифизма". И далее выносится окончательный политический приговор: "Кроме идеологической враждебности к марксизму, материализму и нежелания считаться с задачами современного советского строительства, журнал

рекламирует эсеровские, меньшевистские и кадетские периодические издания ("Современные записки", "Заря", "Русский голос" и друг.).

Главлитом журнал в СССР не допущен (там же).

В этом характерном для цензурных органов политико-идеологическом документе прежде всего бросается в глаза стремление во что бы то ни стало дискредитировать "Беседу", как и издательство "Эпоха", а вместе в ними Горького, политически связав их с деятельностью заграничного центра меньшевиков, хотя в "Беседе" не было ни одного автора из меньшевиков и вообще ни одной статьи, даже заметки на общественно-политические темы. Напротив, как уже говорилось, журнал нарочито декларировал свою "аполитичность".

Особенно примечателен этот секретный документ в заключительной своей части. Чтобы подкрепить обоснованность запрета журнала "Беседа" в советской России, вытаскивается (не имеющая отношения к делу) связь Горького с берлинским изданием "Летописи революции": "Меньшевики, а вместе с ними и М. Горький, участвующие и в Гржебинском издании "Летописи революции", выпускаемом при активном участии крупных меньшевистских сил, материально крайне заинтересованы в широком распространении "Беседы" в Советской России" (там же).

Но, во-первых, участие Горького в издававшейся Гржебиным и меньшевиком Б.И. Николаевским серии мемуаров об освободительном движении в России ("Летопись революции") не имеет никакого отношения к "Беседе", выпускавшейся "Эпохой" Каплуна. Кроме того участие Горького было эпизодическим и чисто "консультативным" - в качестве рецензента некоторых рукописей, которые ему присылались по почте. Во-вторых, среди авторов этого издания были отнюдь не одни меньшевики, а люди самой различной политической ориентации - от эсера Чернова до большевика Луначарского. К издававшемуся Гржебиным журналу "Летопись революции" Горький вообще не имел отношения, за исключением того, что в первом и единственном его номере впервые были

опубликованы воспоминания писателя о В.Г.Короленко. Остается только догадываться, почему именно "меньшевистские силы", связанные с гржебинским изданием, были "материально крайне заинтересованы в широком распространении "Беседы" в Советской России"? В главлитовском доносе обойдено имя Каплуна - и как издателя "Беседы", и как заведующего "Эпохой", и как меньшевика, хотя партийная принадлежность, как видно, является решающей для цензоров. Но зато названы в качестве "фактических редакторов" "Беседы" жена лидера меньшевиков Ю.Ф.Дана - Л.О.Цедербаум-Дан (по первому мужу Канцел сестра Л.Мартова) и активный меньшевик Д.Ю.Далин.

Фактически Каплун возглавлял "Эпоху" с момента ее основания, теперь же, освободившись от пайщиков, он становился (и в финансовых делах издательства) полностью независимым. На свой страх и риск, ничего не зная о запрете Главлита, он, вслед за третьей книжкой "Беседы", выпускает четвертую (март 1924), сдает в набор пятую книгу, а затем и шестую (ноябрь 1924). Совершенно очевидно, что только благодаря стараниям издателя и его жертвенной преданности книге, отечественной культуре, "Беседа", ориентированная на Россию, широкого российского читателя, но не допущенная к нему, смогла прожить эти годы в тяжелейших условиях эмиграции. В апреле 1924 Каплун пишет Горькому: "Беседа" все больше укрепляется и приобретает прямо великолепную репутацию. Это видно и по русским журналам. Приехал из России Эренбург. Он прочитал по всей России 27 лекций. На этих лекциях он получил много записок с вопросами о Вас ... "Беседа" имеется только в официальных и литературных кругах. Все негодуют и не понимают, почему ее не пропускают в Россию. Если бы ее пропустили, она была бы самым читаемым журналом в России" (АГ. КГ-п, 34-7-7).

Наконец, в Берлин доходит весть об ожидавшемся целый год положительном решении инстанций. 28 мая 1924 Каплун пишет Горькому: "Чрезвычайно обрадовало меня письмо Мар<ии> Игн<атьевны> Будберг о разрешении "Беседы" в Россию. Вчера приходил П.П.Крючков, который получил письмо от Ив<ана>

Павл<овича Ладыжникова> с извещением о том, что "Беседа" разрешена, и с предложением покупки первых четырех книг для России ... теперь удастся "Беседу" поставить прочно на ноги ...". И в конце этого длинного письма приписка: "Не можете ли Вы сообщить № разрешения Главлита или соответствующего учреждения, или получить подлинную бумагу о разрешении для того, чтобы мы могли напечатать об этом в газетах и открыть в России подписку, по крайней мере, на вышедшие книги?" (АГ. КГ-п, 34-7-8).

В свою очередь Горький активизирует усилия по привлечению в журнал авторов. Он пишет Л.Леонову: "Разрешите предложить Вам сотрудничество в журнале "Беседа", которая ныне допущена в Россию. Вы, вероятно, знаете, что это журнал аполитический, таковым он и останется до поры, пока в нем работают проф. Ф.А.Браун, В.Ф.Ходасевич и я" (Литературное наследство. - М., 1963. - Т. 70. - С. 246).

Но издателю ничего конкретного Горький сообщить не может, не имея никаких документов, никакого разрешения или официального уведомления о нем. Он пишет из Сорренто Ф.А.Брауну (4 июня 1924): "С.Г., наверное, известил Вас о том, что "Беседа" допущена в Россию. По его словам, это позволит ему увеличить гонорары и печатать 6 книг в год. Не знаю, хватит ли у нас беллетристики на 6 книг, но надеюсь на приток ее из России" (АГ. ПГ-рл, 6-35-24).

Однако, в течение трех месяцев из России не поступило ни одной подписки, ни одного заказа. Каплун постоянно напоминает Горькому: "Я прямо в отчаянии относительно того, что произошло в последние три месяца ... Несмотря на разрешение ввоза "Беседы" в Россию, до сих пор в Россию не куплено ни одного экземпляра. ... "Современные" Записки и "Волю России" для ГПУ берут в 250 экземплярах, а "Беседу" даже для ГПУ не берут. ... Положение для меня и для "Беседы" создалось очень плохое ... На каждом номере "Беседы" я несу убытков больше, чем на тысячу долларов. На № 4 "Беседы" я истратил свои последние деньги, на № 5 пришлось доставать в долг, т. к. у меня самого нет ничего - буквально ни гроша.

Мой кредит сейчас уже исчерпан ... Сейчас я строю несколько планов, которые могли бы дать возможность продолжать "Беседу". В этом я вижу сейчас свою задачу" (АГ. КГ-п, 34-7-11). Вспоминая позже (ноябрь 1924) о своем положении той поры, он откровенно признался: "К лету дела у меня стали так плохи, что я не мог уже издавать книг, "Беседы". Были даже два таких месяца, что не каждый день мне удавалось достать несколько денег на обед, не была уплачена квартира и пр." (АГ. КГ-п, 34-7-14).

Обнадеживающим выглядит протокол заседания Политбюро ЦК РКП от 28 августа 1924 года (с грифом: "Строго секретно"):

"Присутствовали: Члены ПБ ЦК: тт. СТАЛИН, КАМЕНЕВ, ТОМСКИЙ. Кандидаты ПБ: тт. ДЗЕРЖИНСКИЙ, КАЛИНИН. Члены ЦК: тт. КАГАНОВИЧ, МАНУИЛЬСКИЙ, КУКЛИН, ЛЕПСЕ. Канд. ЦК: тт. ГЛЕБОВ-АВИЛОВ, КРИНИЦКИЙ. Чл. Презид. ЦКК: тт. ЯНСОН, ЯРОСЛАВСКИЙ, КУЙБИШЕВ.

С л у ш а л и

2. О журнале "Беседа".
(тт. Каменев, Дзержинский)

П о с т а н о в и л и

2. Поручить Главлиту не чинить препятствий к свободному допуску в СССР журнала "Беседа".

(РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Ёд. хр. 460).

Однако, этому решению Политбюро не был дан ход: несмотря на разрешение свободно ввозить журнал в Россию, в сущности доступ его в страну был закрыт. В письме Горькому издатель так объяснял эту ситуацию: "По-видимому, они для того, чтобы пойти навстречу Вам и сделать Вам приятное, журнал платонически разрешили, а одновременно решили душить его тем, что не покупают" (АГ. КГ-п, 34-7-11). Правоту Каплуна отмечает и Ходасевич во второй части своих воспоминаний о Горьком (опубликованы посмертно в последнем номере 70 "Современных записок"), описывая переживаемый "Беседой" кризис: "Стало ясно, что Сумский прав: Горького просто водили за нос". (Цит. по публикации

Дж.Мальмстада "Из переписки В.Ф.Ходасевича" // Минувшее. - М., 1991. - Т. 3. - С. 268).

Крючков, работавший в советском торгпредстве в Берлине (уполномоченный по торговому и книгоиздательскому обществу "Книга", которое, кстати, занималось закупкой книг за границей) и сам хорошо информированный, ссылаясь на Ладыжникова (непосредственно связанного с ГИЗом), в конце мая 1924 сообщает Каплуну о решении инстанций допустить "Беседу" в Россию (заметим: за три месяца до состоявшегося заседания Политбюро), о чем последний тотчас оповестил Горького. Но через полгода (31 октября) Горький, вместо того, чтобы поинтересоваться у Крючкова, почему "окончательно" решенный вопрос никак не вступит в силу (или хотя бы посетовать на это), как ни в чем ни бывало, в свою очередь, делится "новостью" с тем же "дорогим Петром Петровичем": "Каплун известил меня, что "Беседа" окончательно пропущена в Россию и Ионов уже заказал 3000 6-й книги" (Архив А.М.Горького. - М., 1976. - Т. 14. - С. 460).

В это время в должность заведующего Государственным издательством вступил И.И.Ионов. "От ИONOва ни слуху ни духу до сих пор, - сообщают Горькому в конце декабря 1924, - хотя он и обещал прислать ... заказ и деньги немедленно по своем приезде в Петербург" (АГ. КГ-п, 34-7-21). Более того, стало известно, что сразу же после своего вступления в должность Ионов закрыл журнал "Русский современник", выходивший "при ближайшем участии" Горького, и разогнал редакцию "Всемирной литературы" - детище писателя, - несмотря на его активное заступничество. "Боюсь, как бы его упорное молчание по поводу "Беседы" не было связано с этим", - пишет Каплун Горькому (АГ. КГ-п, 34-7-22).

Именно тогда Горький окончательно понял, что с "Беседой" придется распрощаться: в СССР журнал не пустят. "России нет и не будет", а "эмигранты нищи", как писал Ходасевич Горькому еще летом, средств на издание и оплату гонорара у "Эпохи" нет, сам Каплун еле сводит концы с концами. "Чтобы оплатить счета по № 4, - сообщал Ходасевич Горькому, - ему пришлось продать даже мебель и

пишущую машину. Предположим, что для оплаты № 5 он продаст еще что-нибудь (брюки?). А для 6-го? Ладыжников обещал оплачивать *половину*. Но у Каплуна вряд ли хватит средств и при этом условии ... Поссму - грущу, ибо журнал хороший и нужный" (АГ. КГ-п, 83-8-26).

Грустил по этому поводу и Горький, вынужденный прекратить издание "Беседы". 14 мая 1925 он писал М.Ф.Андреевой: "Беседу в Россию все-таки не пропустили, и Каплун прекращает издание. Жаль. Журнал был неплохой" (АГ. ПГ-рл, 2а-1-51). Через несколько дней он то же пишет Ходасевичу: "Беседа кончилась. Очень жалко. Браун - в совершеннейшем унынии" (Новый журнал. - 1951. - № 31. - С. 200). Из дальнейших слов Горького становится ясно, что августовское решение Политбюро о беспрепятственном допуске "Беседы" каким-то образом было опротестовано (кем, если это постановление высшей инстанции?) и все это время "прокатывалось" по всевозможным коридорам высшей номенклатуры.

"По вопросу - огромнейшей важности вопросу! - о том, пущать или не пущать "Беседу" на Русь, было созвано многочисленное и чрезвычайное совещание сугубо мудрых, - с иронией пишет Горький Ходасевичу 19 мая 1925. - За то, чтобы пущать, высказалось трое: Ионов, Каменев и Белицкий, а все остальные: "не пущать, тогда Горький воротится домой". А он и не воротится. Он тоже упрямый" (Там же). О том, что "разрешение на "Беседу" было дано", но "затем разрешение было опротестовано и аннулировано большинством голосов против трех: Каменева, Ионова, Белицкого", Горький, словно оправдываясь за посеянные и несбывшиеся надежды, вновь повторил через несколько дней ему же (Там же. - С. 201).

Ходасевич, с присущей ему прямоотой и точностью формулировок, в своем ответе Горькому характеризует "разрешение" просто как откровенный "обман и подлог": "Беседу" жаль, конечно, но злоба во мне преобладает. Ведь ровно год тому назад Вам послали офиц<иальную> бумагу о допущении "Б<еседы>" в Россию. А теперь - заседание: допускать ли? Ясно, что никакого разрешения и не было (как я и говорил Вам), а "бумага" была - обман, очередной

подлог этих негодяев. Одно утешение: больше уж я с ними ничем не связан: даже апокрифическим разрешением" (АГ. КГ-п, 83-8-40).

Задолго до этого Ходасевич понимал "всю махинацию" игры с Горьким. В ответ на присланные Вячеславом Ивановым "Римские сонеты" для "Беседы", высоко оцененные им (а также Горьким, но не были напечатаны в связи с ликвидацией журнала), Ходасевич, несмотря на то, что все время стремился привлечь поэта к сотрудничеству, в письме к нему от 21 января 1925 довольно безнадежно обрисовал будущее журнала и раскрыл "жульнические" "махины" по обману Горького, не скрывая, впрочем, что писатель и сам "утешается" самообманом: "В частности, что касается "Беседы", дело обстоит так: для утешения Алексея Максимовича советские жулики формально разрешили ввоз журнала в Россию, но фактически приказали своему органу, имеющему монопольное право закупки книг за границей ("Книга") - покупать "Беседу" в количестве... 10 экземпляров! Десяти, я не пропустил ни одного нуля! Вот Алексей Максимович и утешается, ибо не то не умеет, не то не хочет понять всю эту махинацию, сколько ему не растолковывают. В результате - все вскоре выяснится: либо "Беседа" проникнет в Россию в нормальном количестве, либо вовсе прекратит свое существование" (Минувшее. - Т. 3. - С. 265).

Произошло последнее. Но Горький, у которого издательская страсть, вероятно, была не менее сильна, чем у его фанатичных сотоварищей по книжному делу - Гржебина или Каплуна, даст втянуть себя в затею с новой "Беседой" - "Собеседником", который однако не состоялся.

Как всегда чуткий к любой фальши, проницательный и принципиальный Ходасевич, говоривший всегда всю правду, как он ее понимал, с бескомпромиссной прямоотой высказался на этот счет в письме к Горькому от 7 августа 1925. Оно оказалось последним в ряду сорока трех писем, завершившим не только его переписку с Горьким, но и их дружеские и деловые отношения (Ходасевич будто предвидел такой финал. Еще в мае 1923, сообщая жившей в Москве бывшей жене Анне Ивановне Ходасевич о своем союзе с Горьким, он как бы

невзначай заметил: "Мы связаны теперь до тех пор, пока будет существовать "Беседа". - Цит. по публикации И.Бочаровой // Курьер-Нижний Новгород, 1993. - 25 марта). Так, он писал:

"Милый Алексей Максимович, не сердитесь: но Вы - любите верить. Вы как будто с удовлетворением пишете об Ионовских предложениях касательно возобновления "Беседы". Вы говорите: никаких ограничительных условий Ионов, пока, не ставит". Напротив, уже ставит, и условия колоссального значения: печатать в Петербурге. Да ведь это же значит: "под цензурой!!!" Невозможно закрывать глаза на то обстоятельство, что подцензурная петербургская "Беседа" отнюдь не сможет почитаться продолжением свободной берлинской, ибо берлинская, как ни была смирна, - делала это добровольно. И даже "журналом типа "Беседы" предполагаемый журнал не будет, ибо самым "типичным" в "Бесede" было то, что над ней не было городского. Умоляю Вас - будьте как можно осторожнее. Ставить людей в неловкое положение по отношению к товарищам - постоянная (и очень умная) тактика большевиков" (АГ. КГ-п, 83-8-43).

В письме не только "особый род здравого благоразумия", как определяет "глубоко ироничную манеру" Ходасевича Джон Мальмстад, но и глубокое сочувствие Горькому: "Простите, что пишу все это, - заканчивает он. - Я не "учить" Вас вздумал, но меня бы мучила совесть, если бы я не сказал Вам всего, что думаю" (там же).

Позже, спустя годы, вновь возвращаясь к этим событиям, Ходасевич от частного случая с кризисным положением дел в "Бесede" поднимается до широких идейно-политических обобщений. Под его пером, драматическая история журнала являет пример типичной судьбы зарубежных изданий и издательств в целом, а катастрофа, постигшая "Беседу", выступает как "величайшая провокация" советского режима. В упомянутых воспоминаниях о Горьком Ходасевич писал: "Советское правительство усердно распускало слухи, что оно намерено допускать в Россию зарубежные издания, не содержащие агитации против власти и отпечатанные по новой орфографии. Разумеется, эти слухи не вязались с введением

внутренней цензуры, но к неувязкам в распоряжениях Москвы привыкли. Впоследствии стало ясно, что тут действовала чистейшая провокация: в Москве хотели заставить зарубежных издателей произвести крупные затраты в расчете на огромный внутренний рынок, а затем границу закрыть и тем самым издателей разорить. Так и вышло: целый ряд берлинских издательств взорвался на этой "мине", в том числе и издательство "Эпоха" (Минувшее. 3. - С. 268.).

Что касается "Беседы", то ее судьбу решила все-таки не экономическая провокация, о которой говорит Ходасевич, не разорение Каплуна, не намерение запретом издания заставить Горького "воротиться домой", о чем он пишет тому же Ходасевичу. Была другая, главная, более глубинная причина, которая привела журнал к краху. "Беседа", ориентированная на "внутреннее употребление", на русского читателя в стране, партийная идеология которой была основана на марксистской догме классовой борьбы и диктатуры пролетариата, с самого начала своего возникновения была обречена.

Свободная, бесцензурная, беспартийная "Беседа", интернациональная в лучшем смысле этого слова, стоящая "над схваткой", утверждающая высокие гуманистические идеи и общечеловеческие ценности культуры, нравственности и морали, не могла быть допущена режимом. И кто-то в высоких советско-партийных кругах (а кто еще мог задержать или пересмотреть решение высшей инстанции - Политбюро), понимая это, делал все, чтобы накинуть удавку на шею "Беседе". (Этот "кто-то", разумеется, фигура собирательная.)

Никто из редакторов и сотрудников журнала не говорил об этой причине, но прекрасно понимали цену "Беседе". Ходасевич в одном из писем Горькому 29 июля 1924, получив пятую книжку журнала, писал: "Беседа", конечно, имеет немало недостатков, но все больше убеждаюсь в ее несомненном и главном достоинстве: это сейчас не только самый культурный, но и самый порядочный из русских журналов. Больше того: единственный. И не только сейчас:

во всей истории русской журнальной литературы это - один из серьезнейших. Так как в № 5 нет почти ни капли моего редакторского меда, то я теперь могу это сказать, не боясь похвалить самого себя" (АГ. КГ-п, 83-8-16).

О журнале см. также: Вайнберг И. Берлинский журнал Горького "Беседа", его издатель С.Г.Каплун, поэт В.Ф.Ходасевич и др. // Евреи в культуре русского зарубежья. - Иерусалим, 1995. - Т. 4.

И.И.Вайнберг

"БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ" (Брюссель, 1926. - № 1. Январь - 2. Апрель) - журнал русской литературной культуры, издавался князем Д.А.Шаховским (1902-1989), впоследствии архиепископом Иоанном Сан-Францисским. Название повторяет заглавие журнала, издававшегося в 1818-1826 поэтом-баснописцем А.Е.Измайловым. Д.А.Шаховской рассказал о предыстории своего журнала в книге "Биография юности" (Париж, 1977). С 1924 он вынашивал идею издания религиозно-философского сборника и с этой целью вступил в переписку с П.Е. и Е.Е.Ковалевскими, К.Э.Керном и Н.М.Зерновым. Позже идея сборника трансформировалась в идею журнала. Финансировал издание однокашник Д.А.Шаховского по Лувенскому ун-ту Г.Соколов, который на обложке обозначен "руководителем", хотя ни в какие литературные и издательские дела журнала он не вмешивался. "Благонамеренный", по словам Д.А.Шаховского, "стал данью чистой литературе. И России, конечно" (Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. - Петрозаводск, 1992. - С. 47). Обложку журнала ("близкую романтике александровской эпохи") нарисовал молодой русский художник, живший в то время в Брюсселе, Х.Фрешкоп.

В редакционной статье, открывавшей первую книгу и озаглавленной "Философическое оправдание благонамеренности",

были сформулированы программа и принципы нового издания. В основу программы положены следующие тезисы: "Реальная борьба возможна только *против середины*. Эта борьба и есть борьба литературы" (№ 1. - С. 5). "Жизнь - это литература" (там же. - С. 6). "Злоба и жизнь, для нас, несовместимы" (там же). "Чистая литература" в понимании Д.А.Шаховского - это отнюдь не "чистое искусство", не "искусство для искусства", скорее это то, что можно назвать высоким (непартийным или внепартийным) искусством. "Я склонялся к религиозно-философскому изданию, - писал впоследствии Д.А.Шаховской, а потом остановился на идее журнала чисто литературного, которому, однако, хотел придать своеобразное направление, не "правое" и не "левое", а независимое. Это была попытка служения культуре русского слова, русскому духу в свободе, которой мы опьянялись в Европе, видя то, что происходит в России" (Там же. - С. 48).

Журнал состоял из разделов: "Поэзия", "Проза", "Статьи", "Архив", "Библиография". Из поэтов русского зарубежья в нем печатались: Г.Адамович, Г.Иванов, И.Одоевцева, Г.Струве, М.Цветаева, В.Ходасевич, Д.А.Шаховской и др. Во второй книге в разделе "Поэзия" был впервые опубликован неизвестный отрывок из поэмы В.А.Жуковского "Рустем и Зораб". В разделе "Проза" печатались произведения И.А.Бунина, С.Эфрона, А.М.Ремизова и др. Со статьями на страницах журнала выступили Д.Святополк-Мирский, М.Цветаева, М.Гофман, К.Мочульский, Евг.Зноско-Боровский, Ф.Степун, Д.Шаховской. В "Архиве" впервые были опубликованы неизвестные документы и письма В.А.Жуковского, И.В.Киреевского, С.П.Шевырева и др. материалы. В разделе "Библиография" наиболее активным автором был сам Д.А.Шаховской, написавший в общей сложности более десяти рецензий (подписанных его псевдонимами: "Д", "Ш", "Д.А.Ш.", "Д.А."). Рецензировались в основном (но не исключительно) русские книги как эмигрантских, так и советских авторов, среди которых И.А.Блин, Е.В.Аничков, Ф.Степун, Н.Асеев, М.Зощенко, М.Цветаева, С.Есенин, И.Бабель, Б.Пастернак, О.Мандельштам,

К.Федин. Отдельные рецензии были посвящены журналам "Путь", "Воля России", "Красная новь".

Большую помощь в издании Д.А.Шаховскому оказали И.А.Бунин (оговоривший свое участие в журнале неучастием в нем М.Горького), В.Ходасевич, А.Ремизов, Д.Святополк-Мирский и М.Цветаева. Журнал, по позднему признанию Д.А.Шаховского, имел заметный успех у читателей. Тем не менее после второй книги его издание прекратилось. На обложке был помещен анонс третьей (так и не вышедшей) книги, в котором, среди прочего, значилась комедия П.Муратова "Шекспириана". Прекращение издания журнала "Благонамеренный" было вызвано внутренним духовным кризисом, который в то время охватил Д.А.Шаховского. Он уехал в Грецию на Афон, где и был подстрижен в иночество.

Тем не менее две книги журнала оказались весьма заметным явлением в духовной и интеллектуальной жизни русского зарубежья (о чем красноречивее всего свидетельствуют имена печатавшихся в нем авторов). Заметную роль журнал сыграл и в жизни Д.А.Шаховского, который спустя много лет в своих рецензиях, оценках и "эпиграфических высказываниях", напечатанных в журнале (например "Поэзия - оттенки любви"), увидел то "метафизическое зерно", к которому тогда все более обращались его поэзия и жизнь (там же. - С. 51).

В.В.Савов

БОЛГАРСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА. В Болгарии в 1921 насчитывалось 12 000, в 1922 - ок. 30 000, к 1 января 1930 - 21 830, в 1936-37 - 15 700 русских беженцев. В Болгарию эмигрировали ученые - Н.С.Трубецкой, Г.В.Флоровский (вскоре уехавшие) и П.М.Бицилли, ставший профессором Софийского университета. Ограниченные материальные возможности Болгарии, установление дипломатических отношений с СССР и волна национализма в конце

20-х - начале 30-х вынудили многих русских уехать из страны. Именно поэтому София не стала центром русского рассеяния в Европе, что и обусловило ограниченные возможности и специфику издательской деятельности русских.

Центром сравнительно ограниченного русского книгоиздания была София. К числу первых русских публикаций в Софии относятся "Русские сборники" (два выпуска вышли в 1920-21 под ред. Э.Д.Гримма и К.Н.Соколова) и один из первых журналов русской эмиграции "Русская мысль". К первым русским изданиям в Софии относятся также "Зарницы", в 1921 выходившие как альманах (№ 1-2), затем еженедельный общественно-политический журнал (№ 3-7), а с № 8 по 25 - русский еженедельник; редактор М.Калинников. В Болгарии началась издательская деятельность евразийцев. Первый сборник "Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев" вышел в Софии в 1921. Его редакторы - теоретики евразийства П.П.Сувчинский, Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий. В сборнике напечатано 10 статей П.Н.Савицкого, Г.В.Флоровского, Н.С.Трубецкого и П.П.Сувчинского. Именно это издание определило возникновение нового течения в русской эмиграции - евразийства.

В Софии выходило значительное число периодических изданий различных русских военных организаций: "Вестник Галлиполийцев в Болгарии" (1927-31), "Галлиполийский бюллетень" (1932), "Вестник Общества Галлиполийцев" (1932-37), "Галлиполийский вестник" (1937-40); "Вольный Дон" (1937-38) - литературно-художественный и информационный журнал под ред. П.Рассказова и П.Ф.Крюкова; "За Россию!" - орган Союза русской молодежи за рубежом (1930-35); Информационный бюллетень Союза русских инвалидов в Болгарии (1931-32); Информационный бюллетень Российского Освободительного Союза (1934); "Казаки за границей" - издание Штаба Донского корпуса Всевеликого войска Донского (1927-38).

Литературно-исторический и информационный журнал под ред. И.Колесова, Г.А.Еременко и В.Г.Глазкова "Казакия" выходил в

Братиславе, Праге и Софии в 1934-39. Журнал Русского охранного корпуса "Потешный" издавался в 1942-43 Национальной организацией российских разведчиков (НОРР); вышло 35 номеров. В 1940 в Софии было издано 6 номеров двухнедельного общественно-национального журнала "Родина".

Среди русских издательств в Болгарии наиболее крупным было "Русско-болгарское книгоиздательство", основанное как акционерное общество в октябре 1920 в Софии. Основателями его являлись Н.С.Жекулин, бывший директор киевского книгоиздательства "Летопись", в котором в 1919 вышло первое издание первого выпуска "Истории русской революции" П.Н.Милюкова, и П.П.Сувчинский, бывший редактор-издатель "Музыкального современника" в Петербурге. Финансовую поддержку издательству оказывал А.Ходжисев, член Правления Софийского банка. Основным издательским начинанием была весьма пестрая серия "Библиотека всемирной литературы". В серии вышло несколько десятков книг, среди которых произведения А.П.Чехова, Ф.К.Сологуба, Л.Н.Андреева, Е.Н.Чирикова, В.В.Шульгина и др.; переводы на русский язык сочинений Реми де Гурмона "Цвета", Г.Мопассана "Франсуа", О.Уайльда "Сказки", К.Тетмайера "Победа", К.Гамсуна "Раба любви", Ст.Пшибышевского "De profundis". В серию включались политические и историко-литературные книги: Н.Трубецкой "Европа и человечество" (1920), С.Булгаков "На пиру богов" (1921), П.Струве "Размышления о русской революции" (1923), "Статьи о Льве Толстом" (1925), Ю.Никольский "Тургенев и Достоевский. История одной вражды" (1921), митрополит Киевский и Галицкий Антоний "Словарь к творениям Достоевского" (1921).

Другим значительным предприятием являлось работавшее с 1921 издательство, книжный магазин и контрагентство "Златолира", подготовившее около ста выпусков лучших русских романсов и музыкальных произведений в серии "Русская музыкальная библиотека". Книгораспространением занимались также магазин "Печатное дело" (1927) и "Зарницы" - книжный магазин и библиотека (1927-39). "Зарницы" издали также ряд сочинений русских писателей-

эмигрантов: О.М.Бебутова "Лазурный берег" (1927); Н.Н.Брешко-Брешковский "Мировой заговор" (1924); Ю.Л.Елец "На крестном пути" (1924); С.Р.Минцлов "Гусарский монастырь" (1925); "Прошлое. Очерки из жизни царской семьи" (1925); "То, чего мы не знаем... Рассказы" (1926).

В 1925-26 работало издательство "Русь", выпустившее, в частности, роман Н.Н.Брешко-Брешковского "Женщины, кровь и бриллианты" (1926), пьесу А.Ренникова (Селитренников А.М.) "Галлиполи" (1925) и фантастический очерк В.В.Шульгина "Нечто без окончания" (1925). Менее известны издательства "Акация" (1923 ?) и "Голос" (1931 ?).

И.А.Шомакова

"ВЕРЕТЕНЫШ" (Берлин, 1922. - № 1. - Август - № 3. - Ноябрь) - журнал самим заглавием заявил о преемственности с альманахом "Веретено" (Берлин, 1922. - Кн. 1) и с Содружеством писателей и художников "Веретено", объединявшем представителей эмигрантской элиты. В октябре 1922 журнал "Русская книга" в своем десятом номере сообщил о расколе в литературном содружестве "Веретено" в связи с избранием в его члены графа А.Н.Толстого. "Веретеныш. Вестник критической мысли и сатиры", организованный литературно-художественной молодежью, оказался более лояльным в своей позиции, помещая на своих страницах дружеские шаржи и вполне доброжелательные пародии на виновника "раскола" А.Н.Толстого. Сергей Горный, в первом программном номере журнала опубликовал эмоциональный очерк "О земле" с посвящением "графу А.Н.Толстому" и обращением ко всей берлинской эмиграции: "от идут они все по Кюрфюрстендамм. Все гладкие и хорошие. И русских среди них много. Все чистые, хорошие. И никто из них в "Накануне" не пошел. А вот идет среди них он. Нехороший и что-то содеявший. А вот ближе он мне своих, гладких и

оезгрешных. Весь он с симбирскими запахами, с дождями, крупно стучащими о балконную парусину, с садом, пахнущим после дождя влажною мятою, с зарницами - мгновенными взмахами божьих ресниц за округлым курганом над Волгою. Свой. Родной" (№ 1. - С. 8).

Изначально "В", среди основателей которого Александр Дроздов, Глеб Алексеев, С.Сегаль, заявил о своей приверженности России и ее культуре в лице тех, кто оказались в изгнании и тех, кто остались на родине: "Мы не одиноки - нас окружают испытанные рыцари русского слова, на чьем творчестве мы учимся и чье творчество - икона наша... Мы шлем товарищеский привет наш Петербургскому Дому литераторов, на платформе которого мы стоим, мы зовем каждую творческую душу работать с нами и, быть может, заменить нас, начавших. "Веретеныш", который мы ныне выпускаем - наша кавалерия, его дело - рубить, резать колючую проволоку и трубить в трубы" (№ 1. - С. 1).

В программной статье "Pro domo sua" А.Дроздов писал: "Я русский. Потому, что в России и теперь цыкают в елках клесты, потому что в России и теперь скрипит коростель, потому что мы, может быть, и помрем здесь, а Россия не помрет. Никогда. Счастлив был почин наш: мы поверили - и вот ряд писем из России от писателей. ...Наш голос - голос искусства. И в том, что наш голос - голос молодой русской литературы - встретил ответный голос из России, наше счастье, наша бодрость, наша вера в то, что мы правы" (№ 1. - С. 7).

Позиция журнала отражала уверенность его создателей в единстве и неделимости русской литературы, как они считали, через "временный и стирающийся рубеж". В подтверждение сообщалось, что в журнале примут участие крупнейшие писатели эмиграции и советской России. В третьем номере, в анкете "Веретеныша" "Завтрашний день русской литературы" были опубликованы размышления о будущем отечественной словесности А.Белого, Вл.Лидина, А.Яковлева, И.Сургучева, Ю.Слезкина, А.Соболя, А.Куприца, Б.Лазаревского, П.Потемкина, Дм.Стонова, Тэффи, Л.Урванцова "... делить русскую литературу на зарубежную и внутрироссийскую я не могу. Она едина. И русский писатель остается

русским, хотя бы он временно сидел на Сандвичевых островах. ...Но вот жить ради творчества русскому писателю надо, конечно, дома: в России", - писал из Москвы А.Яковлев. "Где будет заложен первый кирпич - в Берлине, в Москве ли, в Чердыни - это все равно: временный вид на жительство ведь только временный" (Москва, Андрей Соболев). "В эмиграции новой литературной эпохи нет, - писала Тэффи. - Говоря о будущем русской литературы, мы не можем включить в это будущее писателей уже определившихся и сколь бы неожиданные и великолепные произведения они ни дали миру - это будет не новая литература, а продолжение славной старой. ...Но душой чувствую я, что свет придет с востока". "Будущее русской литературы? Где оно? Будущее ее в языке. Язык в России. А где Россия? - За границей, ибо страна интернационала не Россия" (П.Потемкин). В "анкете" присутствовала и другая точка зрения: "Завтрашний день русской литературы? Я все-таки думаю, что он здесь, в эмиграции" (И.Сургучев). "Вся русская литература в эмиграции" (Лев Урванцев). "Что касается вопроса, где будет этот завтрашний день, то для меня не подлежит сомнению, что там где не будет насилия и цензуры и где не будут думать, что цель оправдывает средства..." (Борис Лазаревский). И снова призыв журнала, через границы: "Русский писатель, внук Пушкина и сын Достоевского, русский писатель, собравший в чашу свою все капли русской крови и все брызги русского солнца, - отзовись!" (№ 3. - С. 1).

Одна из главных идей журнала - сохранить "золотую цепь преемственности" в литературе и искусстве. Отрекаясь от прошлого, человек отрекается от будущего, утверждает Наталия Потапенко в статье "О "новом" и "старом" (№ 1. - С. 3). Исповедуя идеи "одухотворенного" или гуманного конструктивизма: журнал заявил о своей непримиримости к "тупиковому" искусству "чистой формы": "Для чего оно создает "формы"? Неужели, как утверждает Эренбург, только ради "финтифлюшечек" и "дырочек-пупырок" (№ 1. - С. 4). Против апологетов "вещности" (журнал "Вещь") направлен и сатирический коллективный роман "веретенцев" "Заграничные приключения Ивана Сидоровича Башмакова". Сообщалось, что

"роман будут писать 14 писателей. Фабула романа совершенно неизвестна... Каждую главу пишет один писатель по жребию, начать роман выпало Ал.Дроздову, писать вторую главу В.Пиотровскому, третью Вл.Амфитеатрову, четвертую Сергею Горному, пятую Глебу Алексееву. Имена остальных авторов будут объявлены по мере надобности" (№ 1. - С. 11). Роман остался незавершенным, в каждом номере помещалось по две главы.

В журнале освещались вопросы литературы и современного искусства, утверждалась связь традиций и поколений (С.Сегаль "От мрака к свету (О современном искусстве)", Г.Лукомский "Задачи русской живописи за границей", № 1). Печатались рецензии на произведения текущей литературы, иногда выдержанные в иронической манере, анонимные или подписанные псевдонимами. Значительное место в журнале занимали пародии, шуточные стихи, дружеские шаржи художников А.Андреева, Вл.Белкина, М.Бандта, Г.Лукомского, И.Модзалевского, С.Сегалья и др. В разделе "Хроника "Веретена" сообщалось о деятельности Содружества в Берлине, Чехословакии, Франции, Италии, Болгарии, Прибалтике, России с участием С.Маковского, Е.Чирикова, И.Сургучева, П.Потемкина, А.Куприна, И.Бунина, Г.Гребенщикова, А.Аверченко, П.Пильского и др. В Петербурге представителем "Веретена" был И.Оксенов, поддерживались отношения с "Серапионовыми братьями". В Москве председателем отделения состоял Ю.Слезкин. Широко освещалась и работа "веретенцев", о чем сообщалось в первом номере журнала. Однако молодой оптимизм "веретенышей", их симпатии к литературе новой России не вызвали сочувствия в содружестве "Веретено". Во втором номере журнала в пространной статье "На перепутьи..." В.Амфитеатров-Кадашев обвинил "веретенышей" в "биологизме" и "пассивном" восприятии жизни: "В этой страдательности, в этой безвольной идеологии коренной грех "Веретеныша" (№ 2. - С. 6). Не понравился "старшим" и панегирик А.Толстому в очерке С.Горного "О земле" (№ 1). После статьи Амфитеатрова-Кадашева трое "веретенышей" - А.Дроздов, С.Горный, Г.Алексеев поместили свои ответы. В статье "Молодые капитаны" Г.Алексеев писал: "В море,

когда гионет судно, и пали к итаны мертвыми в шторм - флаг и спасение в руках смельчаков. ...Не бойтесь слабости юношеских рук: они окрепнут" (№ 2. - С.8).

В журнале напечатана анкета "Веретеныша" "Читатель, кто ты?", в которой высказана забота о воспитании читательского вкуса: "-Кого ты читаешь и ПОЧЕМУ ты читаешь? Мы знаем, что ты читаешь Краснова, и не читаешь Андрея Белого? Почему? Почему читаешь Ильину-Полторацкую или Лаппо-Данилевскую, а не читаешь Ремизова? Есть литература: А.Белый, Ремизов, Бунин и др., и есть литература лакейская: П.Краснов, Ильина-Полторацкая, Лаппо-Данилевская и прочие последыши г-жи Вербицкой. ...Все твои, читатель, искренние оценки, задушевные мысли о сегодняшнем и завтрашнем дне русской литературы будут внимательно разобраны и напечатаны в "Веретеныше" (№ 2. - С. 16).

С.А.Коваленко

"ВЕРСТЫ" (Париж, 1926-1928. - № 1-3)* - журнал под редакцией Д.П.Святополк-Мирского, П.П.Сувчинского и С.Я.Эфрона "при ближайшем участии А.Ремизова, М.Цветаевой и Л.Шестова".

Как было сказано в редакционном предисловии к первому выпуску, целью журнала было "если не объединить все лучшее в современной русской культуре (это не под силу одному изданию)", то "казывать на это лучшее". Редколлегия подчеркивала, что не проводит различия между русской культурой, создаваемой на родине и за ее рубежами, а стремится "понять это целое не с точки зрения практической борьбы, а с точки зрения национально-исторической предначертанности" (с. 5). Верность данной установке сохранилась во всех выпусках. "Своей прямой задачей, говорилось в редакционном

Статья написана при поддержке Центрального Европейского университета (грант CEU\RSS No: 178\94).

вступлении к последней книге "Верст", - мы по-прежнему считаем способствовать объединению той части эмигрантской интеллигенции, которая хочет смотреть вперед, а не назад; с другой стороны, способствовать пониманию русской современности в широком историческом масштабе, не забывая, что *русское шире России и что все человечество так или иначе втянуто в наши, русские проблемы*" (№ 3. - С. 5-6; курсив редакции).

Как видно из редакционных заметок, в позиции журнала отчетливо просматривается влияние "сменовеховства" и "евразийства", воспринимавших революцию и советскую действительность как проявление "национально-исторической предначертанности", связанной с особым путем России. Уже в первом номере редакция заявляла, что будет стремиться соединять литературу, критику и библиографию с вопросами философии, искусства, языкознания, русского краеведения и востоковедения, т.е. давать достаточно широкую картину достижений русской культуры. Литературные и критические материалы занимали в "Верстах" наибольшее место.

В первых двух номерах редакция давала обширные перепечатки новинок русской литературы без разграничения авторов по месту их жительства (метрополия или диаспора).

Первая книга открывалась перепечаткой из "Нового мира" (М. - 1926. - № 2) четырех предсмертных стихотворений С.Есенина ("Какая ночь! Я не могу..."; "Не гляди на меня с упреском..."; "Ты меня не любишь, не жалеешь..."; "Может поздно, может слишком рано..."); а также "Поэмой горы" М.Цветаевой; пятью стихотворениями И.Сельвинского из различных сборников конструктивистов (в том числе "Казнь Стецюры" и две цыганские стилизации); рязанскими частушками; отрывками из книги А.Ремизова "Николай Чудотворец" ("Образ Николая Чудотворца". - Париж, 1931) и его же "Россией"; рассказом И.Бабеля "История моей голубятни" (М.-Л., 1926) и "Вольницей" А.Веселого.

Все эти авторы объединены своеобразным пониманием мятежного русского характера, соединяющего в себе громадное,

неутоленное чувство любви с жестокостью, веру в Бога и Провидение с безбожием, праведностью и разгульностью. Русская история выступает здесь как некая азиатская самобытность, в ее величии и трагизме, в ее мессианской роли. Последнее должна была доказать публикация отрывка "Потемкин" из поэмы Б.Пастернака "1905 год" (Новый мир. - 1926. - № 2). Два года спустя Д.Святополк-Мирский, рецензируя в "Верстах" всю поэму и пастернаковского же "Лейтенанта Шмидта", напишет, что "Пастернак, великий революционер и преобразователь Русской поэзии, поворачивается ко всей старой традиции русской жертвенной революции, и дает ей то творческое завершение, которое она сама себе не в силах была дать" (№ 3. - С. 154).

Столь же характерен и отбор художественных произведений, вошедших во второй номер журнала: трагедия М.Цветаевой "Тезей", экспрессионистская проза ("Восстание" А.Веселого и "Москва под ударом" А.Белого), отрывок из романа Ю.Тынянова "Кюхля" под названием "Конец", "Россия" и "Заветы" А.Ремизова.

Во всех трех номерах журнала широко представлена критика и библиография. Ведущим критиком журнала выступает князь Д.Святополк-Мирский, стоящий более на позициях "сменовеховства", нежели "евразийства". В первой книге "Верст" в статье "Поэты и Россия" он выступает за связь литературы с "общей жизнью России" (№ 1. - С. 143), упрекая писателей XIX в. в отсутствии такой связи. Исключения составляют только Г.Державин и Н.Некрасов. Продолжателями торжественно-победной державинской линии в поэзии XX в. критик называет Гумилева, послереволюционного Маяковского, Пастернака, Цветаеву; последователями минорной некрасовской линии - Блока, Ахматову, дореволюционного Маяковского.

Во втором номере Мирский публикует статью "Всякие смерти в предреволюционной литературе", в которой настаивает на том, что дореволюционная литература либо упивалась смертью и самоубийствами (Горький, Андреев, Бунин, Арцыбашев, Сергеев-Ценский), либо заразилась мистикой и декадентством (Розанов,

Гиппиус, Вяч. Иванов, А. Белый, Блок и др.). При этом он утверждает, что задачу "ампутации загнившего духа" выполняют новые писатели: "Маяковский с его презрением к высшим ценностям, нигилистический формализм Шкловского, "материализм" комсомола" (с. 253) и особенно Б. Пастернак и М. Цветаева.

В новой литературе редактор "Верст" жаждет увидеть "сверхчеловечность" (№ 1. - С. 146). Пояснение этого термина содержится в обзоре Мирского "Годовщины" в третьей книге журнала. Вновь возвращаясь к Некрасову, критик утверждает, что его поэзия "глубоко и органично социальна, коллективна", что в слиянии с коллективом Некрасов совершенно преодолевал страдание" (№ 3. - С. 140-141). "Войти в природу вещей, обновить мир, вернуть его составным частям утраченную свежесть" (№ 3. - С. 145), как это сделал В.Хлебников, - и есть миссия новой литературы. Через все выпуски журнала проводится мысль, что эмиграции не под силу справиться с этой задачей. Впервые идея обновления мира прозвучала в обзоре 26 номеров "Современных записок", принадлежащем Святополку-Мирскому. В ведущем литературном журнале русского зарубежья критик увидел "чистую, почти беспримесную установку на прошлое..., инерцию предреволюционной России" (№ 1. - С. 207). Автор обзора весьма произвольно выделил в "Современных записках" либерально-консервативное ядро (Мережковский, Бунин, Алданов, Ходасевич, Зайцев, Бальмонт, Степун), не принимающее нового и не способное, по его мнению, к созданию большого искусства, и "периферию" (Белый, Ремизов, Шестов, Цветаева - все сотрудники "Верст") - авторов, книгам которых он сулит большое будущее. "В конце концов, - пишет Святополк-Мирский, ядро "Современных записок" не дало в романе ничего равного напечатанному со стороны, "Преступлению Николая Летаева"; в поэзии вещам М.Цветаевой, напечатанным не в них; в философии "Гефсиманской ночи" ... Л.Шестова" (№ 1. - С. 209).

В этом же ключе выдержан и "Опыт обзора" новейшей литературы Александра Туринцева. Автор сочувственно цитирует мысль вернувшегося на родину А.Толстого о необходимости

"монументального реализма" в литературе, о создании "большого человека" - творца в противовес "маленькому". Высмеивая слова Д.Мережковского: "Пока существуют большевики - нет России", А.Туринцев строит весь обзор на произведениях советской литературы. В поле его зрения "Голый год" и "Мать сыра земля" Б.Пильняка, где, как подчеркивает критик, убедительно показано, что "большевизм исконно русская стихия" (№ 1. - С. 216), но нет пока "живых типов" (там же); "Уездное", "Островитяне" и "Пещера" Е.Замятина, в "безукоризненной форме" "воплотившие время великого распада, крушений и канунов" (№ 1. - С. 216-217). Критик чрезвычайно высоко оценивает "Воздушные пути" и "Детство Люверс" Б.Пастернака за переданное в них "движение, трепет мира подсознательного" (с. 221), "Курымушку" М.Пришвина, не только показывающего "внутренний рост человека", но и "приближающего русский язык в сторону к народному" (с. 222). Идея такого сближения была столь важна редакции "Верст", что она не ограничилась помещением в первом номере среди авторских произведений рязанских частушек, но опубликовала во втором большую статью кн. Н.С.Трубецкого "О метрике частушки", где народный примитив вводится в общий ряд с "эпиграммами, мадригалами и альбомными стихотворениями "искусственной поэзии" (№ 2. - С. 223), и тем самым доказываются возможности народных художественных форм передавать "сильные душевные переживания" (там же).

В обзоре А.Туринцева "уже величиной" назван Л.Леонов. Правда, критика не устраивает, что "маленькие люди" удаются писателю больше, чем "новые". Тем не менее в "Петушкинском проломе" и "Барсуках" он ценит сюжет, в котором "мелкий человек экзамен держит на большого" (Л.Леонов), а его потомок "мелким" уже не будет (с. 218). В жестоких рассказах И.Бабеля автор обзора привлекает интерес к азиатчине (крови, смерти - "убоине") и азиатская энергия: "У этих убоины столько жизненной энергии, что понимаешь - направь ее иначе - и сдвинут горы" (с. 220).

В дальнейшем критики журнала, подчеркивая свою заслугу в том, что "советская беллетристика вошла в читательский обиход

эмиграции", придут к выводу, что "в Москве, а не в Париже пролегалает главное русло русской литературы" (№ 3. - С. 5). Однако требование социальной определенности писательской позиции, впервые прозвучавшее у Святополка-Мирского и Туринцева и достигшее своей вершины в статье С.Я.Эфрона "Социальная база русской литературы" (№ 3. - С. 135-139), не вело к отрицанию художественной индивидуальности и переоценке классового характера литературного творчества. В обзоре А.Туринцева утверждалось, что "творчество пролетарских писателей в корне дефективно" (№ 1. - С. 228), т.к. они увлекаются общей идеологией в ущерб художественной неповторимости. Для пролетарского писателя, утверждал критик, "глубина и трагичность эпохи крушения старого и рождения нового просто недоступна" (с. 223).

Такая позиция, с одной стороны, сближала "Версты" с "Красной новью" и "Перевалом", с другой - позволяла проявлять в основном хороший вкус в оценке литературных явлений. В частности, журнал, высоко оценивая творчество А.Белого и Б.Пастернака, критически отнесся к роману Белого "Москва" и поэме Пастернака "Спекторский" (№ 1. - С. 230-231). Неизменно высокую оценку получали в критических и библиографических обзорах книги А.Ремизова и М.Пришвина, стихи С.Есенина и Н.Клюева, проза А.Веселого, К.Федина, О.Форш.

"Сменовеховская" и "евразийская" установки еще более ярко проявлялись в публицистике. В первой книжке журнала эти позиции декларировал П.П.Сувчинский в статье "Два Ренессанса (90-е - 900-е и 920-е годы)", обвиняя русскую интеллигенцию в уходе либо в "романтический идеализм", либо в далекий России европейский парламентаризм. В итоге автор приходил к выводу об интеллигентском "небрежении к реально-практической стихии жизни" (№ 1. - С. 142) как причине революции. Большевики, по мнению Сувчинского, победили в России именно потому, что превратили "материалистический монизм Ленина в стихийный практицизм масс" (с. 141). В народности советской действительности 20-х автор статьи видит основу для сближений с новой Россией: "В

каких-то новых большевистских людях тяга к социальному делу и жизненной подвижности проснулась с необычной силой, и конечно только на этих началах и будет основываться - и уже основы дается - новый русский ренессанс 920-х годов" (с. 142).

Сувчинскому вторит Е. Богданов (псевдоним Г.П. Федотова), доказывающий в статье "Три столицы", что "почти вся зарубежная Россия - лишь оторванные члены России петербургской" (№ 1. - С. 147), чуждой подлинной русской культуре. В России же победила стихия, Москва - новая Азия, хотя "азиатский соблазн Москвы" (с. 158) и таит в себе некую опасность, крайность. "Истинный путь дан в Киеве" (с. 162), где синтезировались оба начала: византийское и западное. Решение "будет соединять в себе элементы древнерусской и новой, петровской, культуры в разных сочетаниях и разных стилях" (с. 184).

Воинствующая позиция ведущих авторов журнала (в первую очередь Д. Святополк-Мирского и П. Сувчинского) вызвала активное неприятие среди большей части русской эмиграции. В 29 номере (1926) "Современных записок" появилась едкая статья В. Ходасевича "О "Верстах". Автор показывает, что Россия 20-х не несет в себе ни романтизма революции, увлекшего А. Блока и С. Есенина, ни подлинной демократии, о какой мечтала русская интеллигенция. Используя словосочетание "новые люди" из статьи Сувчинского и терминологии советской печати, В. Ходасевич пишет: "Мы знаем, кто эти "какие-то новые большевистские люди": смесь че-ка и охраны, черно-красная сотня" (с. 435). Смысл призывов евразийцев, совпадающих, по его мнению, с целями большевиков, автор статьи видит в лозунге: "Прочь от проклятой Европы, от ненавистой России Петра и Пушкина, от ненавистой интеллигенции, - в азиатчину и реакцию" (с. 436).

Субъективному разделению сотрудников "Современных записок" в рецензии Д. Святополк-Мирского на "ядро" и "периферию" В. Ходасевич противопоставил точный подсчет публикаций писателей каждой группы в "Записках" и показал, что хвалимые редактором "Верст" авторы не "гастролеры", а постоянные сотрудники

"Современных записок". Тем самым рушился тезис о консерватизме "Современных записок" и новаторстве "Верст" и их авторов. Мастерски сталкивая более ранние оценки Святополк-Мирского с нынешними, В.Ходасевич убедительно доказал, что критиком "Верст" руководит не художественное чутье, а корпоративное начало, установка любой ценой опорочить так и не принявших советскую Россию авторов. Это выглядело тем более убедительно, что редактор-критик "Верст" позволил себе ряд оскорбительных выпадов в адрес лучших и самых уважаемых писателей зарубежья. В трудах Д.Мережковского Святополк-Мирский увидел "истерический хаос", в книгах Бунина - "принципиальную (и природную) уездность", прозу Зайцева назвал "пухлой", как "воздушный пирог", самого Ходасевича упрекнул в "чрезмерной ссохнутости и морщинистости", назвав его "маленьким Баратынским из Подполья, любимым поэтом всех тех, кто не любит поэзии" (№ 1. - С. 208). З.Гиппиус фамильярно названа Зинаидой.

Вместе с тем, нельзя не отметить и допущенных В.Ходасевичем крайностей. Если Д.Святополк-Мирский стремился в духе советской пропаганды опорочить эмигрантскую литературу, то Ходасевич делал то же самое в отношении хвалимых в "Верстах" авторов. "Что касается перепечатанных произведений, - писал Ходасевич о публикациях первого номера "Верст", - они и не новы и плохи" (с. 436). Стоит напомнить, что речь идет о поздних стихах Есенина, прозе И.Бабея и А.Веселого, об одном из самых лучших и трагичных стихотворений И.Сельвинского "Казнь Стецюры".

Полемическим перехлестом было и обвинение редакции "Верст" в одиозном подборе откликов советских писателей на Постановление ЦК РКП(б) 1925 года "О политике партии в области художественной литературы". "Версты" дали достаточно широкую панораму мнений об этом постановлении: от приветственных до скептических и остро критических. Не были публицисты "Верст" и певцами НЭПа, как то утверждал рецензент "Современных записок". Не было в статье П.Сувчинского призыва к еврейским юграмм.

Напрасно был обвинен в принадлежности к компартии автор работ о Стравинском Артур Лурье.

В следующем 30 номере "Современных записок" появились письма в редакцию, где оскорбленные сотрудники "Верст" опровергали обвинения В.Ходасевича. В свою очередь редакция "Записок" снабдила публикуемые письма примечанием о том, что она "не может не видеть в отдельных высказываниях, имевших место в № 1 "Верст", проявления того упадочно-примиренческого отношения к большевикам, идейную борьбу с которыми наш журнал считает и своим литературным правом, и своим общественным долгом" (с. 600).

Характерно, что в полемике двух изданий совершенно не были затронуты философские материалы "Верст", если не считать ехидного замечания В.Ходасевича, что лучший материал первого номера журнала - статья Л.Шестова "Неистовые речи. (По поводу экстазов Плотина)" напечатан по просьбе философа вопреки новой орфографии "Верст" и, следовательно, Шестов вовсе не единомышленник "ефразийцев" и "сменовеховцев".

Во втором номере появилась статья Л.П.Карсавина "Без догмата" (с. 129-144), посвященная пониманию общих проблем историзма в художественной литературе, а в третьем - "Русская религиозная мысль и революция" Н.Бердяева (с. 40-62) и "Россия и евреи" Л.Карсавина (с. 65-86). Возможно, что появление статьи, как и ответ А.З.Штейнберга Карсавину, отчасти были спровоцированы обвинениями В.Ходасевича: редакция решила продемонстрировать свои взгляды на антисемитизм и еврейский вопрос в России. Значительный интерес представляет и публикация в том же последнем номере журнала исследования А.Штейнберга "Достоевский и еврейство" (с. 94-108). Как большевистское издание характеризовал первые два номера "Верст" П.Б.Струве (Русская мысль. - 1927. - № 1).

Верный своему принципу обращать внимание читателей на все новое в русской жизни, журнал в третьем номере откликнулся

большой рецензией В.Сеземана на книги А.Лосева ("Философия имени") и А.Вейдемана ("Мышление и бытие") (с. 163-172).

Все три выпуска имели обширные приложения. В первом полностью дано "Житие протопопа Аввакума"; во втором - "Апокалипсис нашего времени" В.В.Розанова с предисловием П.Сувчинского; в третьем - статья о Н.Ф.Федорове и его письма к В.А.Кожевникову.

В.В.Агеносов

"ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ" (Париж, 1925. № 1. - 1 дек. - 1939. № 2) - религиозно-философский, политический и литературный журнал, орган Русского студенческого христианского движения (далее: РСХД). РСХД возникло как организация православной молодежи в 1923 на учредительном съезде в г. Пшерове, Чехословакия. На съезде встретились делегаты от русских эмигрантских студенческих кружков из разных стран Европы. Движение идейно возглавили известные философы и богословы, высланные или бежавшие из большевистской России (Н.А.Бердяев, протоиерей Сергей Булгаков, А.В.Карташев, В.В.Зеньковский и др.). Они провозгласили целью РСХД объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви, которое мыслилось неотделимым от развития духовной культуры вообще. Конкретной задачей Движения на первом этапе стало организационное объединение русского студенчества в зарубежье, рассеянного в разных европейских столицах (Белград, Париж, София, Берлин, Прага) и др. городах Европы. С этой целью, как координирующий орган и был основан "Вестник".

Название журнала несколько раз менялось. № 1 вышел в Париже 1 декабря 1925 под названием "Вестник русского студенческого движения в Западной Европе". Это был тоненький

журнал (по существу, информационный бюллетень), 14 страниц, отпечатанных на гектографе тиражом всего 75 экземпляров. На журнал, однако, с самого начала принималась подписка, и он выходил с регулярной периодичностью - ежемесячно. В течение года тираж Вестника возрос до 1500 экз., а накануне второй мировой войны достиг 5000 экз. В 1925-1929 "Вестник" выходил под редакцией Николая Зёрнова. Литературные произведения и статьи о литературе в журнале первоначально отсутствовали. В 1925-1926 журнал печатался на ротаторе (№ 1-9, тираж 75 экз.). Сохранившиеся номера (полный комплект) были переданы вдовой редактора М.В. Зёрновой во Всероссийскую государственную библиотеку иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Сегодня они являются библиографической редкостью. С момента возникновения "Вестник" мыслился как популярный журнал, призванный активизировать и усилить РСХД. Во вступительной статье № 1 от имени редакции сказано: "До сих пор на местах не знали и почти не сознавали необходимости существования центрального органа, объединяющего все наши разрозненные силы. Кружки должны почувствовать, что у нас есть общий центр, объединяющий их усилия. На прошлом собрании Президиума Бюро было решено начать издание периодического вестника нашего движения. Участвовать в его составлении должны не только Бюро и отдельные братства и кружки, но и все члены нашего движения" (с. 1-2).

В № 2, вышедшем 1 января 1926 помещена заметка "Итоги парижской анкеты" (с. 7-8) Н.А. Бердяева, который являлся одним из ведущих идеологов РСХД. Программные задачи Движения, сформулированные им, не утратили своей актуальности и сегодня: "Главный недостаток движения, - пишет Бердяев, я вижу в крайне суженном понимании Православия многими его участниками, в боязливом и подозрительном отношении ко всякому духовному творчеству, в недостатке интереса к более сложной умственной и духовной культуре. Нашей эпохе грозит варваризация... Более всего желать нужно Христианскому Движению Русской Молодежи творческого отношения к жизни и любви к духовной свободе,

которую оно должно соединить с верностью истине Церкви. Церкви вновь предстоит сделаться, как в древние времена, центром духовной культуры и жизненного творчества, в то время как в "мире" угашается дух, истребляется истинная свобода и иссякает творчество" (с. 8).

Журнал стремительно эволюционировал. Начиная с № 2, 1926, в нем появились небольшие статьи программного характера, посвященные положению Православия в Западной Европе, текущим задачам Движения, поискам взаимопонимания с христианами Запада. Эти статьи вышли из-под пера самого Н.М.Зёрнова, тогдашнего редактора журнала ("Православие и Запад". - № 2. - С. 9-11), а также Л.А.Зандера ("О задачах движения". - № 3. - С. 4-5) и протоиерея Сергия Четверикова. Л.А.Зандер, вслед за Бердяевым, определяет задачи РСХД следующим образом: "Главной задачей Движения является, на мой взгляд, не столько стремление *убедить* молодежь *верить*, ибо ее лучше нас убедила в этом история, сколько дать ей обильные положительные исторически-догматические сведения о нашей христианской вере... Основная задача Движения - создание верующей интеллигенции, являющейся мозгом страны. Движение должно дать будущей России не только священнослужителей, но и верующих специалистов по всем отраслям знания. Движение должно принимать организованное участие в церковно-приходской жизни. Каждый кружок православно-церковного направления должен приписать себя к определенному приходу и сделаться в нем живой силой" (с. 5). Начиная с № 4 (статья "Смысл и оправдание христианских студенческих кружков"), деятельное участие в журнале стал принимать протоиерей Сергий Булгаков... С № 5/6 в два и более раза вырос объем журнала, состав авторов значительно расширился: в него вошли епископ Вениамин, Н.А.Клепинин, П.Ф.Андерсон, Л.Н.Липеровский, Ю.П.Степанов, И.В.Виноградов, митрополит Антоний, епископ Царицынский Дамиан. Первой публикацией литературного памятника в Вестнике следует считать знаменитое "Пасхальное слово" святителя Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского (№ 6). В № 7

появляется новая рубрика - "Почтовый ящик", где печатаются отклики читателей. Из номера в номер редакция старается поддерживать двустороннюю связь со своими читателями, что благотворно сказывается на дальнейшем становлении журнала. Круг авторов постоянно расширяется: гр. Ю.Грабе, К.Керн, П.Лопухин, Г.Морозов (будущий гл. редактор), И.Янсон, В.Крылатов, кн. Г.Трубецкой и др. Рубрикация меняется, становится более разнообразной. В № 9 "Вестника" включены публикации: "Чем должно снабждать душу. Из поучений преподобного Серафима Саровского"; "Юношеству. Из слова митрополита Московского [святителя] Филарета". Появляются также полемические заметки и статьи, вскрывающие пагубность безбожия в тогдашней большевистской России. Всего в 1925-1926 вышло 9 номеров журнала. Начиная с № 10 (1 октября 1926), "Вестник" издается типографским способом. Текст печатается в две колонки, четким разборчивым шрифтом, объем журнала - 31 с., тираж возрастает до 300, а затем увеличивается до 1350 экземпляров. В № 10 напечатаны проповедническое слово протоиерея Сергея Булгакова "Светлый Покров над миром", слово преподобного Аввы Дорофея "О неосуждении ближнего" и статью епископа Вениамина "Как изучать святых отцов". Для историков Церкви определенный интерес представляет статья И.Лаговского "Антирелигиозная пропаганда в системе просвещения СССР". В 1926 вышли также № 10, 11, 12. Едва ли не первым "громким" литературным именем на страницах "Вестника" было имя Сергея Есенина, трагическая кончина которого всколыхнула почитателей его таланта в России и получила отклик в среде русской эмиграции. В № 7 за 1927 появилась публикация неизвестного автора "Есенинщина", с подзаголовком "Письмо студента из Петрограда". В редакционном предисловии отмечалось: "Печатаемый нами жуткий документ - безнадежно отчаянный стон угасающей души" (с. 16). Автор письма характеризует настроения советской молодежи (которая нравственно деградирует, предается половой распущенности, пьянству и хулиганству) как типично "упадочнические", - под влиянием поэтического кумира - Сергея

Есенина: Русский юноша-упадочник потерял душу свою, убил в сердце своем Христа и потому такая жуткая могильная тоска одолевает его и бросает на путь самоубийства... Тончайший русский поэт, обоготворенный Сережа - знамя духовной смерти русского сегодня" (с. 17). "Ежедневно, ежечасно, ежеминутно нам долбят в головы учение материализма. И мы - материалисты... задышающиеся в удушье зловонного учения... Церковь гонимая, Церковь распятая не в силах поднять свой голос" (с. 19).

В том же 1927 (№ 12) на страницах "Вестника" появился первый литературоведческий обзор - статья Н.Зёрнова "Новые герои советской литературы", в которой выражена глубокая обеспокоенность и тревога, в связи с проникновением идеологии безбожия в профессиональную литературу в России. В 1927 впервые вышел полный ежегодный комплект "Вестника" - все 12 номеров.

В 1928-1929 журнал выходил под видоизмененным заглавием: "Вестник. Орган Русского студенческого христианского движения". Но содержание его каких-либо существенных изменений не претерпело. В 1928 было издано 12 номеров "Вестника", в 1929 - 10 номеров (два номера оказались сдвоенными: № 1/2 и № 8/9). С 1930, после переезда Н.М.Зёрнова в Англию, "Вестник" стал выходить под редакцией И.Лаговского и Г.Федотова. Видное место в журнале заняли работы духовника РСХД (1928-1939) протоиерея Сергия Четверикова (ум. 1947): "О месте Ветхого Завета в христианстве" (1930. - № 5), "Экуменизм и единство Церкви" (1930. - № 7), "Последнее целование" (надгробное слово у гроба священника Александра Ельчанинова. - 1934. - № 10), "Религиозно-христианское мирозерцание, как основание человеческой жизни и культуры" (1935. - № 1-2); "Об индивидуальном и социальном христианстве" (1937. - № 1-2).

В этот же период в журнале появляются публикации, предвещающие книжные издания, например, фрагменты из "Записей" священника Александра Ельчанинова (1935. - № 6-7), в том же году вышедших отдельной книгой. Наряду с религиозно-философскими и богословскими статьями русских мыслителей, представляющих

общекультурный интерес (Н.А.Бердяев. "Кризис христианства и кризис культуры". - 1931. - № 8-9; "Христианство и еврейский вопрос". - 1931. - № 3; "Вечность и время". - 1935. - № 3; протоиерей Сергей Булгаков. "Догматическое обоснование культуры" . - 1930. - № 7; "Православие и культура". - 1931. - № 10; "Православие и социализм". - 1930. - № 1; "Храм и град". - 1931. - № 5; "Эсхатология и прогресс". - 1935. - № 3; Г.П.Федотов. "О христианском гуманизме". - 1932. - № 5-7; "Национализм". - 1933. - № 5-6 и др.), в "Вестнике" появляются статьи, посвященные творчеству В.А.Жуковского, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, И.А.Бунина. Большинство из этих статей с тех пор не переиздавались, они остались неизвестными современному читателю, и сегодня заслуживают особо пристального прочтения, например, статья символиста Эллиса (Л.Л.Кобылинского). "Смерть Жуковского" (1933. - № 9-10).

К 25-летию со дня смерти Льва Толстого протоиерей Василий Зеньковский поместил в "Вестнике" статью "Л.Н.Толстой, как религиозный тип", в которой содержится оценка творчества писателя с позиций Русской Православной Церкви: "Исключительные дары, присущие Толстому, сказались положительно лишь в его художественном творчестве, - то есть там, где он доверял чутью и не следовал за своим умом. А во всех иных областях, оставив неизгладимый след в русской культуре, он умел лишь разрушать, а не созидать, обличать, а не вести вперед" (1936. - № 1-2. - С. 10). Такие оценки, с явно выраженной конфессиональной окраской, выдержанные в духе "православного литературоведения", характерны для "Вестника", который несколько десятилетий являлся (и продолжает оставаться) не только трибуной для полемики, но и кафедрой, с которой принято наставлять. Другими аналогичными примерами могут служить статьи проф. В.Н.Ильина (1891-1974), выступавшего на съездах РСХД. В № 1 "Вестника" за 1932 он поместил статью, посвященную М.Ю.Лермонтову - "Печаль души молодой" (с. 9-13). Положив в основу своего сравнительного анализа "символику" личных судеб Пушкина и Лермонтова" (с. 9), В.Н.Ильин

дал свои сравнительные характеристики великим русским поэтам: "Райский поэт - Пушкин. Ангельский поэт - Лермонтов" (с. 9). "Пушкин, прежде всего, и после всего - артист. Лермонтов - мыслитель и трагический духовидец" (с. 10). "Мучительная тяжесть непросветленной плоти Лермонтова была безобразным негативом ангельского духа" (с. 12) - и т.п.

В связи с присуждением в 1933 Нобелевской премии по литературе Ивану Бунину, В.Н.Ильин выступил на страницах "Вестника" со статьей. "Плоть в творчестве Бунина, - писал он, - раскалена до такой степени, что ее духоносность становится очевидной. И быть может все творчество Бунина является не в меньшей степени противоматериалистичным, чем творчество Достоевского. Однако все же они стоят на противоположных полюсах... Достоевский насквозь диалектичен. Он как бы синтез Платона и Гегеля в категориях христианской трагедии (его романы несомненные трагедии)... Трудно себе представить писателя менее диалектического, чем Бунин. Он очень родственен бестрагичному Л.Толстому" ("К особенностям творчества И.А.Бунина". - 1934. - № 1. - С. 25). И здесь очевиден конфессиональный подход. В.Н.Ильин выступил в "Вестнике" с серией "Этюдов о русской культуре": "Блок и Россия" (1931. - № 1); "Достоевский и Гоголь" (1931. - № 3); "Лесков" (1931. - № 4); "Чайковский, Тургенев, Л.Толстой" (№ 5-6); "Н.Ф.Федоров и преподобный Серафим Саровский" (1931. - № 7, 8, 9, 11). В "счетверенном" номере журнала (№ 8-11) за 1935 представлено "Содержание "Вестника" за 10 лет". Последний, 12-й (декабрьский) номер за 1935 вышел в одной книжке вместе со двоянным номером журнала (№ 1/2, январь-февраль) за 1936. Этот специальный, юбилейный номер "Вестника" приурочен к 10-летию его издания, с подзаголовком на обложке: 1925-1935. В 1936 увидело свет два номера журнала: № 1/2 и № II. В 1937-39 журнал под названием "Вестник. Орган церковно-общественной жизни" стал выходить под редакцией протоиерея Василия Зеньковского (председатель РСХД в 1923-1926), объемом по 50-60 стр. в каждом номере. Наряду с традиционной

философской и богословской проблематикой, на страницах "Вестника" в эти годы все больше внимания уделяется творчеству русских писателей, вдумчивому и глубокому анализу литературного наследия. К 100-летию со дня кончины первого русского национального поэта о. В.Зеньковский помещает свою статью "Памяти А.С.Пушкина" (1937. - № 1-2), в которой содержатся ценные суждения: "Независимо от наших расхождений в идеологической и духовной сфере, мы все ныне объединяемся вокруг имени Пушкина... Всеобщая, неподдельная любовь к Пушкину сама по себе есть какой-то удивительный факт в истории русского духа, есть творческая сила нашей культуры... Пушкин не был ни безбожником, как его хочет представить ныне советская печать, ни цельной религиозной натурой, как не раз его характеризовали... Будучи сыном своего века, живя всеми его внешними и внутренними запросами и интересами, он глубоко носил в себе "русскую идею"... Правдивость Пушкина была главной силой в этом процессе его духовного восхождения..." (с. 18-21).

В 1937 и 1938 было издано по пять номеров журнала; в 1937: № 1-2, 3-4, 5-6, 7-8, 9-12; в 1938 - № 1, 2, 3, 4, 5. Хотя в "Вестнике" не было в тот период постоянного литературно-художественного раздела, в рубрике "Библиография" находили отражение литературные темы, в виде кратких редакционных рецензий, как правило, без подписи.

В рецензии на книгу архимандрита Иоанна (Д.Шаховского, будущего митрополита Сан-Францисского) "Размышления о религиозности Пушкина" (Берлин, 1938) неизвестный автор считает положения этой книги недостаточно аргументированными: "Как можно с решительностью утверждать, что "Пушкин даже тайно, как Никодим, не приходил ко Христу"? Эти жестокие суждения... в устах церковного писателя они более чем неосторожны. Быть может на архимандрита Иоанна оказала свое влияние слабая книга С.Штейна "Пушкин мистик", - кстати он очень сочувственно цитирует неудачные суждения Штейна" (№ 2. - с. 31). В № 3 за 1938 привлекает внимание анонимная рецензия на книгу В.В.Вейдле "Умирание

искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества" (Париж, 1937). Концептуальная статья В.Н.Ильина "Аскеза и творчество" (1938. - № 5) носит обобщающий характер и перекликается с известным сочинением Н.А.Бердяева "Смысл творчества или опыт оправдания человека" (М., 1916). Касаясь повести Н.В.Гоголя "Портрет", Ильин высказывается в поддержку православно-аскетического образа жизни, особенно необходимого, по его мнению, именно для художника: "Все должно быть сожжено на алтаре совершенства, в том числе и счастье личной жизни, - и лишь в ответ на жертву приходит дух совершенства и красоты" (с. 8). Другая статья В.Н.Ильина - "Демонология и юмор Достоевского" (1939. - № 2) представляет извлечение из его книги о Ф.М.Достоевском, которую философ тогда писал. Он сетует, что, несмотря на огромное количество литературы о Достоевском, исследователей его философии очень мало, можно назвать лишь имена Д.Мережковского, А.З.Штейнберга и Л.Шестова. Работы такого знатока Достоевского, как А.Л.Бем, "касаются не столько существа самих идей Достоевского, сколько их филиации, то есть происхождения и развития" (с. 9). Отвечая на вопрос: философ или богослов Достоевский? - В.Н.Ильин пишет: "Проблема эта снимается сама собой, если мы вспомним, что философия и богословие, по мере углубления от периферии к центру бытия, - все более и более сходятся, совпадают и на достаточной глубине философ всегда богословствует, а богослов философствует" (с. 10). В.Н.Ильин сравнивает Достоевского ("русского Данте") с Данте ("итальянским Достоевским"): "Опасность адской бездны - есть *privilegium odiosum* <тягостное преимущество> свободной твари, как великолепно выразился о. Сергей Булгаков. Полнота свободного тварного бытия неминуемо связана с риском ада... В падшем мире, в известном разрезе, проблема ада и проблема свободы совпадают... Этим и объясняется, почему Данте и Достоевский поставили в центре своего внимания ад" (с. 11). Обращаясь к роману Достоевского "Бесы", исследователь доказывает, что демонология Достоевского является не только видением падших духов в теологическом аспекте

православия, но и специфическим отражением многострадальной России, русской трагедии (с. 12). Он проводит литературно-архитектурную параллель инфернальных образов в творчестве Достоевского с гоголевским "Вием" и гротеском химер Notre Dame de Paris: "Вий" Гоголя заканчивается вхождением священника в церковь, где в окнах и дверях застряли безобразные гномы, участники страшного и таинственного ночного происшествия... Основные романы Достоевского ("Бесы", "Идиот", "Братья Карамазовы" и др.) - это тоже христианские храмы с застрявшими по углам, дверям и окнам бесовскими химерами. Здесь надо искать и связи грандиозной демонологии Достоевского с его оригинальным и проникающим все творчество юмором. Лишь свобода могла дать ход такому изумительному и гениальному узрению смешного" (с. 13). В 1939 вышло всего два номера "Вестника".

В годы второй мировой войны издание "Вестника" было прервано. Возобновлено в 1945 (первоначально под названием "Вестник церковной жизни").

В.А.Никитин

"ВЕЩЬ" (Берлин; 1922. - № 1-2, -март-апр. - № 3. - май) - ежемесячный журнал, международное обозрение современного искусства под редакцией Эль Лисицкого и Ильи Эренбурга (издательство "Скифы"), возник благодаря усилиям его редакторов художника Л.М.Лисицкого и писателя И.Г.Эренбурга, объединенных общим увлечением эстетикой конструктивизма. Первоначальная программа журнала была провозглашена И.Эренбургом в докладе "Оправдание вещи" (5 декабря 1921 в берлинском Доме искусств), по существу же она сформулирована еще в его книге "А все-таки она вертится", написанной осенью 1921 в Бельгии и напечатанной берлинским издательством "Геликон" в январе 1922. Конструктивистская позиция Эренбурга сформировалась в Москве в

1920-21 под влиянием работ Татлина, Малевича, Родченко, Мейерхольда, Маяковского и личного общения с ними, а также при сопоставлении достижений левого искусства России с новыми работами западных авангардистов (Корбюзье, Леже, Пикассо, Сандрара и др.), которые Эренбург увидел, приехав в Париж в 1921. Общность художественных устремлений мастеров Запада и России стала главным стимулом к изданию "Вещи". Книга "А все-таки она вертится", художественный и литературный облик которой предопределило оформление и стиль журнала "Вещь", вызвала острые отклики прессы: как отрицательные (И.Пуни в "Новой русской книге". - 1922. - № 2), так и восторженные (С.Третьякова в "Дальневосточном телеграфе". Чита. - 1922. - 16 июля). Эстетическая концепция журнала независимо разрабатывалась Э.Лисицким в Москве, но технически реализовать ее оказалось возможным лишь в Берлине. 3 марта 1922 Лисицкий писал Родченко: "Мы наконец осуществили здесь идею, давно уже родившуюся у нас в России - издание международного журнала современного искусства. Вокруг него объединены все, создающие новые ценности или этому помогающие. Мы просим Вас присылать все, что у Вас есть" (Родченко А.М. Статьи. Воспоминания. Письма. - М., 1982. - С. 115).

Лисицкий осуществлял художественное оформление и макетирование журнала и вместе с Эренбургом определял его художественную направленность. Эренбург был автором программных и полемических редакционных статей журнала, определял его литературную политику. Главной задачей журнала было объединение всех сил мирового авангарда и включение в его фронт мастеров послереволюционной России. Журнал должен был служить своего рода мостом между Россией и Западом, в основу такого объединения были положены не политические, а эстетические (конструктивистские) установки - отсюда участие в журнале Евреинова и Таирова, Маяковского и Цветаевой, П.П.Сувчинского и Н.Н.Пунина, и в то же время отказ печатать мирискуснические опусы Э.Голлербаха.

В программном манифесте "Вещи" (автор Эренбург) "Блокада России кончается" говорилось: "Появление "Вещи" - один из признаков начинающегося обмена опытами, достижениями, вещами между молодыми мастерами России и Запада. Семь лет отъединенного бытия показали, что общность заданий и путей искусства различных стран не случайность, не догма, не мода, но неизбежное свойство возмужалости человечества. Искусство ныне **ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНО**, при всей локальности частных симптомов и черт. Между Россией, пережившей величайшую Революцию, и Западом, с его томительным послевоенным понеделньником, минувшая разность психологии, быта и экономики, строители нового мастерства кладут верный скреп... Мы присутствуем при начале великой **СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ЭПОХИ**. Конечно, реакция и мещанское упорство сильны повсюду и в Европе и в сдвинутой с устоев России. Но все усилия староверов могут лишь замедлить процесс строительства новых форм бытия и мастерства. Дни разрушений, осады и подкопов - позади". В эстетической части этого манифеста главным был тезис: "Вещь" не отрицает прошлого в прошлом. Она зовет делать современное в современности".

Журнал содержал разделы: Искусство и общественность; литература; живопись; скульптура и архитектура; театр и цирк; кинематограф; музыка. Материалы печатались на русском, французском, немецком языках - независимо от их национального происхождения (так, стихи Маяковского печатались и по-русски и в цветаевском переводе на французский, по-французски печатался Таиров). Журнал анонсировался еще в январе ("Новая русская книга" - 1922. - № 1): "Начиная с февраля в Берлине предполагается выход ежемесячного международного обозрения современного искусства "Вещь"... Издание это будет преследовать двоякую цель: осведомить русских художников и писателей о последних достижениях европейских мастеров и давать информационный материал для Запада о состоянии русских искусств. В журнале предполагается участие писателей: Маяковского, Есенина, Вильдарака, Сандра, Элштейна, Соффичи и др., художников:

Татлина, Малевича, Родченко, Глеза, Леже, Риверы, Северини, Гаусмана, Ван-Десбурга и др., театральных постановщиков: Мейерхольда, Таирова, кинокомедианта Чарли Чаплина и др". Однако первый номер (сдвоенный) журнала вышел лишь 2 апреля 1922. Следующий - третий - появился 1 июня 1922.

В журнале были опубликованы стихи Маяковского, Хлебникова, Есенина, Пастернака, Асеева, Кусикова, Б.Сандрара, А.Сальмона, Ш.Вильдрака. Литературные статьи В.Шкловского, И.Эренбурга (под псевдонимом Ж.Сало), В.Хлебникова, Н.Бодуэна. Журнал провел международную анкету о состоянии современного искусства и напечатал ответы на нее Ф.Леже, И.Северини, Ж.Липшица, А.П.Архипенко. Была напечатана статья Лисицкого (подписанная Эл) "Выставки в Берлине". В театральном разделе - статьи Таирова, в музыкальном - исследования о С.С.Прокофьеве. В ряду иллюстраций журнал поместил фотографии новых произведений Липшица, Архипенко, Пикассо, Леже. "Вещь" сотрудничала с парижским журналом "Эспри нуво" Ле Корбюзье, публикуя русские переводы некоторых статей из него.

По замыслу редакции четвертый номер "Вещи" должен был быть посвящен искусству и литературе советской России (для него были готовы работы Мейерхольда, Татлина, Малевича, Родченко, Пунина, стихи Мандельштама, Эренбурга, Цветасвой). Пятый номер предполагалось посвятить Соединенным Штатам Америки.

Журнал "Вещь" вызвал многочисленные отклики прессы (как эмигрантской, так и советской). 28 апреля 1922 в берлинском Доме искусств состоялся диспут, посвященный журналу, в котором участвовали А.Белый, Н.Минский, В.Парнах, Лисицкий и Эренбург (см. "Накануне". - 1922. - 30 апр.). Тогда же Эренбург писал в Париж: "В здешней русской прессе из-за "Вещи" целый скандал. № 1-2 мы сделали академическим. 15 мая выходит 3-й. Там уже много боевого. На все фронты" (Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург. Хроника. - СПб., 1993. - С. 250).

Художественное, полиграфическое своеобразие журнала отмечали многие. Газета "Голос России" (Берлин. - 1922. - 30 апр.)

подчеркивала значение "стыка" художеств России и Запада, организуемого журналом; пражская "Воля России", отметив "нарочито диковинную обложку" и недостаточную разясленность существа конструктивизма в журнале, настаивала на том, что "В "Вещи" много претензии, головных усилий, ненужной запутанности вплоть до типографских вывертов" (1922. - 27 мая).

В России, где № 1-2 разрешили к распространению, о журнале писали, что он "зовет к совместной работе вот уже 8 лет разобщенных искусств Востока и Запада" (киевская "Пролетарская правда". - 1922. - 9 июля). Ортодоксальные теоретики не приняли "Вещь". Б.Арватов утверждал: "Вместо того, чтобы строить новую эстетику, - эстетику вечно изменяющейся, совершенствующейся, технически и социально целесообразной реальности, она провозглашает новый штамп все того же эстетизма, но с другим фетишем: современной техникой" (Печать и революция. - 1922. - № 7). "Вещь" способна ошеломить читавшего Бокля Епиходова", - иронизировала петроградская "Жизнь искусства" (1922. - 11 июля).'

Третий номер "Вещи" был запрещен к распространению в России. 3 июня 1922 Эрэнбург писал Маяковскому: "Мы не получаем из России материалов. № 4 должен быть специально посвящен России... № 1-2 "Вещи" взяла <Международная> "Книга" (1500 экз.) для Москвы. Но он почему-то не поступил там в продажу. № 3 они вообще не хотят брать" (Фрезинский Б. Эрэнбург. "Вещь". Маяковский // Вопросы литературы. - 1992. - Вып. III. - С. 308). Неангажированный журнал, политически наивно пытавшийся в обход московской власти объединять художников и писателей России и Запада, разумеется, не имел шансов распространяться в России, а без этого его создатели считали выпуск журнала бессмысленным.

Б.Я.Фрезинский

"ВОЗРОЖДЕНИЕ" (Париж, 1925. - 3 июня. - № 1 - 1940. - 7 июня. - № 4239) - ежедневная газета, с 1936 преобразована в

еженедельную. Издание возобновилось в 1949 в виде журнала с одноименным названием. Создателями газеты были крупный нефтепромышленник А.О.Гукасов (издатель) и философ, экономист и литератор П.Б.Струве (главный редактор с 1925 по 1927). Издание было задумано как умеренно-консервативный, монархический орган, объединяющий на основе идей Белого движения все силы русского зарубежья и противостоящий, как утверждали создатели газеты, беспринципности либерально-демократического крыла эмиграции. Само название газеты служило символом мировоззрения русских вне родины, в центр внимания ставилась не просто реставрация, а именно возрождение России. В передовой статье первого номера газеты П.Б.Струве определил политические ориентиры издания: "Освободить и освободиться, дабы возродить и возродиться", на основах либерализма, понимаемого как "вечная правда человеческой свободы", положенная в основание реформ Екатерины Великой, Александра I и Александра II, и консерватизма, понимаемого как "великая жизненная правда охранительных государственных начал" и "любовная преданность великим началам и великим образцам родной истории" (Струве П. Освобождение и Возрождение. - 1925. - 3 июня). Задачей издания была выработка определенной доктрины, конституирование политической программы и идеологии Белого движения, что в практическом плане оформилось в широкое освещение подготовки и проведения "всемирного русского съезда" зарубежья. Республиканско-демократическое объединение использовало выходящую под редакцией П.Н.Милюкова газету "Последние новости" с целью открытой оппозиции съезду и повело активную работу против линии газеты "В", обвиняя оппонентов в реакционности и крайнем монархизме.

До появления "В" более правую позицию по отношению к парижским "Последним новостям" занимала берлинская газета бывших кадетов "Рул", но с появлением нового правого органа печати, даже она казалась левой. "В" с первых лет существования достигло весьма внушительного тиража не только во Франции, но и в

других странах русского рассеяния. П.Б.Струве задался целью выдвинуть общенациональную идею, способную объединить вокруг себя значительные силы русской эмиграции "во имя освобождения России". "Идеал сильной и свободной России, - писал он, - должен стать объединяющим политическим идеалом русской эмиграции" (1926. - 3 июня). Во главе объединения предполагалась определенная фигура монарха - Великого Князя Николая Николаевича. Идеи П.Б.Струве, И.А.Ильина, А.А.Салтыкова и С.С.Ольденбурга о необходимости для России "прочно огражденной свободы лица и сильной правительственной власти", базирующиеся на "непреложных религиозных началах", а не на каких-либо партийных основаниях, были с одобрением восприняты большей частью эмиграции и поддержаны писателями: И.С.Шмелевым, И.А.Бунинным, И.Д.Сургучевым и др. В подзаголовок газеты, по настоянию А.О.Гукасова, было вынесено: "Печатный орган русской национальной мысли". И.С.Шмелев считал, что именно газета "Возрождение" стала "выразителем нашей русскости" за рубежом.

П.Б.Струве придал газете то направление и характер, которые она сохраняла на протяжении всей своей истории. Со страниц "В" звучал его голос страстного политика-публициста. Струве вел "Дневник политика" на первой странице газеты, где систематически в передовых статьях давал оценки текущим событиям в России и за ее пределами, вел дискуссии с левыми газетами по вопросам пореволюционного развития России, отстаивая позицию непримиримости к большевистскому строю.

На основе идей, разработанных в газете "В", 4 апреля 1926 в Париже под председательством П.Струве состоялся Зарубежный съезд, который смог объединить разрозненные группы патриотической эмиграции в единое целое. "В" подробно освещало работу съезда на своих страницах.

Часто с газетных полос "В" звучал голос другого признанного идеолога Белого движения И.А.Ильина, который в своих

публицистических статьях немало способствовал оформлению надпартийного монархического идеала. (См. библиографию статей И.А.Ильина в кн.: Ильин И.А. Собр. соч. - М.: Русская книга, 1993. - Т. 1. - С. 388-393). В 1925-1926 философ и публицист И.Ильин печатал в газете цикл статей "Письма о фашизме" под псевдонимом Ивер. В фашизме он видел естественную реакцию людей на дезорганизованность общественных процессов, поиск "волевого и государственного выхода из организованного тупика безволия". Но Белое движение представлялось Ильину гораздо более широким. Фашизм неизменно критиковался идеологами "В" за популизм.

К решению задачи единения духовной жизни русского зарубежья во второй половине 20-х в газету были привлечены значительные литературные силы: И.А.Бунин, И.С.Шмелев, Д.С.Мережковский, И.С.Сургучев, А.В.Карташев, бар. Б.Э.Нольде, проф. Н.К.Кульман, А.В.Амфитеатров, кн. Г.Н.Трубецкой, В.Н.Клопотовский (Лери), А.М.Ренников, Н.Н.Чебышев, Н.А.Цуриков, Г.А.Мейер, А.А.Яблоновский.

Праздничные и юбилейные выпуски "В" были представлены художественным творчеством русских писателей-эмигрантов: И.Шмелева, А.Куприна, И.Бунина, И.Лукаша, Б.Зайцева и др.

По четвергам четвертая часть номера газеты традиционно отводилась рубрике "Литература, критика, искусство". Внутри рубрики существовали постоянные разделы: "Заметки писателя" (вел П.Б.Струве), "Поэзия", "Хроника европейской литературы", рецензии на эмигрантскую периодику и новые книги, "Записная книжка" (И.А.Бунин), литературно-критические статьи различных авторов, театральные обзоры (бар. Н.В.Дризен).

Литературная тематика не сходилла со страниц газеты и в другие дни. Постоянными стали публикации рассказов, повестей и романов (в отрывках), литературная публицистика, полемические выступления. Последний подвал газеты обычно был предоставлен развлекательному чтению - переводной зарубежной беллетристике. Но и здесь публиковалась высокая литература: автобиографическая

повесть А.И.Куприна "Купол св. Исаакия Далматского", романы Г.Уэллса, С.Мозма. Часто появлялись в газете литературные корреспонденции известного публициста А.В.Амфитеатрова, который жил в Италии и регулярно присылал в "В" циклы статей: "Листки", "Фашизм" и др.

Привычными для читателя стали и объемные литературно-критические материалы проф. Н.Кульмана о литературе XIX в., и особенно о творчестве Л.Н.Толстого (в 1925-1927). Им не был оставлен без внимания ни один из зарубежных выпусков "Голоса минувшего", публиковавшего в середине 20-х дневники Толстого и воспоминания о писателе.

Бар. Б.Э.Нольде вел рубрику "Исторические чтения", посвященную параллелям в культурной жизни прошлого России и Франции. Нередки были выступления молодого филолога Глеба Струве. Как правило, это были рецензии. Он положительно оценил творчество молодых поэтов, выступивших против нигилизма и эстетизма в журнале "Новый дом" (Н.Берберова, Д.Кнут, Ю.Терапиано). Сам П.Струве в "Заметках писателя" отстаивал чистоту русского языка ("Русский язык - очистители и засорители". - 1926. - 26 апр.), против пустословной критики ("О пустословии и озорстве". - 1926. - 6 мая); солидаризировался с И.А.Бунинным в борьбе за сохранение культуры русской речи ("О русском языке. - Засорение и очищение. - Его обогащение. - Почему иностранцы не знают и не ценят Пушкина?" - 1926. - 20 июня). П.Струве, как историк, предостерегал читателей от излишней доверчивости к эмигрантской мемуаристике ("О мемуаромании нашего времени". - 1926. - 28 окт.). П.Струве высоко оценил вклад в развитие русского национального самосознания мыслителей прошлого ("Константин Леонтьев" (1926. - 30 мая), "Юрий Самарин" (1926. - 13 июня).

Классическое наследие русской литературы пользовалось неизменным вниманием на страницах "В". Юбилеи и дни памяти знаменитых писателей России находили выражение в статьях и очерках газеты: 50-летие памяти Ф.М.Достоевского (7-12 февр. -

1931 - статьи П.Муратова, Дм.Любимова, В.Вейдле); 50-летие памяти И.С.Тургенева (Зайцев Б. "Тургенев". - 1933. - 1 сент.); 10-летие памяти А.Блока (1931. - 6 и 13 авг.), 50-летие памяти Гаршина (1938. - 26 авг.); 50 лет со дня кончины М.Е.Салтыкова-Щедрина (1939. - 21 апр.). Значительные юбилеи превращались в настоящее чествование русской литературы: 125-летие М.Ю.Лермонтова (24 нояб. 1939 - статьи Б.Зайцева, Ю.Мандельштама, И.Лукаша, Н.С.Трубецкого), 100-летие Н.С.Лескова (1931. - 5 нояб.), 100-летие Л.Н.Толстого (9 сент. - 1928 - статьи Б.Зайцева, А.Амфитеатрова, А.Куприна, Л.Любимова). Две последние декады ноября и весь декабрь 1933 со страниц "Возрождения" не сходили торжественные публикации в адрес нобелевского лауреата И.А.Бунина. Всеми "возрожденцами" вручение премии воспринималось не иначе как "Наш праздник" (именно так была озаглавлена статья С.Горного 18 ноября). В газете была открыта новая хроникальная рубрика "Чествование Бунина" (19 нояб. - 7 дек. 1933).

Пристальное внимание было обращено и на культурную жизнь Франции. Литературные процессы в "стране проживания" изучались литераторами "В". К.Зайцевым, гр. П.Бобринским, Н.Дашковым, Г.Струве, В.Вейдле, Ю.Мандельштамом, И.Голенищевым-Кутузовым. Тепло было встречено вступление во французскую академию Поля Валери. Номер газеты от 30 июля 1927 на треть был посвящен этому событию. Не было более увлеченного пропагандиста французской литературы, чем Ю.Мандельштам. Он рассказал со страниц газеты о Расине, Дидро, Гюго, Золя, Франсе, Селине, Кокто, Моруа, Мориаке, Валери, Дюамеле, Монтерлане и др. С переводами из новой французской поэзии знакомил читателей И.И.Тхоржевский.

Особое отношение встречали работы философов русского зарубежья. Регулярно публиковались философские статьи П.Струве и И. Ильина. Книги прот. С.Булгакова получали, как правило, высокие оценки (рецензии П.Иванова 2 июня и 14 июля 1927). Труды Н.А.Бердяева нередко критиковались за теософические отклонения от христианства (Гр. П.А.Бобринский, Православие и гнозис. - 1928. -

20 окт.). "Мысли о России" Ф.Степуна вызывали несогласие критика Н.Чебышева за попытку органически слить большевизм с историей России (1927. - 15 дек.)

Острое неприятие вызывали писатели, перешедшие на службу советской власти. Характерны в этом отношении сами названия очерков о них: "Лука или Иуда?" Е.Чирикова о Горьком (1928. - 22 мая), "Блудливый козел" Петра Рысса об Илье Эренбурге (1928. - 2 сент.), обратившегося к эротическим инсинуациям из жизни парижских эмигрантов; "Орденосцы" (1939. - 17 февр.) и "От полуправды к неправде" (1938. - 27 мая) В.Ходасевича о книге воспоминаний А. Белого.

Оценки различных изданий русской эмиграции зависели от политических пристрастий редакции. Большие надежды возлагались на издания правой ориентации ("Годы", "Вестник РСХД", "Казачий журнал", "Новый корабль" (бывший "Новый дом"), "Русский колокол", "Голос минувшего" и др.). Благоприятные отзывы получал обычно литературный отдел журнала "Современные записки", в котором печатались крупные произведения многих авторов "В", но критический раздел вызывал неизменные нарекания за старую идеологию эсеров. П.Струве называл это издание "толстым журналом народнического толка". Острая полемика шла с изданиями леворадикального направления (особенно с газетами "Последние новости" и "Дни" (А.Ф.Керенского), с периодикой сменовеховского и евразийского толка. Журнал "Версты" был расценен И.А.Буниным как "дикая каша" из сменовеховства и евразийства, да еще с рекламой советской литературы. Писатель недоумевал, "почему первые же строчки этих русофилов так скверно звучат по-русски?" (1926. - 5 авг.), а позднее "Версты" неоднократно упрекались "Возрождением" за тенденциозный подбор авторов по признаку их благожелательного отношения к советской России. Не избежала многочисленных нападков на свое творчество М.Цветаева, постоянно публиковавшаяся в "Верстах" и "Благонамеренном". Подверглись острой критике И.А.Бунина и молодые литераторы из пражского журнала просоветской ориентации "Своими путями", названные им

за "горестный уровень издания" "пражскими комсомольцами" (1926. - 22 июля).

Стремление П.Б.Струве поддерживать высокий культурный уровень газеты удавалось не всегда. Политические страсти захлестывали и редакцию "В". В газете стали обычным явлением циклы разоблачительных материалов о борьбе с большевизмом типа "Нравы и работа ГПУ", "Свет во тьме" Н.Н.Львова (июнь-окт. 1926). На одной из подобных публикаций - "Там, где еще борются". Из записной книжки повстанческого атамана Кречета" (1927, авг.-сент.) - настоял, вопреки воле Струве, А.О.Гукасов. Редактор резко выступил и против рекламы, данной А.В.Амфитеатровым в "Листках" (1927. - 9 сент.) малоизвестной боевой организации "Братья Русской Правды", опасаясь провокаций, подобных операции "Трест".

Марк Раев, работавший с частной перепиской редактора и издателя, так представил развитие конфликта: "Струве рассчитывал на сотрудничество с широким кругом авторов со всего Русского Зарубежья и предполагал сделать газету серьезным изданием с большим литературным разделом. Вскоре, однако, он разошелся во взглядах с Гукасовым, которого явно не устраивала политическая ориентация Струве. Гукасов обвинил Струве в том, что из-за редакционной политики последнего в газете восторжествовали снобизм и кружковщина, ее высокомерный тон и стиль отпугивают простого читателя-эмигранта. Оскорбленный Струве подал в отставку" (Раев М. Россия за рубежом. - М. - 1994. - С. 110). 18 августа 1927 газета вышла со следующими письмами на первой странице:

"Письмо в редакцию" П.Струве

"Прошу Вас на первой странице, где до сего дня значилась моя фамилия, как главного редактора, поместить следующее мое заявление: Сим уведомляю, что с 18 сего августа я фактически не состою ни главным редактором, ни сотрудником газеты "Возрождение". Одновременно с сим сообщая, что мною получено заявление такого содержания: "Глубокоуважаемый Петр Бернгардович ... мы нижеподписавшиеся доводим до Вашего сведения следующее: мы пошли работать в "Возрождение" под

Вашим руководством и с Вашим уходом мы также принуждены будем выйти из состава сотрудников газеты".

Означенное заявление подписано следующими лицами: А.И.Бунге, В.Ф.Гефдинг, Д.Д.Гримм, И.Д.Гримм, кн. П.Долгоруков, К.И.Зайцев, И.А.Ильин, В.А.Косинский, Н.К.Кульман, И.И.Лаппо, В.А.Лазаревский, А.Э.Домайер, Н.Николаевский, Б.А.Никольский, С.С.Ольденбург, П.А.Остроухов, В.П.Рябушинский, Е.В.Спекторский, Глеб Струве, А.В.Флоровский, Н.А.Цуриков, М.В.Шахматов, В.В.Шульгин.

17 августа 1927 г.

Петр Струве".

В передовой статье А.О.Гукасова выражались "сожаление" об уходе П.Б.Струве и "глубокая благодарность" за оказанную помощь; подтверждалось, что цель издания "остаётся неизменной". С № 807 (18 авг. 1927) и до закрытия газеты главным редактором был Юлий Федорович Семенов.

Существует версия о захвате редакции "Возрождения" масонами (См. Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. - Тель-Авив (N.Y.), 1989. - С. 138-139, 260, 307). Н.Берберова даёт такой комментарий "Возрождению" в указателе к своей книге: "Сотрудники газеты в большинстве принадлежали "правой" масонской ложе (Гранд Лож), в то время как сотрудники "Последних Новостей" принадлежали "левой" ложе (Гранд Ориан)" (Берберова Н. Курсив мой. - N.Y., 1983. - Т. 2. - С. 644). По сообщению Р.Гуля, в газете работало два советских агента: "бывший лицеист, дворянин, талантливый журналист, видный масон Лев Любимов" и Николай Николаевич Алексеев, "бывший белый контрразведчик" (Гуль Р. Я унес Россию. - Нью-Йорк, 1984. - Т. 2. - С. 178).

После выхода большого числа сотрудников из состава редакции последовало её значительное обновление и расширение. В газету пришли В.Ф.Ходасевич и П.П.Муратов. Чаще стали появляться материалы Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус, Б.К.Зайцева. При общем опрошении информационно-культурного уровня издания литературный раздел сохранил высокое качество публикаций.

Около года после смены редакции продолжали выходить "Записные книжки" И.А.Бунина, в которых он вел полемику с советскими критиками А.Воронским и Д.Горбовым (1926. - 3 июля), с зарубежной апологетикой советской литературы в издании "единоутробного брата большевиков" М.Слонима "Воля России" (1926. - 28 окт.). Во втором полугодии 1925 и первом полугодии 1927 часто печатались знаменитые бунинские записки о революции "Окаянные дни". Много неллицеприятного было написано им в адрес М.Горького (Бунин И. Записная книжка. - 1927. - 26 мая). Изредка появлялись в литературном подвале "четвергов" и бунинские стихи (1926. 18 нояб.; 1927. - 23 июля, 25 авг.). Художественное осмысление опыта русской революции проходило у Бунина с привлечением сюжетов из революционного прошлого Франции ("Камил Демулен" 1926. - 17 марта; "Человек, который умер от страха" 1926. - 10 апр.).

С 1926 регулярно печатается в "Возрождении" И.С.Лукаш. В 20-х печатался его роман "Пожар Москвы", охвативший период от убийства Павла I до декабрьского восстания 1825. Основная мысль произведений Лукаша - утверждение особой исторической роли Москвы в становлении традиционного бытия Руси. В его рассказах также преобладала тема русской истории и культуры. Печатались его очерки о русских писателях Н.Лескове (1930. - 16 мая), А.Куприне (1930. - 7 сент.), Б.Зайцеве (1929. - 19 дек.), Д.Мережковском (1929. - 28 марта). В ноябре и декабре 1934 публиковались его рассказы и повести о гражданской войне на Дальнем Востоке и в Сибири ("Марш дроздовцев", "Миляга"). Весной 1936 газета печатала главы его романа "Мусоргский". В.Ходасевич высоко ценил изящество простой речи и живую фактуру письма этого писателя (1929. - 14 января). Художественная проза не единственный жанр, представленный Лукашем со страниц газеты. Он показал себя и мастером историко-литературного исследования ("Внуки Пушкина в изгнании: Их воспоминания, документы и фотографии" // В. - 1934. - 29 июля, 5 и 10 августа).

Продолжал активное сотрудничество с газетой А.И.Куприн. С января 1928 он начал публиковать отрывками роман "Юнкера" и

продолжал его печатание до осени 1932. Это роман о жизни московского Третьего Александровского училища на Знаменке, раннем возмужании мальчиков-юнкеров в грозную пору социальных катаклизмов. Помимо крупных произведений, повести "Колесо времени" (1929. - февр.-март), помещались небольшие работы А.И.Куприна: циклы очерков "Париж домашний" (1927. - окт.-дек.), "Юг благословенный", рассказы, рецензии, некрологи.

Художественную прозу газеты можно назвать литературой православной. Первенство здесь по времени освоения темы и по близости идеям "возрожденчества" принадлежало И.С.Шмелеву. Творчество писателя снискало себе не только читательскую любовь, признательность, но и злобные наветы критиков леворадикального лагеря. Православные взгляды писателя на исторические процессы в России претили бывшим социалистам из ведущих периодических изданий Парижа - "Последних новостей" и "Современных записок". Редколлегия "Современных записок" повела в 30-х открытое наступление на художественное творчество писателя.

"В" помещало рецензии на новые работы Шмелева, отличающиеся искренним доброжелательством, глубоким анализом и проникновенным философским подходом (См. статьи И.А.Ильина: Искусство и вкус толпы. Ивану Сергеевичу Шмелеву (1933. - 3 янв.); Искусство Шмелева. Творчество Шмелева (1933. - 28 июля, 4 авг.); "Святая Русь", "Богомолье" Шмелева (1935. - 2 мая); Православная Русь. "Лето Господне. Праздники" И.С.Шмелева (1935. - 18 апр.). Ильин отмечал в творчестве писателя глубокое понимание православной природы исторической Руси, органическое слияние веры со всеми сферами жизни русского народа. Шмелев оставался постоянным автором "В" на протяжении всей истории существования газеты. Без его рассказов не обходился ни один пасхальный и рождественский номер. Шмелев был автором многих программных передовиц газеты. К 10-летию Белого движения была дана его статья "Вечный завет" (1928. - 25 фев.). Газета доносила высокие отзывы деятелей мировой культуры о творчестве Шмелева (отзыв Томаса Манна 12 мая 1927).

Писателем, выделявшим иную ноту в православном миропонимании, был Б.К.Зайцев. Его глубоко лиричная проза, окрашенная светлыми тонами веры и любви, неизменно покоряла читателей. Критик "В" В.Н.Ладыженский называл Зайцева "одним из самых христианнейших писателей нашего времени" (1927. - 17 нояб.). В газетных материалах преобладали его излюбленные жанры: очерк и рассказ. В первом полугодии 1928 регулярно печатались очерки Зайцева "Москва", осенние номера газеты поместили его "Югославские записи", где первенствовала тема православного единства с южными славянскими братьями. Публиковались историко-литературные зарисовки о Франции, прозаические переводы из "Ада" Данте (весна 1928). Но преобладала в трудах писателя, безусловно, тема России и русской литературы, представшая в его очерках: Ю.И.Айхенвальд (1928. - 22 дек.); Юлий Бунин (1928. - 11 марта); Чехов (1928. - 13 мая); Леонид Андреев в зрелые годы (1929. - 13 марта); Максим Горький (1932. - 15, 30 окт.). Особняком стоят значительные работы об И.С.Тургеневе, основной массив которых впервые публиковался в "В" (отрывки из книги "Жизнь Тургенева" (1931. - янв.-июль); "Тургенев" (1933. - 1 сент.); "Тургенев после смерти" (1932. - 18 марта)). Газета помещала подборку глав из крупных работ писателя ("Афон", "Путешествие Глеба"). В 30-х Б.К.Зайцев вел в газете "Дневник писателя", писал фельетоны на религиозные и литературные темы.

Вне религии немыслимо творчество и другого автора газеты - Д.С.Мережковского. Именно эта газета печатала в отрывках его "Жизнь Наполеона" в 1928. В 1934-1935 публикуются отрывки из новой книги "Павел. Августин". Часто воспроизводились публичные лекции писателя ("Наш путь в Россию". - 1927. - 19-22 дек.).

Вскоре, после начала активной работы Д.С.Мережковского в "В" (с осени 1927) в этой газете стала печататься и З.Н.Гиппиус. На страницах "В" Гиппиус выступала прежде всего в качестве критика и публициста, иногда прикрываясь былым прозрачным псевдонимом "Антон Крайний". В программной политической статье "Третий путь" (1927. - 4 дек.), посвященной разбору работы А.Ф.Керенского к 10-

летию Октябрьской революции "Срыв России", З.Гиппиус обвиняет его и Милюкова в соглашательских настроениях по отношению к большевикам и в религиозной беспринципности. Гиппиус безоговорочно отвергала всю советскую литературу, считая, что в России культуры быть не может, а вся русская литература сосредоточилась в эмиграции. Она регулярно давала в "В" подробные изложения интересных докладов и обсуждений их в религиозно-философском салоне "Зеленая лампа": "О Евангелии-книге". (1928. - 27 февр.); "Два Завета" (о необходимости исключительно теологического подхода к еврейскому вопросу, по примеру В.В.Розанова. - 1928. - 11 апр.); "Гоголь и Белинский" (1929. - 18 апр.). В сентябрьских номерах за 1928 начали печататься петербургские дневники З.Гиппиус (1914-1918). Появились на страницах литературных четвергов и поэтические опыты З.Гиппиус. Раздел поэзии заметно окреп с приходом в феврале 1927 в литературный отдел "В" В.Ф.Ходасевича. Редкие перепечатки строф признанных мэтров русской поэзии (К.Р., Н.Гумилева, И.Бунина) сменились стихами новых поэтов эмиграции: Г.Раевского, С.Маковского, Ю.Терапиано, В.Смоленского, Ю.Мандельштама, И.Тхоржевского, А.Блоха, Н.Берберовой, А.Штейгера, С.Рафаловича. Творчество самого Ходасевича было представлено в поэтическом разделе "Белыми стихами" (1918-1927) и переводами. После 1928 Ходасевич фактически перестал писать новые стихи, целиком отдавшись прозаическим формам писательского творчества, главным образом литературной критике. Как отмечал позднее ведущий критик газеты Г.Мейер, "политически Ходасевич был "ужд "Возрождению"... Но религиозно-эстетический путь... был верен и привел этого поэта к глубокому пониманию словесного искусства" и "как это ни парадоксально на первый взгляд, но развитию имперской идеологии в "Возрождении", хотя и невольно и косвенно, а все же значительно помогали литературные статьи В.Ф.Ходасевича" (Г.Мейер. "Возрождение" и белая идея. - 1955. - № 44. - С. 99-100). Статьи В.Ходасевича по различным спорным вопросам эмигрантской литературы играли немалую роль в кристаллизации взглядов на

литературный процесс русского зарубежья. Основной массив критических стрел по теоретическим вопросам пришелся по адресу ведущего критика "Последних новостей" Г.Адамовича. Начавшись с периода расцвета литературы в изгнании, середины 20-х годов, дискуссии продолжались до конца 30-х и коснулись всех решительно областей литературы: преемственности традиций, проблем поэзии, прозы и критики, молодой эмигрантской литературы и самой возможности существования литературы в эмиграции (см. материалы полемики // Российский литературоведческий журнал. - 1994. - № 4). Г.Адамович считал невозможным сам факт существования литературы в изгнании, утверждая, что без "помощи жизни" она мертва и реанимировать ее не в состоянии ни воспоминания, ни сила воображения. Программная статья В.Ходасевича на эту тему "Литература в изгнании" (1933. - 27 апр., 4 мая) утверждала существование литературы зарубежья, как реальный факт. "Национальность литературы, - писал Ходасевич, - создается ее языком и духом, а не территорией, на которой протекает ее жизнь". При этом он ссылаясь на Данте, литературу французской и польской эмиграции. Сохранять традиции литературы значило, по Ходасевичу, следить за ритмичностью ее "духа вечного взрыва и вечного обновления". Но перспективы развития литературы эмиграции виделись критику в трагических тонах: "Судьба русских писателей - гибнуть". Он обвинил писателей старшего поколения в поиске "уютя среди катастрофы", в забвении теоретических вопросов, в равнодушии к новым принципам художественного творчества, к проблемам молодой литературы, теряющей эстетические традиции классики. "В недрах самой эмиграции молодая литература не обрела себе родины", что привело к утрате школы и обращению молодежи за поисками образцов творчества к иностранцам. Не менее значительной причиной умирания литературы критик считал то, что она оказалась "не по плечу эмигрантской массе".

Пессимистические взгляды на будущее литературы русского зарубежья вызвали отповедь главного редактора газеты Ю.Семенова в статье "Посланичество изгнанников" (1933, 9 мая). Он оспаривал

корректность приведенных Ходасевичем примеров из национальных литератур, отрицая их эмигрантскую сущность. Статья редактора заканчивалась призывами: "Надо мужаться, не рассчитывая на подарки судьбы, не впадать в пессимизм" и "найти читателя-эмигранта и пути к нему".

Серьезное значение для зарубежья имела и дискуссия о критике, начатая М.Осоргиным в газете "Дни" (1928. - 29 апр., 13 мая, 3 июня). Он и А.Бахрах ("В защиту читателя" // Дни. - 1928. - 27 мая) видели роль критики лишь в обслуживании запросов массовой читательской публики. В ответ, на страницах "В" выступила З.Гиппиус (Антон Крайний. Положение литературной критики. - 1928. - 24 мая) с утверждением, что в эмиграции сложилась парадоксальная ситуация отсутствия действенной литературной критики при наличии литературы. Идеальная критика виделась ей остро публицистической, смело поднимающей насущные политические вопросы. Г.Адамович поставил критика на один уровень с писателем, подчеркнув разницу их методов работы, но сходство задач ("О критике и "дружбе" // Дни. - 1928. - 27 мая). Аналогичную позицию выразил В.Ходасевич ("Еще о критике". - 1928. - 31 мая). "Критика есть творчество", - утверждал он. "Полному раскрывая художественное произведение, его смысл, его внешнюю и внутреннюю структуру, критик в то же время высказывает себя, как и сам художник". Возражая Гиппиус, Ходасевич утверждал наличие в эмиграции критики, признавая серьезные достоинства Г.Адамовича. После этого около полугода в газете "В" не появлялось материалов З.Гиппиус.

Настаивая на отсутствии русской литературы за рубежом и испытывая сильнейшее воздействие современной европейской культуры, Адамович призывал выйти за рамки классических традиций отечественной литературы и довольно резко отзывался о Пушкине и Л.Толстом. Известный своим пристрастием к пушкинской теме, Ходасевич не преминул ответить резкой статьей ("Бесы". - 1927. - 11 апр.), в которой отметил, что "великодушная снисходительность, с которой говорит о Пушкине Адамович",

лишний раз свидетельствует о том, что критик "не читал его или читая не понял". Напомнив хрестоматийное стихотворение "Бесы", Ходасевич утверждал, что перед эмигрантской литературой стоит "долг - оградиться от бесов здесь". В ответе Адамович ("Литературные беседы" // Звено. - 1927. - 17 апр.) настаивает на "подозрительности" совершенства Пушкина и уверяет, что "когда будет написана "история стиля" русской литературы - одиночество Пушкина в потомстве станет всем очевидным". Образцом в освоении пушкинского наследия предложен был путь Лермонтова. Расхождения во взглядах на поэзию распространялись и на современных поэтов эмиграции. В.Ходасевич покровительствовал литературному объединению "Перекресток" и отдавал предпочтение так называемой провинциальной поэзии, следовавшей классическим образцам. В статье "По поводу "Перекрестка" (1930. - 10 июля) он выразил надежду, что поэты "Перекрестка" (Г.Раевский, И.Голенищев-Кутузов, Ю.Мандельштам, В.Смоленский и др.) "могут положить начало важному и благому движению". Адамович, напротив, подверг поэзию "Перекрестка" резкой критике за отсутствие связи с жизнью и самостоятельности ("Союз молодых поэтов в Париже. Сб. 1, 2. Перекресток. Сб. стихов" // Числа. - 1930. - № 2/3).

Серьезный теоретический спор разгорелся вокруг романа Е.Бакуниной "Тело", встреченного резкой критикой со стороны Ходасевича. Адамович же отстаивал "большую ценность романа, как "человеческого документа", списывая явные недостатки его на необходимость объективного отражения "бессмыслицы жизни" ("Человеческий документ" // Последние новости. - 1933. - 9 марта). Ходасевич настаивал, что "переживание, описанное с величайшей даже точностью, но не подчиненное законам литературного ремесла, не образует художественного произведения". Ценность "человеческого документа" ставилась критиком в зависимость "от философской чреватости... от возможности сделать более или менее значительные онтологические выводы", которые явно не следовали из книги Бакуниной ("Книги и люди. "Тело". - 1933. - 11 мая).

Активную позицию в споре с Ходасевичем о "человеческом документе" занимала также З.Гиппиус, солидаризируясь во многом с точкой зрения Адамовича. Правда, высокому мастерству литературы она противопоставляла не объективистское отражение художником кризиса культуры и распада личности, а высокий идейный пафос произведения. Заключительным аккордом в этой дискуссии прозвучала статья Ходасевича "О форме и содержании" (1933. 15 июня). В ответ на обвинение со стороны Гиппиус в "человеческой бездарности" по причине равнодушия к "общим вопросам", Ходасевич указал ей на защиту "бездарности литературной" с ее стороны.

Позднее Ходасевич подверг разбору поэзию самой З.Н.Гиппиус ("Двадцать два". - 1938. - 17 июня), и утверждал, что несмотря на "почти нестерпимую перенасыщенность философской и моралистической тенденцией, поэзия Гиппиус существует" благодаря "врожденному поэтическому инстинкту". Коснувшись вопросов преемственности, критик отметил, что поэтесса разделила все недостатки поэзии школы символистов, относясь "к форме как интеллигентная женщина к нарядам: любит их, но не уважает".

Неприятие Ходасевича вызывали "анемичные" стихи молодых поэтов столичной (парижской) школы. Предметом очередной полемики стали поэтические опыты Лидии Червинской, "отсутствие литературного мировоззрения" которой послужило своего рода манифестом поэтов Монпарнаса ("Кризис поэзии". - 1934. - 28 янв.). Г.Адамович, признанный лидер идеологии молодой парижской поэзии, противопоставлял безупречным по форме стихам И.Голенищева-Кутузова "растерянные, беспомощные, почти немые" строфы Червинской, "Конечно, из одной человечности искусства не сделаешь... но когда-нибудь, в соединении с иными элементами, искусство из нее может быть создано" (Адамович Г. Жизнь и "жизнь" // Последние новости. - 1935. - 4 апр.).

Ходасевич призывал молодых поэтов не кутаться "в душегрейку новейшего уныния" и идти не путем "перегноя, который сам ничем стать не может". "Если молодые поэты действительно

хотят пойти "путем зерна", то им надлежит преодолеть не "тему" распада... но самое его состояние и смакование" ("Жалость и "жалость". - 1935. - 11 апр.).

Упреки в забвении святынь русской культуры и умолчании о 100-летней годовщине гибели А.С.Пушкина по адресу авторов альманаха "Круг" (Б.Поплавский, Н.Татищев, А.Алферов, С.Шаршун) послужили для Ходасевича поводом еще раз поговорить о распаде искусства и замене его "человеческим документом" ("Круг". Кн. 2. - 1937. - 12 нояб.). Адамовича, напротив, радовало желание авторов "Круга" перестроить свой литературный дом (Литературные заметки. Альманах "Круг". Кн. II // Последние новости. - 1937. - 25 нояб.).

Баталии критиков в отношении молодежи стихали, когда речь заходила о формалистской критике, поэзии футуристов или М.Цветаевой. Здесь их оценки совпадали. Маяковский определялся критиком "В" как "глашатай пошлости". По свидетельству Н.Берберовой, Ходасевичу вообще тяжело было читать советские журналы. Поэтому обзоры советской литературной периодики для раздела "Литературная летопись" готовились ими совместно (1928-1932). "Считалось, что ее пишет Ходасевич, но на самом деле писала ее я, подписывала "Гулливер"... и таким образом, тайно сотрудничала в обеих газетах <имеются в виду "Последние новости">... Ходасевич, конечно, редактировал мою хронику, прежде, чем печатать ее, как свою, иногда добавляя что-нибудь и от себя (Н.Берберова. Курсив мой. - München, 1972. - С. 371).

За двенадцать лет работы в газете "В" Ходасевич опубликовал несколько сот своих литературно-критических материалов. Он вел обзорную рубрику "Книги и люди". Именно на страницах этого издания впервые увидели свет многие блистательные очерки о современниках Ходасевича (некоторые из них вошли в его сборник воспоминаний "Некрополь"): "Младенчество" (1933. - 12, 15, 19 окт.); "Конец Ренаты" (1928. - 12-14 апр.); "Андрей Белый" (1934. - 28 июня, 5 июля; 1938. - 27 мая); "О Сирине" (1937. - 13 февр.); "С.Я.Парнок" (1933. - 14 сент.); "Московский литературно-художественный кружок" (1937. - 10, 17 апр.). Газета впервые познакомила читателей

с литературными портретами писателей пушкинской поры, с любовью воссозданными в статьях Ходасевича, среди которых: И.И.Дмитриев (1937. - 29 окт.); А.С.Грибоедов (1937. - 4 февр.); П.А.Вяземский (1928. - 22 нояб.); А.А.Дельвиг (1931. - 31 янв.); Ф.И.Тютчев (1928. - 6 дек.); Н.И.Гнедич (1933. - 9 февр.); Н.В.Гоголь (1934. - 29 марта); с отрывками из книги "Державин" (1929-1930). Особую роль Ходасевич отводил А.С.Пушкину. 100-летию памяти поэта стало триумфом русской духовности. Помимо множества специальных материалов, было выпущено специальное приложение 6 февраля 1937 - "Пушкин 1837-1937" со статьями Б.Зайцева, И.Шмелева, Д.Мережковского, В.Ходасевича, Ю.Мандельштама, Г.Мейера, А.Амфитеатрова, К.Коровина, А.Плещеева, И.Тхоржевского. Ревностно воспринималась любая бестактность советского литературоведения в отношении Пушкина (Ходасевич В. Вокруг Пушкина. - 1927. - 31 дек.). Негодованием были встречены попытки опошлить память поэта, представить его "бурно-революционно-сладострастным Хлестаковым, очень похожим на Луначарского", как это произошло в романе В.Каменского "Пушкин и Дантес" (Ходасевич В. Советская клюква. - 1928. - 12 июля).

Пристрастное отношение Ходасевича к советской литературе отличало весь его творческий путь в эмиграции. Анализируя обзорную статью Вяч.Полонского, критик приходит к парадоксальному выводу, что пролетарская литература "существует исключительно силами не-пролетарскими" (Ходасевич В. История советской литературы. - 1928. - 31 янв.). Едкую критику встречали с его стороны настроения "возвращенчества" и соглашательства в эмигрантских кругах.

Высокую оценку получили сатирические рассказы М.М.Зощенко (Ходасевич В. Уважаемые граждане. - 1927. - 5 мая). Рассказы Зощенко часто публиковались на страницах газеты в 1933 (1 февраля - "Беспокойный старичок", 15 февраля - "Страдания молодого Вертера", 29 декабря - "Счастливый путь"). 16 марта 1933 была опубликована фотография М.М.Зощенко со следующей подписью: "Наиболее читаемый в эмиграции советский писатель

Михаил Зощенко". Нередки были публикации и других советских писателей: 15 мая 1935 - рассказ И.Ильфа и Е.Петрова "Театральная история"; 29 апреля 1933 - отрывок из 3-й книги романа Шолохова "Тихий Дон" ("Восстание"); 19 февраля 1933 - отрывок из романа К.Федина "Похищение Европы" ("Ганза").

С 1928 в "В" открылась специальная иллюстрированная рубрика на последней странице - "В России", состоящая исключительно из перепечаток материалов большевистской прессы о парадоксах советской действительности.

Жанр сатиры и юмора прочно прижился на страницах газеты. Этому способствовал постоянный сотрудник "В" А.М.Ренников (Селитренников), талантливый фельетонист и драматург, бывший сотрудник суворинской газеты "Новое время", бессменный ведущий рубрики "Маленький фельетон". В первые годы существования газеты острие сатиры направлялось против большевиков, но позднее немало досталось и "братьям-эмигрантам". Ренников был автором летучего афоризма: "Незванный гость - хуже евразийца". Его перу принадлежало множество пьес, очерков и статей на темы эмигрантского быта.

Не сходила с страниц газеты поэтическая сатира Лоло (Л.Г.Мунштейна) на злобу дня и бывшего "сатириконовца" В.И.Горянского, который прославился частыми выпадами в адрес Сталина и его окружения. Фельетоны и басни Горянского нередко приобретали пафос политического памфлета.

Звездой первой величины в жанре юмористики на страницах газеты безоговорочно признавалась Н.А.Тэффи. Ее рассказы появлялись в газете в годы ее активного литературного творчества с интервалом в 5-7 дней. С середины декабря 1928 Тэффи начала публиковать свои "Воспоминания" об анекдотичных эпизодах бегства из России. Чужбина привнесла в творчество писательницы мотивы горькой самоиронии и трагические нотки ностальгии. Мрачные тона иных рассказов были крайне далеки от юмористики (Тэффи. Майский жук. - 1927. - 8 мая). Многие зарисовки писательницы были связаны с грустной памятью о прошлом. Таковы ее помертвые

воспоминания о Ф.Сологубе (Тэффи. Рыцарь смерти. - 1927. - 11 дек.). На страницах "В" Тэффи выступила и в новом для себя жанре: как автор "Авантюрного романа" (1931). Критика, правда, приняла его довольно холодно.

Основателями газеты была выдвинута определенная программа перед художниками слова - воспитание "единства национального духа". А.О.Гукасов призывал писателей использовать свой талант для воспитания за рубежом истинных патриотов России, внимательно относиться к моральным ценностям прошлого Святой Руси. Можно признать, что в целом этим задачам и отвечала художественная проза писателей, публиковавшихся на страницах "В": И.Сургучева, И.Воинова, Н.Рощина, К.Коровина, Г.Цебрикова, Б.Лазаревского, Н.Берберовой, П.Романова, В.Корчемного, Е.Чирикова, С.Яблоновского, А.Тырковой-Вильямс и др. При газете А.О.Гукасов организовал издательство "Возрождение", книжный магазин, общественную библиотеку и типографию. Предпочтение в издании отдавалось в первую очередь авторам газеты.

Сама газета со временем заметно разрослась. Первую страницу, освещавшую важнейшие события текущего дня, готовил, как и раньше, С.С.Ольденбург, бывший "октябрист". Выросли разделы международных новостей и событий внутри страны. Появилось множество рекламно-развлекательных отделов: "Новости кино" (Кино-экран), "Спорт", "Нашим читательницам" (выкройки, моды, советы косметологов, головоломки). Объем рекламных объявлений превысил два листа. После забастовки печатников в 1936 газета стала выходить раз в неделю (по пятницам) на 14 страницах. Рубрики разрослись и занимали по 1,5-2 страницы, расположившись в следующем порядке: передовая статья главного редактора, "О ком и о чем говорят", "Под игом Советов", "Русские за рубежом", "Литература и искусство" (8-9 страница); "На экранах Парижа", "На досуге", реклама и переводной роман-фельетон. Все подвалы с 5 по 9 страницу отдавались, как правило, художественной прозе постоянных авторов газеты.

С 1927 рубрику "Каждый день" вел П.П.Муратов, многие его статьи политического содержания шли без подписи. М.Алданов и М.Цетлин обвиняли его в реакционности. Публицистические выступления Муратова в рубриках "Ночные мысли" и "Окно в Европу" были наполнены не только воспоминаниями о революции и полемикой с идеологами примиренчества. Высокий вкус и чувство художественного стиля отличали его многочисленные работы по истории зарубежного искусства и русской культуры. Преодоление кризиса культуры стало ведущей темой его культурологических эссе в газете, где он сотрудничал до середины 30-х.

Обзорами выставок и популярными литературными портретами французских художников и писателей начинал свою деятельность в газете с первых лет ее существования один из самых тонких критиков зарубежья В.В.Вейдле. Его основными темами стали: "Умирание искусства" (так он назвал свою монографию, изданную в Париже в 1937) и "Россия и Запад - перекличка двух культур". Г.Струве считал его "самым ценным приобретением зарубежной литературной критики после 1925-го" (с. 372).

Литературная опека В.Ходасевичем группы "Перекресток" благотворно сказалась на выдвижении в 30-х двух молодых критиков - Ю.Мандельштама и И.Голенищева-Кутузова. Последний из них, филолог-медиевист, специалист по средневековой культуре Франции, был наиболее активен в литературно-критических выступлениях на страницах "Возрождения" в год, предшествовавший окончанию сорбоннской аспирантуры (1933). Его особенно занимали вопросы взаимовлияния культур и корней славянской духовности.

Первенствовал по числу публикаций с середины 30-х поэт и критик Ю.Мандельштам. Он начинал свою деятельность в газете с обзора текущей иностранной литературы, но вскоре его статьи перешагнули узкие рамки хроникальной рубрики и вылились в серьезные исследования: "Судьба романа" (1936. - 29 авг.), "Любовь в современном романе" (1939. - 3 февр.), "Традиции английской литературы" (1938. - 29 июня). Его бесспорно можно назвать самым плодовитым литературным критиком "Возрождения".

Ю.Мандельштам в совершенстве овладел жанром литературного портрета. Страна проживания повлияла на преобладание среди его очерков сюжетов из жизни французской культуры. Мандельштам с равной легкостью писал о романтизме в творчестве Анатоля Франса (1934. - 1 ноября), "Театре Мольера" (1934. - 14 августа) и о "Женщинах в жизни Руссо" (1934. - 10 ноября); "Воспоминания о Прусте" (1936. - 28 марта) сменялись музыкальной темой в очерках "Тектор Берлиоз" (1936. - 27 апреля) и "Старость гения" о Гайдне (1936. - 3 апреля). Мандельштам смело полемизировал с признанными мэтрами литературы: в статье "Гений и безумие" (1933. - 27 октября) спорил с Цвейгом о природе душевных болезней Гельдерлинга, Клейста и Ницше. Глубокий анализ отличал его работы о Бунине ("Новая книга Бунина". - 1939. - 7 июля) и Ходасевиче ("Тяжелый дар". - 1939. - 21 июля). Разбор творчества писателей-современников не ограничивался рамками эмиграции. Анализируя переписку Горького "знаниевского" периода (1934. - 30 августа), Мандельштам отмечал неуважительное отношение писателя к своим собратям по перу. Не прошли мимо внимания критика юбилеи и советские издания писателей XIX в. ("Жизнь Рыльева". - 1934. - 20 ноября; "Языков". - 1934. - 26 июля; "Гаршин". - 1938. - 26 августа).

"Возрождение" 30-х невозможно себе представить без коротеньких рассказов живописца К.А.Коровина. Короткие зарисовки русского пейзажа, охотничьи истории, колоритные описания старого русского быта, подмеченные острым глазом художника, раскрыли в Коровине мастера не только кисти, но и писательского пера ("Левитан" (сентябрь-октябрь 1933); "Первая любовь" (1934. - 29 июля); "На охоте" (1934. - 5 августа); "Звериные тропы" (1934. - 4 ноября). 14 июля 1939 умер Т.Ф.Ходасевич; потерпела крах доктрина редакции, связывавшая надежды на освобождение России с гитлеризмом (меч германского фашизма обернулся против стран западной демократии) и в довершение всего в последний период существования газеты многие ее постоянные авторы ушли из жизни.

Последний номер "В" вышел с редакционным отчетом о 15-летнем юбилее издания, отмеченном 3 июня 1940 (Сбор под огнем. - 1940. - 7 июня). "Нас мало, но мы правы, - говорилось в нём, - правы и Злу не восторжествовать... Газета будет стоять до последнего дня, до возможного физического уничтожения, - но с поста своего мы не сойдем и не сдадимся и по-прежнему будем будить сонных и звать - звать с тем большей силой, что впереди и близко, праздник нашей Правды".

А.В.Ломоносов

"ВОЛЯ РОССИИ" (Прага, 1920. - № 1. - 12 сент. - 1921. - № 327. - 9 окт.; 1922. - № 1. - Янв. - 1922. - № 28. - Авг.; 1922. - Сент. - 1932. - Май) - первоначально газета, в 1922 - еженедельник, а с сентября 1922 - ежемесячный "журнал политики и культуры", как пояснял подзаголовок. Основанное эсерами, издание выходило при участии В.М.Зензинова, В.И.Лебедева, О.С.Минора и Е.Е.Лазарева, но к концу 1922 эта редколлегия, за исключением Лебедева, была сменена другой: в ней активную роль играли М.Л.Слоним, В.В.Сухомлин и затем Е.А.Сталинский, деятели откровенно левой, даже леворадикальной ориентации. На первых порах довольно активное участие в издании принимал также В.М.Чернов.

С первых же выпусков журнал заявил о себе как об издании, основное внимание уделяющем идеологии, политике и общественным вопросам; эти материалы до самого конца оставались главенствующими. Культуре отводилось значительно меньше места, а особенно небогатим - на фоне "Современных записок", с которыми пражский журнал вел многолетнюю полемику, - выглядел раздел художественной литературы, хотя тут были свои бесспорные свершения и имена самого первого ряда. Позиция, занятая "Волей России", однако, слишком существенно отличалась от той, которую выбрали как "Современные записки", так и "Русская мысль", и эта

позиция сделала невозможным привлечение в журнал виднейших писателей первой волны эмиграции. Исключение составили только А.Ремизов и М.Цветаева, печатавшиеся на страницах "Воли России" регулярно и в течение многих лет.

Специфика "Воли России" во многом предопределялась тем, что это был журнал, представлявший русскую Прагу. В отличие от других центров рассеяния, прежде всего в отличие от Парижа и Берлина, Прага 20-х создавала почти оптимальные условия для расцвета культуры русского зарубежья. Политика правительства Т.Масарика, очень много сделавшего для помощи русской эмиграции, прочное в ту пору чувство славянской общности, университет, где были специализации по русской филологии и истории, а лекции читались на всех славянских языках, знаменитый семинарий Н.П.Кондакова, ставший школой для современного научного славяноведения, Философское общество во главе с С.И.Гессеном, присутствие таких активно работавших деятелей русской гуманитарной науки, как оказавшиеся в Праге А.Л.Бем, А.А.Кизеветтер, Е.А.Ляцкий, Р.В.Плетнев и другие, - все это способствовало превращению чехословацкой столицы в центр интенсивной духовной и творческой деятельности, направленной на то, чтобы заложить фундамент будущей обновленной России (См.: Андреев Н. Пражские годы // Новый мир, 1994. - № 11). Для пражских эмигрантских кругов было характерно стремление не столько противопоставлять себя пореволюционной России, сколько искать путей сближения с теми ее силами, которые признавались потенциальной опорой предстоящего возрождения нации и родины. При этом революция и гражданская война, какое бы отношение к себе они ни вызывали, для пражской эмиграции были свершившимся и непреложным историческим фактом, который надлежало осознать с тем, чтобы вместо бесплодных попыток реставрации навсегда ушедшей России направить духовную энергию на построение нового общества, ведущего свою историю с перелома 1917.

Эти настроения, в особенности отличавшие пражскую эмигрантскую молодежь, - круг недолговечного журнала "Новь",

участников объединения "Скит поэтов" - ясно дали себя почувствовать и на страницах "Воли России". С одной стороны, журнал непоколебимо придерживался антибольшевистских позиций, считая советский эксперимент профанацией социализма и точно уловив момент, когда этот эксперимент превратился в строительство чисто тоталитарного государства. Одной из самых ярких публикаций "Воли России" в этом смысле были записки одного из ее соредакторов Вл.Лебедева, сумевшего совершить с чужим паспортом поездку по СССР в год "великого перелома" и опубликовавшего в журнале (1929. - № 9-12; 1930. - № 1-6) цикл очерков, поразивших достоверным описанием советской будничности: голода, репрессий, всеобщего страха. С другой стороны, на фоне эмигрантской периодики пражское издание выделялось несравненно большей, чем где бы то ни было, объективностью освещения событий на родине, и особенно культурной жизни метрополии. В частности, новинки советской литературы (от сборников Б.Пастернака до "Комиссаров" Ю.Либединского, положительно оцененных журналом) освещались тут постоянно, а в тоне комментариев не было ни высокомерия, ни антагонизма. "Воля России" откровенно стремилась к диалогу с новой Россией, рождавшейся - так считали в Праге - на развалинах обреченной империи. Эта установка преобладала в журнале вплоть до "великого перелома", получившего здесь название "сталинщины", - слово было впервые употреблено в заглавии статьи М.Л.Слонима "Сталинщина в литературе" (1930. - № 10).

Установки журнала, отвергавшего как большевизм, так и иллюзии о возможном возвращении к тому историческому состоянию, в котором Россия находилась накануне 1914, были с достаточной ясностью сформулированы уже в первом номере. "Мы пережили Великую Русскую Революцию с ее светлыми днями и грандиозными катастрофическими периодами, - писал в статье "Корабль смерти" А.Чумаков. - Мы пережили четыре года большевистской диктатуры, перед которыми бледнеет, может быть, французский 93-й год. И мы знаем своим потрясенным разумом, и мы видели своими помутившимися глазами то, чего не знали и не

видели десятки прошлых поколений" (1922. - № 1. - С. 3-4). Статья А.Чумакова была посвящена ужасам террора, но в ней выразилась и сразу же определившаяся линия журнала, стремившегося доносить мироощущение русских людей после исторической катастрофы, пережившей весь строй их понятий. Эта линия наиболее отчетливо проведена в подборе публикаций по отделу поэзии и прозы.

Здесь безусловное предпочтение "Воля России" отдавала молодым авторам, чей творческий путь начинался уже в эмиграции. "Воля России" стала рупором тех, кого В.С.Варшавский, сам принадлежавший к той же среде, назовет в своей книге воспоминаний "незамеченным поколением", пояснив, что, в отличие от старших годами, "мы жили без всякой ответственности, как бы с б о к у мира и истории. Нам уже веял в лицо ветер несуществования" (Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. - С. 9). Варшавский тоже дебютировал на страницах "Воли России", где в 1929 (№ 7) напечатал свой первый рассказ "Шум шагов Франсуа Вильона". Постепенно именно такие публикации, представлявшие творчество молодых и практически безвестных авторов, стали в журнале доминирующими, вытеснив достаточно случайные подборки стихов А.Белого, М.Волошина, В.Ходасевича, прозу Б.Зайцева, С.Юшкевича, отрывки из романов Вас.Немировича-Данченко, появлявшиеся на этих страницах в первые годы издания. Принципиальное значение для "Воли России" приобрели две большие подборки "Парижские поэты" (1926. - № 3, 6/7), за которыми последовала еще одна - "Пражские поэты" (1928. - № 1). Были представлены В.Андреев, Н.Борисова, А.Булкин, А.Гингер, Д.Кнут, Ан.Ладинский, Н.Жемчужникова, Г.Кузнецова, С.Луцкий, В.Парнах, В.Познер, А.Присманова, Д.Резников, М.Стреже, Ю.Терапиано, пражане Ник.Болесцис, К.Ирманцева, Вяч.Лебедев, М.Мыслинская, С.Нальянч, Алексей Фотинский, А.Эйсер, Е.Якубовская. Некоторые из них - в частности, Г.Кузнецова и Д.Кнут - постоянно подвергались в критическом отделе "Воли России" нападкам за архаизм тематики и стилистики или за иллюзии относительно культурной миссии русской

эмиграции, другие, прежде всего Лебедев и Эйсер, стали со временем постоянными авторами журнала. Однако, вне зависимости от взглядов редакции на творчество того или иного из начинающих поэтов, сохранялась принципиальная приверженность "Воли России" литературе молодой, часто экспериментальной, нетрадиционной по художественным ходам и доносящей то "катастрофическое" сознание, которое отличало представителей "незамеченного поколения".

Его наиболее яркие писатели - Г.Газданов и Б.Поплавский - публиковались в "Воле России" постоянно, как и Лебедев, Эйсер, Ладинский, тогда писавший¹ только стихи. Из писателей, пользовавшихся известностью еще в России, журнал отдавал предпочтение Цветаевой, напечатавшей в 1925 "Крысолова", "Попытку комнаты" (1928. - № 3), "Приключение" (1923. - № 18-19), "Феникс" (1924. - № 8-9), переписку с Рильке (1929. - № 2), "Поэму воздуха" (1930. - № 1), ряд лирических циклов. Вплоть до 1931 публиковался Ремизов (в частности, отрывки из "Взвиренной Руси - 1926. - № 2), но, пожалуй, самой нашумевшей публикацией стал роман Е.Замятина "Мы" (1927. - № 2). Заботясь о безопасности автора, редакция представила эти отрывки как обратный перевод с чешского и английского изданий, но на деле, видимо, располагала рукописью. Замятин печатался и раньше ("Икс" - 1926. - № 8/9) и постоянно привлекал к себе внимание критического отдела журнала, но появление "Мы", конечно, носило сенсационный характер и как бы подводило черту в давнем споре "Воли России" со своими оппонентами относительно возможности существования неказенной литературы в советской России. Спор был выигран пражским журналом с очевидностью для всех.

Другим принципиальным шагом редакции стала посмертная публикация "Бани" Маяковского и обращенного к Маяковскому лирического цикла Цветаевой (1930. - № 11). Публикация была подготовлена "Литературным дневником" Слонима в № 5/6 за тот же год ("Два Маяковских"): отмечая, что "Маяковский был кремлевским поэтом не по назначению, а по признанию и по призванию", критик вместе с тем увидел в подобной ситуации

творческую драму - "из этого заключать о продажности и неискренности Маяковского значит повторять глупые и пошлые обвинения... Но за это - в плане жизненном - поэт убил Маяковского. Чувства, инстинкты, мечты, которым было запрещено выходить на свет божий, отомстили ему за совершенное над ними насилие" (с. 449, 453). Для "Воли России", в силу ограниченного объема печатавшей только рассказы и отрывки, сам факт публикации большой пьесы в полном виде был "знаковым": споря с ниспровергателями Маяковского, как и с его официальными канонизаторами в СССР, журнал признавал и значительность, и драматизм этого явления.

Еще раз была продемонстрирована присущая журналу широта и антитенденциозность подхода, выгодно отличавшая "Волю России" - один из немногих эмигрантских журналов, печатавших, помимо отечественных, также иностранных авторов. Здесь увидели свет некоторые произведения Ванчуры и Чапека, что не являлось просто выражением признательности дружественной чешской культуре, так как эти публикации последовали за "Альбертиной" Пруста (1925. - № 11), "Игрой любви и смерти" Роллана (1926. - № 2), отрывками из мемуаров Франса, очерками Ф.Верфеля, повестью П.Истрати. "Воля России" стремилась воссоздавать культурный контекст, в котором отчетливее просматривались бы особенности современной русской литературы, прежде всего молодой, ориентировавшейся на новейший европейский опыт, по крайней мере, не менее явственно, чем на русские классические традиции. Статьи П.Муратова о театре Пиранделло и о прозе Жироу (цикл "Очерки трех литератур". - 1926. - № 2, :), обзоры новой чешской прозы, подготовленные Н.Мельниковой-Папоушковой (в частности, 1928. - № 4) и ряд других материалов того же типа представляют собой по-своему уникальное явление в эмигрантской литературной печати. С той же целью налаживания живых контактов между современной русской и европейскими литературами журнал публиковал перевод эссе Т.Манна "Гёте и Толстой" (1922. - № 18/20), статью М.Слонима, анализирующую "роман приключений", который, на взгляд критика, "эстетически отражает переходный период

современной литературы, все более и более удаляющейся от проникнутых символизмом лирических "историй души" к более классическим формам сюжетного романа" (1922. - № 12. - С. 11; материалом для статьи послужили книги Лондона, Киплинга, Конрада, с одной стороны, проза Замятина - с другой).

Едва ли не самая важная публикация такого рода была предпринята в № 5 за 1928: два поэтических текста - "Поэма временных лет" Вяч.Лебедева, "Конница" А.Эйснера и сопровождающая их статья Слонима "Россия и Европа. По поводу двух поэм". Оспаривая и лебедевскую "европофилию", и "скифство" Эйснера, Слоним писал, что само противопоставление Запада Востоку начинает утрачивать обоснованность в условиях все более интенсивной культурной диффузии, а на российской почве оно грозит обернуться всего лишь политическими спекуляциями, о чем свидетельствовала история евразийства. Конечные выводы Слонима сформулированы с подчеркнутой недвусмысленностью: "Не против Запада, не на поводу у Европы, а вместе с Европой должны мы идти, потому что мы сами в Европу входим и Европой являемся... европейская цивилизация и культура, острота мысли и отвага знания, все это не "ихнее", а наше, оно принадлежит нам, потому что мы равноправные члены этой семьи, сыны "второго отечества", и если бы эту культуру стали мы отрицать и осуждать на слом, то косвенно отринули бы и уничтожили бы самих себя" (с. 56).

Надо, однако, признать, что культурологический уровень выступлений "Воли России", обращенных и к этой злободневной теме, и к сложным проблемам русского культурного наследия, оставался сравнительно невысоким. Ни А.Бем, ни В.Францев в журнале не печатались, Е.Ляцкий появлялся лишь эпизодически, и тем самым интеллектуальный потенциал русской Праги остался почти не реализованным в этом издании. Был, правда, подготовлен большой блок материалов к юбилею Толстого (1928. - № 8/9), двумя большими работами - "Эстетика Толстого" (там же), "Братья Карамазовы" Достоевского и "Красный кабачок" Бальзака (1927. - № 2) - был представлен И.И.Лапшин, но систематически этот раздел не

велся. Его отсутствие, разумеется, сказывалось на состоянии критики "Воли России" в целом.

Вместе с тем она заметно выигрывала при сопоставлении с критическими отделами других зарубежных журналов за счет внимательного и объективного освещения важнейших явлений русской литературы метрополии, переживавшей в 20-е свой расцвет. Не декларируя этого открыто, журнал склонялся к идее единства русской культуры, независимо от того, где и в каких условиях она создается. Эти взгляды, неприемлемые для более консервативной эмигрантской среды, на страницах "Воли России" высказывали и ее главный критик Слоним, активность которого не ослабела после переезда в 1928 из Праги в Париж, и другие сотрудники критического отдела.

"Воля России" внимательно следила за новинками русской литературы, появлявшимися в самой России, и помещала обзоры советских журналов: не только "Нового мира", "Красной нови", "Звезды", но даже "Сибирских огней" (1929. - № 4). Отношение к культурной жизни в СССР было в журнале неоднородным: статья Слонима "Литературная Чека" (1923. - № 20) с очень резкими выпадами против группы "На посту" и любых попыток "диктатуры над литературой", соседствовала с сочувственными откликами на книги О.Форш, Б.Лавренева, А.Веселого, а критика доктринерских концепций РАПП не мешала оценить одаренность таких близких нарождающемуся советскому официозу писателей, как Н.Тихонов.

В отклике на публикацию писем Короленко к Луначарскому, изданных, разумеется, за рубежом, Слоним (1922. - № 11) определил суть своего конфликта с насаждавшейся в СССР доктриной "партийности" творчества: "Большевики явили первый опыт введения социализма посредством подавления свободы, объявив буржуазным предрассудком то, что было добыто человечеством в результате долгой борьбы: свободу личности, мысли, собраний, слова, печати... Человек - выше класса, и человеческая правда важнее классовой утопии. Фантастические схемы коммунизма несут в себе

обман и ложь. В этом источник их осуждения и неизбежного конца" (с. 9).

Эта позиция, разделяемая всеми авторами "Воли России", оставалась практически неизменной в протяжении истории журнала. Слоним не устал высмеивать "неисправимых утопистов, возмечтавших о создании в России классовой, пролетарской литературы", не раз ставя под сомнение тезис, согласно которому исторический переворот должен автоматически повлечь за собой революцию в искусстве (1922. - № 16. - С. 11). В обзоре "Нового Лефа" (1928. - № 3) он констатирует: "Ни слуха, ни воображения, ни ума Леф не радует. У лефовцев - творческая пустота и бессилие" (с. 121). Усиливающийся "большевистский напор" в литературе вызывает с его стороны иронические комментарии (1928. - № 10/11): "Большевики глубоко ошибаются, думая, что писатель, рассказывающий о Волховстрое, - художник современности. Но они по существу правы, говоря о необходимости для искусства расширить темы и приблизиться к современности" (с. 71).

Это "приближение к современности", понятое как способность выразить новым словом случившееся в России и с Россией за революционные годы, критика "Воли России" неизменно оценивала как важный и необходимый сдвиг, хотя не всегда ей удавалось почувствовать его истинный характер и масштаб. Примечательны "Заметки о русской поэзии" Е.А.Зноско-Боровского (1923. - № 18), посвященные двум книгам Пастернака - "Сестра моя жизнь", "Темы и вариации". В свое время начинавший в "Аполлоне" Зноско-Боровский теряется перед необычностью поэзии Пастернака, хотя и чувствует огромную одаренность автора. У него критик обнаруживает "несомненный хаос", но вместе с тем и "попытку наново перестроить не удовлетворяющий его, ставший слишком обыкновенным, как мотив заигранной шарманки, мир" (с. 62). Смелость деформации отпугивает Зноско-Боровского, тем не менее готового признать важность усилий Пастернака, когда поэт "искажает мир, рассматривая его не с привычной точки зрения, видя его не в обычном, реальном обличье, но стараясь подойти к нему с новой

стороны, охватить его новой меркой, вскрыть новые соответствия и противоречия" (там же). Впоследствии Слоним сходным образом будет рассматривать молодую поэзию эмиграции, воздав ей должное за те же усилия, пусть и не принесшие весомого результата.

О советских авторах Слоним писал много и охотно, сформулировав свое отношение уже в 1922 (№ 16): "Важно не то, что русская литература якобы сказала или готова сейчас сказать миру неслыханное еще слово и, похоронив прошлое, вступить на какой-то особый путь, а то, что она жива... а если жива, значит, есть и развитие, рост, обновление" (с. 11). Этот вывод увенчивал статью, посвященную М.Зощенко, Б.Пильняку, Н.Никитину; двое первых, наряду с Замятиным, остались излюбленными авторами для Слонима-критика. Он, впрочем, писал и о других примечательных новых авторах, появившихся в СССР, приветствовал дебют Артема Веселого, с похвалой отзывался о Б.Лавреневе. Сочувственный разбор "Соти" Л.Леонова напечатал в одном из последних номеров журнала (1931. - № 3/4) Н.Андреев (Леонов был и непосредственно представлен читателям своим "Петушихинским прологом" - 1925. - № 3); в обзоре "Звезды" (1927. - № 3) высоко оценен В.Каверин, а последний номер (1932. - № 4/6) содержал большую статью о Леонове, принадлежащую Слониму и помещенную под рубрикой "Литературные портреты".

В то же время журнал вел принципиальную, иной раз принимавшую резкие формы полемику с "неистовыми ревнителями", как называли Л.Авербаха, Г.Горбачева и близкую им группу авторов, отказывавшихся хотя бы примириться с существованием "попутчиков". Последовательно и доказательно их позиция опровергнута В.А. Ангельским в статье "Коммунистические критики и советская литература" (1928. - № 1), а Слоним на примере Ю.Либединского и А.Безыменского показал, что раболепие перед режимом полностью выхолащивает литературу (1931. - № 10), тем более - в условиях, когда предъявляется "требование публичного исповедания коммунизма писателями" и развернута "травля тех, кто от этого уклоняется и прodelывает это недостаточно внятно" (с. 817).

Несколько раз "Воля России" писала о деятельности ОПОЯЗ, не вполне разделяя установки "формальной школы", но соглашаясь с тем, что она явилась единственным по-настоящему значительным новым словом в русском литературоведении тех лет. "Показательно-иллюстрационная" точка зрения, преобладавшая в историко-литературных работах Овсяннико-Куликовского и его последователей вплоть до П.Н.Милюкова как автора "Очерков по истории русской культуры", не находила поддержки в пражском журнале, отозвавшемся на появление заключительного раздела милюковских "Очерков" едкой рецензией Слонима (1932. - № 1/2).

Слониму принадлежит и наиболее яркий материал из всех, которые журнал посвящал русской литературе метрополии, - статья "Бабель" (1928. - № 1). Появление в советской прозе столь крупной индивидуальности было, в глазах Слонима, еще одним доказательством нефемерности надежд на скорое духовное возрождение России, тем более что книги Бабеля стали одним из самых убийственных развенчаний большевистской идеологии, так как показывают, что она стимулирует высвобождение "нечеловеческого в человеке". Вот отчего "Конармия", по мнению Слонима, "останется в русской литературе как одно из самых страшных изображений революции" (с. 107).

Особенно важно для Слонима полное отсутствие предвзятости, отличающее Бабеля. Он сумел, как никто больше, показать гражданскую войну с поистине исчерпывающей полнотой. "То, что для Бабеля было миром дикого безумия, - пишет критик, - являлось естественной средой для людей непосредственных и простых ощущений, которых с размаху била смертоносная и крепкая рука. И описывая эту цельность, кровное родство человека со стихией истребления вещей и жизней, Бабель из-под своих очков замечал с пронзительностью художника и идеалиста и другое, ускользавшее от дальнозорких сеятелей смерти и вражды, от слепых апостолов всемирного братства с гранатами за поясом. И как бы ни были лаконичны его описания, в них, наряду с ужасом, волнуется и человечность" (с. 108).

Эмигрантская литература оценивалась критикой "Воли России" в целом намного более сдержанно, причем оценки не менялись и в тех случаях, когда речь шла о творчестве постоянных авторов журнала. Несколько раз о поэтах своего поколения писал в журнале А.Эйснер, регулярные обзоры альманахов и журналов диаспоры публиковал С.Постников. В 1929 "Воля России" устроила литературный конкурс, на который было прислано 94 рассказа из Европы, Америки, Китая, и по итогам конкурса Слоним написал статью "Молодые писатели за рубежом" (№ 10/11), где определяющим качеством эмигрантской литературы названа "отсталость" от современных художественных веяний, вообще от современной действительности.

С горечью констатируя всевластие "насаждаемого литературного консерватизма", Слоним писал о вторичности, старомодности, творческой анемии, поразившей его при чтении присланных рукописей, и, переходя к обобщениям, выделил лишь несколько писателей, доказавших способность "нарисовать механическое однообразие жизни современного человека, его окруженность вещами, его трагическую судьбу одинаковости и бессмыслия" (с. 115). Такими писателями были Набоков-Сирин (его "Возвращение Чорба" получило высокую оценку и рецензии за подписью Г.Х. - 1930, № 2) и Газданов, о котором сказано, что "главную прелесть его повестей и рассказов составляет соединение воображения и остроты художественного зрения, эмоциональная напряженность, всегда сдержанная иронией и рассудочностью" (с. 116).

Журнал считал своей обязанностью поддерживать авторов, наделенных вкусом к эксперименту и обращающихся к материалу, отмеченному невымысленной актуальностью. Эта линия не всегда увенчивалась ожидаемыми результатами; в частности, таким оказался начатый, но не опубликованный в журнале до конца роман Ивана Болдырева "Мальчики и девочки", где изображалась трудовая школа в первую пореволюционную зиму. На страницах "Воли России" появлялись произведения молодых в ту пору авторов, которые вошли

в историю литературы русского зарубежья. Довольно много печатался А. Несмелов, обратили на себя внимание стихи Б. Божнева, проза В. Андреева, который опубликовал и очерк "Ф. Тютчев (1803-1873)" (1928. - № 12).

Предваряя подборку "Парижские поэты", С. Постников отмечал в 1926, что "без имени в "Современные записки" попасть нельзя", и "Воля России" взяла на себя основную заботу о не допускавшихся на парижский Парнас. Это отвечало общей линии журнала, но кроме того дала себя почувствовать полемическая установка по отношению к "Современным запискам" и писателям, поощряемым главным из эмигрантских журналов. Полемика завязалась с первых же номеров "Воли России", не ослабевая до самого конца ее существования.

Спор был принципиальным, и тон ему, как и следовало ожидать, задавал Слоним, в 1922 (№ 2) в статье "Метаморфозы национал-либерализма" подвергший резкой критике взгляды П. Б. Струве, а тем самым и ту позицию, которую заняла консервативная эмиграция, - позицию милюковского круга, ориентацию, принятую для себя "Русской мыслью" и "Современными записками". Слоним обвинял Струве в том, что он "не способен вложиться в русскую жизнь, сопричислиться новой России, осознать сдвиги классов, отношений, психологии, совершившихся на родине", и, развивая эти тезисы, констатировал - "с позиции социалистической демократии" - "кризис эмиграции". Так называлась его статья (1922. - № 6), где речь шла о консервативной эмиграции как определенной влиятельной среде, слепоющей наивные мечты о "немедленном свержении" большевизма и категорически отказывающейся признать, что после катастрофы жизнь в России не остановилась, "что Россия не гниет, а живет и ищет - хотя и в муках смертных". Слоним был убежден, что "не здесь, а там будут развязаны все узлы, сказаны все освобождающие слова", и требовал "избыть современный эмигрантский кризис, прийти к решительному разрыву с прошлым" (с. 6).

Эти мысли получили развернутое освещение в нескольких последующих статьях Слонима, которым и автор, и редакция,

несомненно, придавали программный характер. Первой из них была "Живая литература и мертвые критики" (1924. - № 3), начинавшаяся незавуалированными выпадами против З.Гиппиус и близких ей писателей: "В эмиграции существует весьма распространенная порода людей, присвоивших себе неслагодарную обязанность: быть постоянными плакальщиками на похоронах России... Подобно длинноволосому витии из "Двенадцати" Блока, умеют они только восклицать: "Погибла Россия!" - и всякое противоположное утверждение считают или позорным оскорблением национального чувства, или большевистским умышлением... особенно если речь идет о духовной, умственной жизни России" (с. 53). Решительно не соглашаясь со статьей Гиппиус, где говорилось, что "чаша русской литературы из России выброшена", Слоним указывал на последние книги Ахматовой, Пастернака, Сологуба, Волошина, Белого и спрашивал: "Что может противопоставить этому эмиграция?.. За эти шесть лет - ни одного нового умственного или художественного течения, ни одной новой поэтической школы, ни одного крупного беллетриста, ни одного серьезного поэта" (с. 58). На взгляд Слонима, эмиграция жила исключительно за счет старых литературных накоплений, постепенно их растрачивая, а исключения - ими признавались Цветаева, Ходасевич и отчасти Алданов - только резче оттеняли творческую бесперспективность, ставшую уделом литературы зарубежья. И следовал вывод, который впоследствии Слоним повторял не один раз: "Да, умерла старая Россия. Не Россия - а только один лик ее исторических воплощений. И для тех, кто, быть может, сам того не сознавая, был кровно связан с определенными формами быта, жизни и психики, наступил темный провал, смертная тишина, и, конец. Это субъективное ощущение смерти они переносят на всю Россию" (с. 60).

Не разделяя подобных взглядов и настроений, Слоним чрезвычайно пристрастно оценивал созданное в эмиграции писателями старшего поколения, "академиками", по его ироничной терминологии. Бунина он считал "мертвым", хотя и высокопрофессиональным прозаиком, резко нападал на Зайцева за

"слащавые идиллии", писал о творческой исчерпанности Шмелева, о непоправимом упадке Мережковского как исторического романиста. Особое внимание уделялось "истинному западнику" Алданову как единственному новому автору, достойному серьезного критического разбора. Слоним (1925. - № 5) в связи с "Чертовым мостом" и "Св. Еленой" дал развернутую характеристику Алданова, признав за ним яркое, однако скорее беллетристическое, чем собственно художественное дарование: "Он в литературе застегнут на все пуговицы, и за его изящной простотой скрывается тщательная подготовка и строгий план. У него хороший глаз и чутье деталей: он знает цену мелочам и репликам, якобы случайному штриху и оброненному слову" (с. 160-161). Однако проза Алданова, по Слониму, лишена серьезных идей, если не считать таковой "идею исторического бессмыслия, сознание тленности и ненужности человеческих усилий и общественных исканий". Через несколько лет, рецензируя "Ключ" (1930. - № 1), Слоним высказался еще более сурово: "Безотрадный роман, в котором до конца царствует атмосфера духоты и обреченности" (с. 50).

Любопытно, что примерно в таких же понятиях Д.П.Святополк-Мирский, несколько раз промелькнувший на страницах "Воли России", описывал творчество Цветаевой, в частности, "Крысолова" (1926. - № 6/7), но густоту этой атмосферы он признавал несомненным достоинством произведения. Слоним, напротив, склонен считать, что это добавочное свидетельство мертвенности, поразившей всю старую - не годами, а пафосом и стилистикой - эмигрантскую литературу: "Основной грех эмиграции - это ее неподвижность... Это литература без молодежи, а это значит - без будущего. В ней уверенно царят представители старого поколения - старого не годами только, а своей художественной манерой, своим подходом к искусству... Литература эмиграции поражает именно отсутствием каких-либо, хотя бы формальных достижений; в ней совершенно не проявляются те упорные и очень любопытные искания в области слова, которые идут в России... Она остановилась на лето 1914-м от Рождества Христова. Она ничего не

продолжает, а только повторяет" ("Литература эмиграции". - 1925. - № 2. - С. 176-177). Продолжение этой важной статьи, появившееся в № 4, содержало грубые выпады против Бунина и Мережковского как крайних литературных староверов, удушающих всякое живое и нетрафаретное художественное мышление, и настойчиво повторяемую мысль о музейном, реставраторском характере эмигрантского творчества: "Тот стиль жизни, которым жила Россия 15 лет тому назад, умер навсегда. Но эмигрантская литература упорно стремится, чтобы ее манера письма соответствовала этому, умершему и погребенному под развалинами империи стилю. В этом - ее трагическое несоответствие, историческое, национальное. В этом и ее осуждение, если не сумеет она вырваться из-под власти вчерашнего дня" (с. 183).

Такие надежды, если они и правда были у Слонима, с ходом лет не оправдывались, и тон его высказываний об "академиках" становился все более скептическим, а подчас и нетерпимым. "Вся Россия стала иной, чем прежде, - пишет он в 1926 ("Литературные отклики". - № 8/9), - и никогда не станет такой, какой ее рисуют парижские или белградские патриоты. И напрасно думают они, что у них патент на "любовь к России", истинный национальный дух и прочее. Они не Россию любят - они нынешнюю живую, растущую и борющуюся Россию ненавидят, - а свою мечту о прошлом России. Поэтому забывают они, что не заключена проблема русской жизни только в спасительной формуле "борьбы с большевизмом", а оттого, что будут свергнуты большевики... еще не разрешатся все вопросы русской жизни... Такие же неожиданности подстерегают наших лжепатриотов и в области литературы. Ибо уже и теперь России понятнее Леонов, чем Бунин, и Никитин, чем Шмелев. И будущее принадлежит именно тем Пастернакам, Артемам Веселым и Замiatинным, над которыми издеваются Гиппиусы" (с. 97).

Истина оказалась далеко не столь ясной и самоочевидной, как полагал Слоним, уверенно выносивший приговоры и делавший прогнозы, иной раз оправдавшиеся с точностью "до наоборот". Однако позицию "Воли России" его статьи выражали с предельной

четкостью, и эту позицию необходимо признать вполне последовательной. В "Литературном дневнике", коснувшись острой темы "литературной критики в эмиграции" (1928.. - № 7), Слоним как бы подвел итог своей многолетней полемики с "Современными записками", заявив, что "эмигрантской литературы как целого, живущего собственной жизнью, органически растущего и развивающегося, творящего свой стиль, создающего свои школы и направления, отличающегося формальным и идейным своеобразием, - такой литературы у нас нет. Хорошо это или дурно, но это неопровержимый факт, и что бы ни говорили Кнуты, Париж остается не столицей, а уездом русской литературы" (с.63-64).

Выход Слоним видел "только в одном: в преодолении этой провинциальной эмигрантской гордыни, в отказе от иллюзий мнимой державности, от противоположений "нас" и "их", в сознании своей общности и единства с русской литературой не как с абстрактным понятием, а как с совершенно реальной и конкретной современной действительностью" (с. 65). Он спорил с Г.Адамовичем, защищавшим литературу "нищанско-уайльдковского толка", отказывающуюся от "тех моральных и религиозных ценностей, которыми люди спасаются" ("Литературный дневник. Гибель литературы" - 1929. - № 3), но еще последовательнее Слоним был в своем неприятии арханки, снова и снова повторяя: "Эмигрантская литература умирает не только потому, что она эмигрантская, т.е. неестественная, оторванная, обособленная, но и потому, что она безыдейная и скудная" ("Заметки об эмигрантской литературе" - 1931. - № 7/9. - С. 619).

В этом смысле "Воля России" не претерпела сколько-нибудь заметной эволюции за одиннадцать лет своего существования, хотя литературная ситуация в эти годы переменилась радикально и те перспективные всяния, которые поначалу обеспечили молодой советской литературе высокий эстетический престиж, были насильственно подавлены, так что получил всекие подтверждения тезис Замятина, считавшего, что у русской литературы нет будущего, помимо прошлого. "Воля России" отреагировала на эти изменения

тревожными откликами на травлю Замятина и Пильняка, заметками о разгроме "Перезала", обличениями "сталинщины в литературе", но не отказалась от своей убежденности, что какие-то перспективы для русской культуры сохраняются только на родине.

Впрочем, к этому времени критическим стало и положение пражского журнала. Отчасти это было связано с ухудшением ситуации в Чехословакии, сближавшейся с СССР и постепенно отказывавшейся от многих форм поддержки русской диаспоры. Так или иначе, с 1931 "Воля России" выходила нерегулярно, строканными книжками. 1932 открывался стихами Ан.Ладинского под заглавием, оказавшимся пророческим для журнала, - "Корабль терпит бедствие". Вышел еще один строканный номер - № 4/6 - и журнал закрылся.

А.М.Зверев

"ВСТРЕЧИ" (Париж, 1934. - № 1-6. - Янв.-Июнь) - ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал (шесть номеров со сквозной нумерацией, общий объем 286 с., указатель содержания всех номеров - в последнем, шестом номере); редакторы - Г.В.Адамович, имевший "мало кем оспариваемый титул" первого эмигрантского критика" (Иванов Г. "Конец Адамовича" // Иванов Г. Собр. соч.; В 3 т. - М., 1994. - Т.3. - С.600) и М.Л.Кантор, в прошлом, в России - помощник присяжного поверенного, редактор (после смерти в 1926 М.М.Винавера) еженедельника "Звено" в Париже, соредатор, вместе с Адамовичем, сборника "Якорь".

Г.Струве назвал журнал "скромным, без всяких претензий на программу" (Струве. - С.218). Если у журнала и не было сформулированной программы, то достаточно четкими были его тональность, направленность, круг проблем и интересов - эстетических, этических, политических. Заявленные в его названии, они определялись главным образом Г.Адамовичем, о котором

Ю.Терапиано заметил: "Можно без преувеличения сказать, что очень и очень многие молодые поэты и писатели зарубежья "думали по Адамовичу", воспитывались на нем..." (Терапиано. - С.186). В журнале произошло несколько "встреч". Прежде всего "ветеранов" первой волны русской эмиграции и ее второго, молодого поколения, на которое в основном и делали ставку редакторы, что привело к большей идеологической открытости и тематической широте журнала. В нем публиковались Д.Мережковский, З.Гиппиус, И.Шмелев, Г.Иванов, И.Одоевцева, М.Цветаева, имевшие большее или меньшее признание еще в России, и авторы, заявившие о себе главным образом в эмиграции - Н.Берберова, Р.Блох, В.Варшавский, Г.Газданов, В.Злобин, Д.Кнут, Ю.Мандельштам, Б.Поплавский, Ю.Фельзен, А.Штейгер; появляются новые имена - Л.Ганский, К. Зноско-Боровский, П.Ставров, Р. Пикельный, выступивший как прозаик и художественный критик "Встреч". В отделе критики основные сотрудники - "мэтры" Г.Адамович, В.Вейдле, П.Бицилли, М.Кантор.

Журнал был разнообразен тематически и жанрово - в нем печатались рассказы и стихотворения, мемуарная проза, литературоведческие статьи и литературные рецензии, постоянные рубрики "Искусство", "Театр", "Кино", "Размышления Педанга" на филологические темы - о точности словоупотребления, социально-политические статьи, публикации о литературных конкурсах, реклама литературных изданий, но в этом внешнем разнообразии можно различить основные линии, контуры, определяющие лицо журнала, его своеобразие и уникальность.

В открывающем первый номер, анонимном, "от редакции" эссе "Торжество Бунина" звучит традиционный для русской литературной эмиграции мотив особого приоритета русской культуры и литературы, утешительный "не только для русского национального самолюбия" (с.3), но и для всех поклонников "чистого искусства". Стоит только подумать, говорится в эссе, о творчестве последних Нобелевских лауреатов - о "романсированных" репортажах Синклера Льюиса, о семейных хрониках Голсуорси, чтобы увидеть, насколько

увенчание этих писателей обусловлено было привходящими и в сущности чуждыми искусству обстоятельствами - бытовым и социальным содержанием романов, приобретающих иногда значение документов, авторитетных свидетельств об эпохе, иногда даже активного вмешательства в борьбу классов, поколений, политических течений. Всего этого творчество Бунина лишено отчасти волею исторических событий, разрушивших тот бытовой и общественный уклад, на фоне которого ему, казалось, предназначено было развернуться, но, главным образом, в силу таинственных влияний личной судьбы, замкнувшей художественное мироощущение Бунина в "тесный" круг вневременных вопросов человеческого бытия - жизни, смерти и любви.

Обращение к теме памяти, прошлого, традиции русской литературы, объединяющее "Встречи" с другими журналами и изданиями русской эмиграции, по-разному обыгрывается в статьях и эссе: З.Гиппиус в связи со своими парижскими воскресными вечерами ("Встречи и свобода", N 2) вспоминает о вечерах в Петербурге в своем доме, от их "духе свободы" и рассматривает их как преисторические встречи, послужившие "предисловием".

"Господство памяти, - пишет М.Кантор в статье "Бремя памяти", - не произвольно избранный Сириным удел, это - рок, "мучительный и сладкий искуc". Весь огромный литературный арсенал Сирина, его разительные сравнения, изощренные метафоры, образы, метонимии - того же мнемонического происхождения. Предметы и явления с такой навязчивой силой врезаются в сознание Сирина, что, рассказывая о них, он не может просто назвать их. Он силится воспроизвести их с той же отчетливостью и выпуклостью, с которой они запечатлены в его необыкновенной памяти" (№ 3. - С.128).

Тема памяти у Ю.Терапиано проникает в его "Литературные сны" (№ 4): он вспоминает, что в 1926 ему приснилась встреча с Тютчевым и Пушкиным, читавшим "Для берегов отчизны дальней"; Пушкина, замечает Терапиано, "я видел так реально, что и сейчас он передо мною, как живой".

В журнале опубликована мемуарная проза М.Цветаевой "Хлыстовки" (№ 6) - о детстве, о Тарусе, эссе "Открытие музея" (№ 2) - об открытии основанного И.В.Цветаевым Музея изящных искусств Александра III (Москва, Волконка), на котором присутствовал Николай II с дочерьми, - посвященное другу Цветаевой князю С.Волконскому, печатавшемуся во "Встречах" в рубрике "Театр". Известна длительная вражда Цветаевой и Адамовича, начавшаяся, видимо, после того, как Цветаева написала статью "Поэт о критике" (с дополнением в виде "Цветника" - цитат из критических выступлений Г.Адамовича, иллюстрировавших произвольность и легковесность его оценок в "Литературных беседах" в "Звене" за 1925) (Благонамеренный. 1926. - № 2). Но несмотря на эту вражду, на то, что Адамовичу (ценившему акмеизм с его поэтической сдержанностью, ясностью) была чужда эстетика Цветаевой - ее "скачущие ритмы", резкие переносы. В журнале были опубликованы ее стихи: "Стол" (№ 1) из одноименного цикла и "Ici-Haut" (из цикла памяти Максимилиана Волошина) (№ 4, 5).

Тема памяти как пересмотра прошлого, далекого и близкого, уточнения репутаций и канона представлена в статьях М.Горлина "К столетию "Русских ночей" (№ 3), Г.Адамовича "Памяти Андрея Белого" (№ 2), в эссе Г.Газданова "Литературные признания" (№ 6).

Г.Адамович, называя Белого замечательным романистом, талантливым стихотворцем, блестящим критиком, пересматривает, однако, его репутацию, полагая, что лучшее в нем то, о чем он промолчал, а гениально лишь то, "перед чем он беспомощно остановился" (№ 2. - С.56). Ценнейшее в А.Белом - его неудача: "Творчество Белого было отрицательное: он только оттенял, отступал и безудержной болтовней пытался обморочить самого себя... А тема так и осталась вне слов, за словами" (с.57).

В.Брюсову досталось от Газданова ("Литературные признания"), которому кажется странным, что 30 лет назад критика ставила рядом имена Блока, Брюсова, Белого: "Как можно было этого несчастного Брюсова, который был глубочайшим образом лишен самого ничтожного поэтического дарования, по сравнению с

которым какой-нибудь Клюев - просто титан, сравнивать с Блоком?... среди тех, кто хвалил Брюсова, были люди, прекрасно все понимающие: и ни в их честности, ни в их уме, мы не имеем никакого права сомневаться. Нет, по-видимому, было нечто неуловимое, прекрасное и преходящее, что они чувствовали и понимали и чего мы, наверное, никогда не постигнем. И Брюсов это как-то выражал - хотя нам это и кажется чудовищно нелепым..." (с.260).

Видимо, редакция почувствовала себя шокированной этим ниспровержением "авторитета", ибо тут же заявила, что не несет "ответственности за все мысли, высказываемые ее сотрудниками". Это относится ...и к интересной статье Г.Газданова "...оценк. Брюсова - слишком личная, слишком несправедливая, чтобы мы могли оставить ее без возражений... У Брюсова стихотворцы учились не только ремеслу, но и искусству, - и именно он, первый, вновь ощутил и показал разницу между поэтичностью и поэзией. Без подлинного природного таланта это едва ли было бы возможно" (№ 6. - С.262).

Примечательно, что в художественной прозе журнала - в рассказах Ю.Фельсена "Чудо" (№ 2), Н.Берберовой "Смерть Вальковского" (№ 4), А.Штейгера "Жид" (№ 3), Р.Пикельного "Нежнейшее воспоминание" (№ 4), М.Агеева "Паршивый народ" (№ 4) преобладает тема смерти в разных формах (убийство, самоубийство, смерть как наказание, возмездие и пр.), что создает определенную тональность, передает трагическое мироощущение писателей разного уровня дарования, объединенных общим умонастроением. К ним примыкают и критики, литературоведы, избравшие темой своих статей "закатные", кризисные явления в литературе и культуре. Среди них обращают на себя внимание "Поэзия гибели" М.Горлина (№ 6), "Сумерки стиха" В.Вейдле (№ 3); "Пляска смерти" П.Бицилли (№ 4).

М.Горлин пишет о феномене давно забытого поэта, который вдруг возникает из прошлого и "подходит к нам", как наши современники. В данном случае он имеет в виду Клавдиана, поэта, последних дней Рима, создателя странного искусства, исполненного

ощущением "гибели и истерических надежд на спасение". В.Вейдле обыгрывает тему смерти, гибели, вырождения как феномен собственно поэзии. "Современное состояние стихотворного искусства, - пишет он, - совсем не определяется одним лишь недостатком гениев; еще характерней для него медленный склероз, поражающий средние поэтические таланты... единственный смысл большинства русских, как и французских или английских стихов недавнего времени, заключался в том, что их совокупность образовывала органическую среду, питательный бульон, необходимый творчеству большинства больших поэтов... нам грустно, что миновал недавний поэтический расцвет: еще грустней убедиться, что в нем самом многое было суетно и ложно" (№ 6. - С.105). П.Бицилли рассуждает о стихии хорей как "древнем хаосе", поэзии возврата к изжитой, логической стадии, поэзии снов, колдовских чар, самозабвения. У Тютчева, поэта ночи, 31 стихотворение написано хореем. В хорейческой поэзии Г.Иванова преобладает мотив смерти" (№ 4. - С.176).

В этом контексте обретает особый смысл и статья литературоведа-медиевиста Евгения Винавера "Уголовный роман" (№ 6) - исследование маргинального, "когда-то всеми презираемого жанра, занявшего со времени войны... исключительное место" (с.256). Характерны рассказы Ю.Фельзена "Чудо" (№ 2) - о судьбе французского инженера, ставшего после фронтового ранения морфинистом и после безнадежных попыток излечиться покончившего с собой; рассказ Б.Поплавского "В горах" (№ 6) - о молодом католическом священнике, испытывающем муки любви.

Стремление ввести русского читателя-эмигранта в контекст европейской культуры, избежать изоляции, явного, намеренного предпочтения русской темы, самоограничения ею, что было свойственно русской эмиграции старшего поколения, анализ состояния современной западноевропейской литературы, особенно французской и английской, - одно из важнейших направлений журнала. Очевидно существенное значение, придаваемое рубрикам литературных и искусствоведческих рецензий.

Ю.Фельзен трезво оценивает "головокружительный успех" Мальро ("Французские тридцатые годы". - № 1), получившего в 1934 Гонкуровскую премию за книгу "Условия человеческого существования". Фельзен находит у Мальро два счастливых писательских свойства: способность к коротким, удачным формулировкам, передающим поверхностную, внешнюю сторону отношений, физиологическую или физическую, и неудержимый, неистовый темперамент, - в чем видится не творчество, а импровизация, часто беспомощная, местами блестящая. Восторги критиков рецензент объясняет личным влиянием и шармом писателя.

В подписанной инициалами Ю.Ф. (Ю.Фельзен) заметке "Франсуа Мориак - академик" (№ 1) комментируется избрание в Академию Мориака. Учитывая то, что обычно лучших французских писателей - Бальзака, Стендаля, Бодлера - в "бессмертные" не избирали и даже "проваливали", избрание Валери и Мориака рассматривается чуть ли не как чудо. Особенностью Мориака рецензент считает его "элитарность" и вместе с тем успех у широкой публики: он пишет "понятно" и у него возвышенная религиозно-буржуазная мораль.

П.Бицилли в статье "Франко-русские влияния" (№ 1) раскрывает литературное влияние, совпадения (Тютчев - де Сталь, А. де Виньи - И.Анненский). Негативно оценивается одна из современных попыток модернизировать классику (В.Вейдле. Подновленный Диккенс. - № 1), предпринятая английским поэтом, романистом, критиком Робертом Грейвзом, который использует фабулу "Давида Копперфилда", корректирует "ошибки", дает роману новое заключение, устраняет все, на его взгляд, лишнее" (с.38).

Журнал "Встречи" выходил в 1934 - "на перепутьи всех времен" - отсюда тревожное чувство, пронизывающее его, смесь жанров, общественно-политическая направленность. Для пронизательного глаза актуальной стала тема угрозы новой мировой войны. Об этом статья "Война или мир" (№ 1) М.Бенедиктова, провидчески утверждающего: никто не хочет верить в близость катастрофы, хотя

за последние 15 лет не было момента более опасного. Гитлер, расписываясь в миролюбии, готовит почву для новой войны, и редакция обратилась к четырем молодым эмигрантским писателям - В.Варшавскому, Б.Поплавскому, Ю.Терапиано, Ю.Фельзену с просьбой прокомментировать проблему "Личность и общество", от которой зависит будущее европейской культуры. Все они выступили в защиту личности, против любых форм ее подавления, будь то коммунизм или национал-социализм (Личность и общество. Анкета. - №3).

Программное направление журнала - отход от "стереотипа" старшего поколения русской эмиграции - игнорирования или огульного поношения всего, происходящего в Советском Союзе. Авторы стремятся к объективности анализа, информативности, хотя критическое начало преобладает. Это направление, вероятно, также определялось Г.Адамовичем, который, по словам Г.Иванова, будучи строгим и капризно-придирчивым к эмигрантской литературе, по мере приближения войны почти не находил для советской поэзии и прозы "иных выражений, кроме почтительно восторженных". В эссе "Незнакомка" (№ 1) Адамович отмечает убыль интереса к советским книгам, еще несколько лет назад столь острого, внушенного не только вниманием к России, но и жадой новых эстетических эмоций.

Редакционная политика журнала построена на открытости, движении навстречу актуальным, острым общественным проблемам. В первом же номере опубликована статья Д.Мережковского "Антисемитизм и христианство" - на тему, которая, по замечанию редакторов, приобрела в последнее время острый интерес. Антисемитизм и христианство, по словам Мережковского, - вечный вопрос, неразрешимый в той плоскости, где он почти всегда решается, - национально или даже интернационально - политический, разрешимый только в плоскости религиозной, где он и возник. "Четверть века назад" он уже был поставлен В.В.Розановым... Худо было тогда, что мы их не слышали; как бы не было хуже, если опять не услышим. Кажется, нигде, никогда не ставился этот вопрос с такой режущей остротой, как на теле России" (с.11).

В том же первом номере напечатан "кишиневский рассказ" Довида Кнута "Кругоголов и компания" - о тринадцатилетнем еврейском подростке, заболевшем "высокой болезнью" - любовью к поэзии, "неизлечимой, как рак". Тема "евреи и русское национальное сознание" возникает в рассказе А.Штейгера "Жид" (№ 3) - в контексте парижской эмигрантской жизни. "Паршивый народ" (№ 4) - рассказ М.Агеева (псевд. М.Леви), автора "Романа с кокаином", - центральное место в котором принадлежит еврейской теме.

В журнале печаталась хроника жизни русской эмиграции. Неоднократно возникает вопрос о создании "Литературной Академии русского зарубежья", явно занимающий умы русских литераторов-эмигрантов. Д.Философов (№ 1. - С.35) предложил включить в ее состав писателей старшего поколения: Бунина, Мережковского, Гиппиус, Куприна, Зайцева, Вяч.Иванова, Ремизова, Бальмонта, Шмелева, Немировича-Данченко, Амфитеатрова, а кандидатами сделать писателей "среднего возраста" - Цветаеву, Ходасевича, Алданова, Оцупа, Адамовича, Г.Иванова, Осоргина, Берберову. "Молодая поросль" - Шаршун, Газданов, Сирин, Фельзен, Ладинский, Кнут, Зуров, Поплавский, Смоленский Терапиано, Мандельштам и др. должны выпускать журнал. Это предложение иронически комментирует в своей рубрике "Будни и праздники" Меланхолик в заметке "Вольтер, или фельдфебель" (№ 1).

В социологическом исследовании Н.Кнорринга "Эмиграция и книга" (№ 4) приведены библиотечные статистические данные, имеющие важное значение для суждения о вкусах русских читателей во Франции и тем самым - о духовных запросах и культурном уровне эмиграции.

См. также публикацию Г.Струве: К истории русской зарубежной литературы: О парижском журнале "Встречи" с приложением переписки двух редакторов // Новый журнал. - 1973. - № 10.

ГОЛОС МИНУВШЕГО НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

(Париж, 1926-1928. - № 1-6). На чужой стороне (Берлин, Прага, 1923-1925. - № 1-13). "Голос минувшего на чужой стороне", как и предшествовавшие ему сборники "На чужой стороне", является непосредственным продолжением исторического журнала "Голос минувшего", выходившего в Москве в 1913-1923 под редакцией С.П.Мельгунова и В.И.Семевского. Журнал либерально-демократического направления, приветствовавший Февральскую революцию, после октября 1917 оказался в резкой оппозиции к новой власти. Осенью 1922 значительная часть московского кооперативного книгоиздательства "Задруга", выпускавшего "Голос минувшего", была выслана за пределы РСФСР и сначала в Берлине, а потом в Праге стала издавать "историко-литературные сборники" "На чужой стороне" под редакцией С.П.Мельгунова с участием В.А.Мякотина и Е.А.Ляцкого. Новое название было вынужденным, поскольку в Москве в это время еще продолжал выходить журнал "Голос минувшего". Но книгоиздательство "Задруга" было ликвидировано в том же 1923, и московский журнал "Голос минувшего" прекратил свое существование. Поэтому, когда в 1926 издание сборников было перенесено в Париж, редакция сочла возможным дать возобновленному журналу наименование "Голос минувшего на чужой стороне", подчеркнув тем самым верность двум прежним традициям. Как и московский журнал, парижский (в дальнейшем обозначаемый "ГМ") стал выходить с подзаголовком "журнал истории и истории литературы" (под редакцией С.П.Мельгунова, В.А.Мякотина и Т.И.Полнера).

Журнал сохранил свою прежнюю структуру - в нем печатались статьи по вопросам русской и западноевропейской истории, культуры, искусства, литературы; публиковались обширные архивные материалы - воспоминания, дневники, письма, документы; он содержал богатый критико-библиографический отдел "Среди книг", где рецензировались издания историко-культурной тематики, выходившие как за рубежом в русской эмигрантской и иностранной печати, так и в Советской России. На страницах "НЧ" и "ГМ"

публиковали свои исследования и публицистические статьи историки В.А.Мякотин, С.П.Мельгунов, А.А.Кизеветтер, Т.И.Полнер, В.С.Озерецковский, А.Ф.Изюмов и др.; неоднократно печатались П.Н.Милюков, Т.А.Осоргина, Дионео, М.А.Алданов, М.Л.Гофман.

Первые номера "НЧС" и "ГМ" открывали редакционные статьи о литературно-общественной платформе изданий, их целях и задачах в условиях эмиграции. Журнал заявлял о своей верности старым культурным заветам русской либеральной интеллигенции. "Различны, быть может, наши политические настроения, различны, возможно, оттенки нашего общественного демократизма, но едино наше восприятие старой русской культуры, едина наша оценка ее духовной и моральной сущности. И неизбежно в современных условиях общественной растерянности и упадка, с одной стороны, и неясных исканий - с другой, - наше единство многие назовут интеллигентским староверием. Да, мы не отказываемся от нашего прошлого. Мы высоко ценим его, хотя, вероятно, болезненнее других сознаем все ошибки прошлого. И здесь - на чужой стороне - мы хотим посильно служить культуре. В наших сборниках мы будем вспоминать и выявлять черты русского быта, русской мысли, русского искусства. Мы будем характеризовать современные сумерки русской культуры, ее разрушение..." (От редакции // НЧС. - 1926 - № 1. - С.VII-VIII).

"Нельзя быть в эмиграции и не касаться современности, слишком жгучей для нас, слишком больно затрагивающей чувства и мысли каждого из нас. Сохраняя форму исторического журнала, "Голос минувшего" будет ближе подходить к современности, чем это было в прежние годы" (ГМ. - 1923. - № 1. - С.VIII).

Журнал занимал в целом антибольшевистскую позицию, разделяя, однако, с одной стороны, характерное для русской либеральной мысли резко отрицательное отношение к самодержавной России, а с другой - защищая идеи русского освободительного движения, приведшие к Февральской революции. "Интеллигентское староверие" сказалось и в западнической

ориентации "НЧС" и "ГМ" как исторических журналов. Поэтому для "НЧС" и "ГМ" были одинаково неприемлемы и евразийская концепция истории России, и историософские построения русской идеалистической философии. И в евразийстве, и в трудах Н.Бердяева, С.Франка, Л.Карсавина (рецензии на их книги неоднократно печатались в критико-библиографическом отделе журналов) авторы "НЧС" и "ГМ" видели прежде всего отказ от идей западной демократии, идеи свободы личности: "сумерки современной культуры" - проявление кризисного состояния русской общественной мысли.

Считая своим долгом откликаться на "жгучие" вопросы современности, "НЧС" и "ГМ" уделяли серьезное внимание публикациям статей и архивных материалов по истории русского революционного движения и особенно - относящихся к недавнему прошлому России, эпохе двух революций, гражданской войны, красного террора. Здесь наряду с документами были широко представлены дневники писателей и общественных деятелей, мемуарная и эпистолярная литература. На страницах "НЧС" неоднократно печатались очерки-воспоминания М.А.Осоргина о русских эсерах. Мемуарный характер имела публицистическая статья Дионео, посвященная позднему народничеству "Старая лондонская эмиграция (Чайковский, Кравчинский и др.)" (ГМ. - 1926. - № 4). В 8-10 номерах "НЧС" (1925) печатался "Петербургский дневник" С.Р.Минцлова, рисующий общественно-политическую атмосферу Петербурга 1908-1910; первая часть "Дневника" за 1905-1906 была опубликована еще в 1917 в московском "ГМ". В 11 номере "НЧС" (1925) представлены главы из книги С.Я.Эфрона "Записки добровольца" об октябрьских событиях в Москве 1917 г. Из номера в номер в 1923-1925 в "НЧС" публиковались воспоминания о белом движении на Украине В.А.Мякотина "Из недалекого прошлого"; в 4-м номере "ГМ" (1926) был напечатан очерк А.И.Деникина "Польша и Добровольческая армия", вошедший впоследствии в пятый том "Очерков русской смуты". Некоторые публицистические статьи в "НЧС" и "ГМ" были посвящены Советской России; особенно

интересны публикации В.А.Розенберга о состоянии журналистики, книгоиздания и образования при советской власти. К ним примыкает статья В.Озерецковского "Культурная работа в Советской России" - о московском книгоиздательстве "Задруга", с которым были связаны многие сотрудники "НЧС" и "ГМ" (ГМ. - 1926. - № 4).

Как журналы "истории литературы" "НЧС" и "ГМ" отличаются определенным эстетическим консерватизмом, таким же "интеллигентским староверием", что и в области историко-общественной мысли. В основном на страницах журнала публиковались исследования и материалы о творчестве русских писателей XIX в. - А.С.Пушкина, В.А.Жуковского, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, М.Е.Салтыкова-Щедрина, А.Н.Островского и др.

Основную ценность здесь представляют публикации новых, ранее не изданных материалов из литературного наследия писателей, их письма, воспоминания, дневники. Особенно часто "НЧС" и "ГМ" обращались к именам Л.Н.Толстого и В.Г.Короленко, видя в них "представителей великой литературы и представителей лучшей части русской интеллигенции" (От редакции // НЧС. - № 1. - С.VIII). Редакция "НЧС" увидела символическое значение в том, что первый номер сборника открылся публикацией отрывков из не изданных тогда произведений В.Г.Короленко (рассказы из "Американских очерков") и Л.Н.Толстого (фрагменты черновых редакций "Альберта" и "Войны и мира"). "Это зная, под которым мы будем идти, это старое зная, под которое будем звать и новое молодое поколение" (там же, с.VIII). Толстовская тема в том же номере сборника была продолжена статьей С.П.Мельгунова "Уход Толстого в освещении Черткова". Статья явилась одним из первых откликов в русской печати (советской и эмигрантской) на книгу В.Г.Черткова "Уход Толстого" (М., 1922), и С.П.Мельгунов имел впоследствии все основания с обидой процитировать слова М.Горького, заявившего, что в русской печати не нашлось никого, кто бы указал, что "прямая и единственная цель этого сочинения - опорочить умершую Софью Андреевну Толстую" (НЧС. - 1924. - № 7. - С.5).

Однако цель рецензии С.П.Мельгунова заключалась не только

в том, чтобы раскрыть односторонность и предвзятость суждений В.Г.Черткова о семейной трагедии писателя. Книга Черткова вновь подняла вопрос о праве издания литературного наследия Л.Н.Толстого, поставила под угрозу работу по подготовке Полного собрания сочинений писателя, которая велась при участии самого С.П.Мельгунова "Товариществом по изучению и распространению творений Л.Н.Толстого". "Появление этой книги привело к разрыву существующей ранее договоренности, согласно которой А.Л.Толстая явилась распорядителем и осуществителем издания, а В.Г.Чертков - как бы главным редактором, цензором толстовского текста, имеющим право накладывать вето" (НЧС. - 1926. - № 1. - С.151).

Между тем автор рецензии на книгу Черткова был убежден, что только при публикации всех материалов - и прежде сего "интимных дневников" писателя - читатель получит полную возможность составить себе объективную картину последних дней Л.Н.Толстого. Стараясь предоставить читателю подобную возможность, "НЧС" и "ГМ" продолжали и в дальнейшем публиковать новые документальные материалы об уходе Л.Н.Толстого. Так, в 4 номере "НЧС" (1924) В.Ф.Булгаков напечатал отрывки из Яснополянского дневника 1910, не вошедшие в первые три издания его книги "Лев Толстой в последний год его жизни". В 7 номере сборника, откликаясь на просьбы своих читателей, редакция поместила "Автобиографию" С.А.Толстой, написанную ею в 1913 для архива С.А.Венгерова и опубликованную в 1921 в первом номере журнала "Начала" (Пб.). Дополнительные сведения об участниках яснополянской драмы читатели "НЧС" и "ГМ" находили также в письмах гр.С.А.Толстой к В.Ф.Булгакову (НЧС. - 1923. - № 2), в отрывках из дневников В.Ф.Булгакова 1912-1914 (печатались под общим заглавием "В осиротевшей Ясной Поляне" в 3-4, 6 номерах "ГМ" за 1926-1927). Из номера в номер в "НЧС" и "ГМ" шла публикация неизданных произведений Л.Н.Толстого, сопровождаемая вступительными статьями и обстоятельным комментарием Т.И.Полнера (отроческие стихотворения Л.Н.Толстого, фрагменты неоконченных романов писателя о

Петре I, о декабристах). Т.И.Полнером были также опубликованы дневники Л.Н.Толстого 1853-1856 (ГМ. - 1926-1927. - №№ 2-6).

Материалы, посвященные В.Г.Короленко, характеризуют его прежде всего как общественного деятеля, имеют биографический характер. Таковы воспоминания П.Митропана "Из "Семейной хроники" В.Г.Короленко в 1918 году" (НЧС. - 1925. - № 10), статья А.Ляковского "Из переписки В.Г.Короленко в ссылке", посвященная вятскому периоду жизни писателя" (НЧС. - 1923. - № 2). Среди публикаций, помимо "Американских очерков", наибольший интерес представляют письма В.Г.Короленко, раскрывающие его деятельность в качестве рецензента беллетристического отдела журнала "Северный вестник" в 1887 (ГМ. - 1926. - № 4).

Многие статьи о русских классиках XIX в. в "НЧС" и "ГМ" приурочены к юбилейным датам - например, статьи В.А.Розенберга о М.Е.Салтыкове-Щедрине, А.А.Кизеветтера об А.Н.Островском. Исследования литературного критика М.Гофмана "Жуковский в семье Протасовых и Восейковых" (НЧС. - 1925. - № 9), "Еще о смерти Пушкина" (НЧС. - 1925. - № 11), опираясь на новые документальные материалы (письма писателей и их современников), позволяли по-новому взглянуть на некоторые факты биографий русских поэтов. В 5 номере "ГМ" (1927) была опубликована еще одна статья М.Гофмана - "К психологии творчества Тургенева", в которой исследователь, опираясь на труд французского слависта А.Мазона "Создание романа Тургенева" (Revue des etudes Slaves. - P., 1926. - Т.5), делает общие выводы о творческом процессе писателя, разбирая его работу над романом "Новь". Во 2 номере "НЧС" (1923) с очерком "Проспер Мериме" выступил Ю.Айхенвальд. Зарубежная тематика присутствует и в эссе Дионео "Мигель де Унамуно", посвященном философским и эстетическим взглядам современного испанского писателя (НЧС. - 1923. - № 3), а также в обширной критической статье И.Степанова "Кризис футуризма", основанной на материале итальянского изобразительного искусства и литературы (НЧС. - 1925. - № 8).

Литературно-критические статьи и рецензии, посвященные

современной русской литературе (советской и эмигрантской), в "НЧС" и "ГМ" встречаются крайне редко. И в этих случаях явления современной литературной жизни России или русского зарубежья рассматриваются под знаком "сумерек культуры", как кризисные явления. Такова рецензия А.Кизеветтера "Крики литературной моды" (НЧС. - 1923. - № 2), непосредственным поводом для которой послужила статья С.Аскольдова о прозе А.Белого, опубликованная в первом номере петроградского альманаха "Литературная мысль" за 1922. Ценитель драматургии А.Н.Островского увидел в стилистических экспериментах А.Белого и его последователей (Б.Пильняка, раннего И.Эренбурга) лишь "балаган и кривлянье". В 4 номере "ГМ" (1926) появился необычный для журнала автор З.Гиппиус (фельетон "Мертвый дух" за подписью Антон Крайний). Публикацией этого действительно "крайне" злобного по своему тону фельетона "ГМ" отозвался на литературную полемику вокруг журнала "Благонамеренный" в русской зарубежной прессе. Выпады в адрес М.Цветаевой, А.Ремизова, Д.Святополк-Мирского были в фельетоне настолько резкими, что редакция журнала в сопроводительной заметке к нему нашла "излишним проникновение в мотивы литературной деятельности обличаемых писателей" (ГМ. - № 4. - С.257), однако солидаризовалась с критикой З.Гиппиус их "духовно-конкретной близости к СССР и большевизму" (там же. - С.264).

В статье-обзоре В.Рысса "Озорство (о "Верстах")" (ГМ. - 1927. - № 5) критикуется не столько "просоветское направление журнала и его "евразийский дух", сколько литературное творчество его авторов (Ремизова, Цветаевой). При этом современным писателям противопоставляются признанные русские классики; обозреватель дает иронический совет "Верстам" публиковать стихотворения Пушкина и Тютчева вместо Цветаевой и Пастернака, а заодно сокрушает Святополк-Мирского, давшего высокую оценку поэзии Гумилева, Цветаевой, Пастернака.

Деятельность журнала высоко оценил Ю.Айхенвальд (Руль. - 1926. - 20 янв., 24 апр., 27 окт.).

"ГОЛОС РОССИИ" (Берлин, 1919. - 18 февраля. - № 1. - 1922. - 15 октября. - № 1085). - ежедневная (кроме понедельника) газета. Издатель - товарищество "Голос России", редактор кн.Шаховской. В первом номере газеты сообщалось от редакции: "Голос России" - первая и пока единственная русская большая газета. В редакционной статье излагались цели и задачи газеты. "Мы верим в Россию, верим в ее близкое возрождение" - заявляла редакция. - "Наше знамя - беспощадная борьба с большевизмом. Или победить или погибнуть - таков наш пароль и лозунг" (1919. - 18 февраля).

Под этим девизом газета выходила недолго. В № 7 (1919. - 28 февр.) появилось обращение издательства и редакции "К нашим читателям", в котором сообщалось о возникших "трениях" на почве политических разногласий в составе редакции и уходе из нее части сотрудников. Выход газеты приостанавливался с 23 февраля. С возобновлением ее издания (28 февраля 1919) редактором стал Г.Шумахер. В обращении к читателям сообщалось об изменениях в "кредо" газеты: "Она будет выходить не как орган какой-либо политической партии ...и будет воплощать лишь идею русского единения". "Мы стоим за воссоединение экономических и политических сил России на демократической основе" ("К нашим читателям". - 1919. - 28 февр.). Тон подачи материалов в газете существенно изменился, более разносторонней стала публикуемая информация, поступавшая как из России, так и от информационных агентств других стран.

Как общеполитическая газета "ГР" освещала важнейшие события времени в стране и за ее пределами. В тяжелое для страны время было опубликовано обращение Л.Андреева к мировой общественности, писателям всех стран (перепечатанное из газеты "Общее дело", издававшейся в Париже под ред. В.Л.Бурцев.) с призывом "поддержать мольбу о гибнущих", "выступить против лжи, распространяемой прессой всех стран, обманщиков и лгунов" ("Спасите (S.O.S.)" . - 1919. - 5 и 6 апр.). Из датской газеты "Политикен" была перепечатана статья датского критика Георга Брандеса "Россия", в которой он ратовал за мир в стране (1920. -

29 сент.). Из газеты "Юманите" перепечатано обращение "К интеллигенции всего мира" (1919. - 5 июля). В числе подписавших его были А.Эйнштейн, Г.Манн, Р.Роллан, А.Барбюс, А.Форель, С.Лагерлёф и др. Они обращались к "служителям духа" с призывом о пересоздании братского союза "на новых, более прочных и надежных основаниях" после изоляции вследствие войны и "взаимной ненависти народов", к единению в условиях складывающейся новой реальности.

14 марта 1919 в газете появилась редакционная статья "Будущность России" - о конференции, проходившей в Париже, на которой была определена "сущность истинно демократической программы переустройства России". Благодаря ей, говорилось в статье, наконец лозунг единения перешел из области чаяний в область практической работы. Свой подход к событиям редакция газеты определяла в статье "Наша позиция" (1920. - 2 сент.), в которой говорилось о необходимости отстаивать "честь русского народа": "Россия должна остаться свободной, целой и независимой".

Усилилось внимание газеты к литературе и культуре, жизни и работе писателей, к выходящим новым книгам, как в эмиграции, так и в самой России. Ранее такие материалы печатались эпизодически: статья "Леонид Андреев" В.Сольского (1919. - 27 сент.); обозрение "Русская драма на берлинской сцене", где шли спектакли по пьесам Л.Толстого, Островского, Чехова, Горького, Андреева (1919. - 2 дек.), "Театр в большевистской России" (1919. - 16 и 17 апр.). В 1920-21 публикация литературных материалов стала регулярной. Газета "налаживала мосты" между эмиграцией и Советской Россией.

В контекст времени вписывалась статья А.Яценко "Возрождение Герцена" (в ознаменование 50-летия со дня смерти писателя), помещенная в номере газеты за 3 июля 1920. "Почему возрождение?" - ставил вопрос критик и отвечал: о Герцене знали как об одном из самых остроумных писателей, необычайном стилисте. Имя его было популярно, но читали его мало. "В России на самом имени его лежал запрет". Среди сокровищ русской литературы "Былое и думы" - "одно из изумительных произведений человеческого

гения", которому "суждено еще долго наводить нас и наших потомков на многие и горькие и радостные думы". Полвека спустя после его смерти, в обстановке величайшей смуты и разрушения вдруг возникает живой интерес к Герцену. Его произведения пробуждаются к новой жизни, кажутся юными. Он волнует и тревожит. В России при большевиках с величайшими усилиями продолжается начатое еще до революции его "Полное собрание сочинений" под ред. М.К.Лемке. Его идеи, "которые волновали и разделяли русское общественное самосознание и общественное движение: за ними стояли и народническая социал-революционная вера в осуществление социализма через русского мужичка и большевистская вера во всеобщее разрушение как начало нового, лучшего мира, - не предуказание ли это того великого грядущего синтеза, который завершит когда-нибудь нашу междоусобную распрю?" - заключал А.Яшенко (1920. - 3 июля). Перу А.Яшенко принадлежали и другие работы, публиковавшиеся в газете.

С продолжением в четырех номерах газета печатала воспоминания М.Иорданской "Эмиграция и смерть Леонида Андреева" (1920. - 23 мая, 6,13 и 20 июня). Это было свидетельство очевидца последних месяцев и дней жизни писателя в Финляндии, в селении Нейвола, куда Л.Андреев выехал, будучи больным, рассказ о его похоронах. Иорданская описывала трудную жизнь писателей в Петрограде в 1919: Куприн и Сологуб бедствовали, другие "были устроены". Те, кому приходилось плохо, шли к Горькому просить работы и защиты. Он помогал. В воспоминаниях приводились и критические суждения (Л.Андреева, В.Всеросаева) об "искренности" Горького: идти к нему - "это тяжелая жертва, но они должны ее принести... Они не имеют права умирать от голода, не имеют права гасить тот свет, который они обязаны сохранить для народа" (1920. - 6 июня). Воспоминания М.Иорданской содержат также сведения о кружке молодых писателей в Москве, в котором участвовали тогда Бунин, Скиталец, Серафимович, Телешов и др.

Номер газеты за 21 ноября 1920 редакция посвятила Л.Н.Толстому в связи с 10-летием со дня его смерти. В числе

публикаций - "Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом" М.Горького, статьи "Памяти Л.Н.Толстого" В.Сольского, "Наше опрощение" А.Ященко, "Лев Толстой как мыслитель" М.Смоленского (с продолжением в последующих номерах).

В области литературы интересы газеты не ограничивались российской тематикой. На ее страницах была напечатана "Переписка Л.Н.Толстого с Бернардом Шоу" (1908) с подзаголовком: "Памятники возвышенной мысли великих писателей" (1920. - 23 и 24 янв.). Появился "маленький фельетон" "Ромен Роллан" французского писателя Ш.Вильдрака. Внимание в нем привлекалось к пьесе Р.Роллана "Лилюли" (1919), выражавшей идеи справедливого переустройства жизни общества (1920. - 25 янв.).

В начале 1921 издание газеты приобрел журналист и писатель В.П.Крымов, обосновавшийся в Берлине. Он подписывал газету с 13 марта по 4 августа 1921. Газета продолжала освещать важнейшие события в России, в Европе и за ее пределами. "Мы живем в период, когда человеческий мозг и человеческая совесть проснулись и их нельзя заставить молчать", - писал Крымов (1921. - 23 марта). Эти убеждения В.П.Крымов положил в основу программы издания газеты.

"Никогда в истории мира, - писал он в статье "Будем уважать друг друга" (1921. - 15 марта), - не было в чужих странах столько эмигрантов, покинувших свою родину, как сейчас русских. Никогда в истории не писалось в чужих странах на чужом языке столько, как теперь пишется по-русски в Германии, Франции, Америке, Англии, в славянских землях". Писатель утверждал идею уважения друг к другу "одинаково честных и любящих свою родину и свой народ". Ту же мысль проводил В.П.Крым в статье "Чтобы легче было жить..." (1921. - 13 апр.). "Делить нам нечего - мы нищие в сравнении с другими, у кого осталась родина и дом. Казалось бы так легко протянуть друг другу руки... Понять, что мы русские, как бы ни были различны наши взгляды, как бы мы ни кипели кажущейся злобой друг на друга - все-таки мы близки один другому, мы члены одной и той же русской семьи". Эти умиротворяющие слова адресовались

читателям в атмосфере противостояния и противоборства как между советской Россией и эмиграцией, так и в рядах самой эмиграции.

Информационную направленность газеты того периода характеризуют подборки материалов о внутренней жизни страны под рубриками "Современная советская Россия", "Новый курс", "Советская Россия в цифрах" и др. Регулярными стали обзоры "Литература в советской России", знакомявшие читателей с новой поэзией, прозой, книжными новинками.

В эмигрантской литературной среде газета "ГР" под редакцией В.П.Крымова приобрела репутацию "сменовеховской". Это отмечал Г.Струве в книге "Русская литература в изгнании" (с.127), ошибочно назвав газету "Русский голос". Расширился географический диапазон интересов газеты. В ней сообщалось о привлечении авторов из "соседствующих республик - Литвы, Латвии, Эстонии, Кавказа и Польши", а также из информационных агентств западноевропейских стран. Из событий внешнего мира новой темой было освещение длительной и упорной забастовки английских углескопов. О ней опубликовал свой репортаж В.Крымов, назвав его "Люди иного порядка" (1921. - 24 апр.).

С наибольшей выразительностью интересы газеты проявились в области литературы. Появились обзоры "Новости литературы", информация о новых книгах, выходящих в метрополии и в русском зарубежье. Наряду с авторами из русской эмиграции со статьями, очерками выступали писатели и литературные критики из Москвы, Петрограда. Выявлялось таким образом генетическое родство советской и эмигрантской литературы.

На страницах "ГР" встречаются стихотворения К.Бальмонта и А.Ахматовой, И.Северянина и В.Ходасевича, рассказы И.Соколова-Микитова ("Советские были"). Помещен отзыв о книгах Н.А.Тэффи "Стамбул и солнце", "Сокровище земли", изданных в Берлине (1921. - 4 сент.).

Обзор "Литература в советской России" (за подписью И.Б. - нъ) в номере от 31 мая 1921 ознакомил читателей русского зарубежья с творчеством символистов и футуристов: Брюсов - "ярый приверженец

Ленина", большинство футуристов "примкнули к коммунистам". Как "Нестор русского литературного Олимпа" предстал в обзоре В.Г.Короленко. Сообщалось об очерке М.Горького о Л.Н.Толстом, о новых книгах А.Ахматовой, молодого Е.Замятина. Был представлен как "самый замечательный альманах "Записки мечтателей", изданный с участием А.Блока, А.Белого, Вяч.Иванова. Из новинок литературоведения назывался труд П.Н.Сакулина по истории русской литературы XVIII в. ("История новой русской литературы. Эпоха классицизма". - М., 1918).

Поэзии Серебряного века посвящались размышления Н.Блока "Акмеисты в русской поэзии" (1921. - 15 янв.). Акмеизм характеризовался - "как стремление к внешнему упрощению формы ... пресыщение изысканностью", как "новый вид художественного достижения". Русская поэзия начала века, писал Н.Блок, "достигает крайних пределов символизма и утонченности" - у Бальмонта, Сологуба, Вяч.Иванова, А.Блока. Стихам Гумилева присущ "изысканный примитив слова". Анна Ахматова "спокойно и просто вскрывает самые сокровенные глубины женской души".

В газете выразительно представлен сам В.П.Крымов как журналист, путешественник, прозаик. В первые дни редакторства в "Голосе России" он напечатал анонс об издании иллюстрированного журнала "Русский обзор" под своей редакцией. Крымов использовал страницы газеты для популяризации собственного творчества. Рекламиривалась первая книга его путевых очерков и зарисовок "Богомолы в коробочке" (Берлин, 1921). До выхода книги в газете печатались главы из нее: "По Желтому морю" (1921. - 30 янв.), "Японская мозаика" (1921. - 10 февр. с продолжением 23 марта, 21 и 29 апр.), "В Тихоокеанском экспрессе" (от Сан-Франциско до Нью-Йорка (1921. - 27 февр.). В числе его путевых заметок также "В Гималаях", "В стране пигмеев" и др. Свой выезд из России Крымов описал в очерке "Разметанные бурей" (1921. - 21 янв.). В газете первоначально печатался очерк о Лондоне "Город-Сфинкс", который в 1922 вышел отдельной книжкой. С продолжением в нескольких номерах публиковался также рассказ "Причуды миллиардера".

В свои путевые заметки и очерки о "западной цивилизации" Крымов вносил немало критики, опубликовал статью М.Смоленского "Сумерки европейской культуры" (1921. - 1 марта). В заметках "Из путевых впечатлений" о путешествии по США писатель отмечал, что его поразили "утонченность и разжиревшее хамство". В Америке, писал он, "я прихожу в ярость, глядя на "язвы современной культуры" (1921. - 25 янв.).

Крымов опубликовал в газете записи "Из встреч". Одна из них - о знакомстве с Э.Синклером во время путешествия по Америке. Беседы с ним позволили рассказать в газете о творческой деятельности известного "писателя левой ориентации", его мужественной борьбе против произвола; разоблачении нравов желтой прессы. Э.Синклер подарил русскому писателю-путешественнику только что вышедшую тогда автобиографическую книгу "Медный жетон". В письме, приложенном к книге, Синклер выражал пожелание, чтобы его книга была переведена на русский язык. (Крымов В. Сенсационная книга. - 1921. - 13, 20, 23 марта).

Не меньший интерес представляют записи о встрече В.Крымова с Г.Д.Уэллсом в Лондоне, размышлениях английского писателя "о будущем большевизма". "Мало кто так осведомлен в русских делах, как Уэллс, - писал В.Крымов. - Он знает все, что было в газетах, и то, чего не было в газетах и книгах. Он разбирается в мельчайших оттенках русских партий и политических программ". "Уэллс сильно изменил свое мнение о большевизме после поездки в Россию. Его очарование большевизмом прошло". Писатели обменялись также мнениями о Конан-Дойле. Уэллс сообщил, что Конан-Дойл после создания детективных книг занялся спиритуалистическими таинствами. "В своих рассказах о Шерлок Холмсе он бессмертен, - заметил Уэллс, - в спиритуалистических таинствах "он кончен как писатель" (1921. - 12 июня). "Трагические парадоксы" - статья В.Крымова о Г.Честертоне (1921. - 31 июля).

Традиции В.Крымова в освещении литературной жизни и литературных связей писателей России и русского зарубежья были в определенной мере продолжены последующими редакциями "ГР".

В.Крымова сменили на посту редактора газеты С.Л.Литовцев и Л.М.Неманов (5 августа 1921). Сообщалось, что к руководству редакцией пришли "корифеи" из выходившей в Петербурге кадетской газеты "Речь". В редакционной статье 5 августа 1921 говорилось, что газета ставит своей задачей сделать "ГР" верным эхом "Речи" за границей, проповедовать тесное объединение всех демократических сил.

С этой программой солидаризировался П.Н.Милюков, редактор газеты "Последние новости", принявший "ближайшее участие" в руководстве газетой "ГР". Идейная направленность газеты изменилась. В корреспонденциях и информации из России преобладал тон негативный, обличительный. Главной темой из номера в номер были сообщения о голоде в России, печаталась информация о международной помощи бедствующим. П.Н.Милюков и редакторы газеты С.Литовцев и Л.Неманов развернули полемику с газетами "Руль" (Берлин), "Общее дело" (Париж) по публиковавшимся материалам. Печатались иронические "Очерки советского быта". П.Н.Милюков опубликовал воспоминания о роспуске Первой Государственной Думы, озаглавив их "Эпилог" (1922. - 22 и 24 сент.).

В материалах по литературе и культуре газета продолжила сложившуюся традицию, ввела постоянную страницу "Литературная неделя" (с 28 августа 1921). 12 ноября 1921 полоса газеты была посвящена памяти Ф.М.Достоевского. Она содержала статьи "Достоевский - мыслитель (К столетию со дня рождения) М.Шварца, рассказ А.Ремизова "Огненная Россия. Памяти Достоевского". "Достоевский - это Россия. И нет России без Достоевского", - писал Ремизов. - "Россия нищая, холодная, голодная. Горит огненным словом".

В выпуске "Литературной недели" за 1 января 1922 появилась обстоятельная статья В.И.Талина "Последний из могикан" - о смерти Короленко, его отношении к советской власти. "Горячий протестант уходит из истории русской литературы, - говорилось в ней. - С его уходом из жизни, уходит из истории русского духа целая многозначительная эпоха. Короленко был последним из могикан

героической полосы русской литературы, был живой многосторонней личностью, вмещавшей все волнения и тревоги духа. Будучи открытым для всего, он все пропускал через одну дверь, дверь правды, человеческой гармонии, социальной справедливости".

В феврале 1922 произошли новые изменения в издании газеты. Появилось извещение "от новой редакции "Голоса России": "Группа политических и общественных деятелей приобрела с 22 февраля в собственность газету и издательство "Голос России". Газета с сегодняшнего дня выходит под новой редакцией при ближайшем участии В.М.Зензинова, В.И.Лебедева, С.П.Постникова, И.А.Рубановича, Н.С.Русанова, М.Л.Слонима, Е.А.Сталинского, В.В.Сухотина, В.М.Чернова".

В обращении "К нашим читателям" (1922. - 21 февр.) редакция сообщала, что газету приобрела группа деятелей, издававших в Праге газету "Воля России". Редактором стал Н.М.Мартьяков. "Мы не дебютанты, - заявляла новая редакция. - Именами Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Лаврова и Михайловского определяется наша идейная генеалогия". "Мы чувствуем себя частью мирового движения и не можем не идти в ногу с развитием интернациональной мысли, сохраняя всю ту духовную самостоятельность, которая требуется оригинальностью уклада и условий развития нашей родины". "Маяки светлых идеалов социализма... не померкли для нас оттого, что в России их потребовали подменить дымящимися головешками аракчеевского коммунизма". Провозглашались идеи творческой личности, "трудовая демократия в условиях личной и общественной свободы как основные рычаги работы во имя социализма, как высшей человечности - во имя социализма созидательного" (1922. - 22 февр.).

Газета перешла в руки правых эсеров и стала выражать их взгляды и позиции. Важнейшей политической кампанией газеты стало освещение судебного процесса в Москве над лидерами партии эсеров в июле и августе 1922. Печатались выступления подсудимых, вынесенный им приговор, а затем "Политическое завещание пожизненных смертников". (Письмо из тюрьмы осужденных членов

ЦК партий социал-революционеров) (1922. - 8 сент.). Газета сообщала о волне протестов мировой общественности против их осуждения. Было опубликовано письмо М.Горького А.Франсу. В нем Горький призывал французского писателя обратиться к советским властям с призывом "не допустить преступления". Он писал: "Суд над социалистами-революционерами" принял циничный характер приготовления к убийству людей, искренне служащих делу освобождения русского народа". Печаталось там же письмо М.Горького А.И.Рыкову, в котором Горький писал: "Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством - это будет убийство с заранее обдуманым намерением, гнусное убийство". "За все время революции я тысячекратно указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране" (1922. - 13 июля).

Продолжалось издание тематических полос "Литературная неделя". Помещаемые в ней материалы раскрывали связи отечественной и эмигрантской литературы. Печатались стихотворения В.Брюсова, К.Бальмонта, Н.Минского, В.Ходасевича, А.Ахматовой, М.Цетлина, Н.Берберовой, проза и стихи А.Белого.

Газета знакомила с группой "Серапионовы братья" (1922. - 21 мая и 11 июня), назывались Е.Замятин, "верховод и голова", К.Федин, Вс.Иванов, В.Каверин, М.Зощенко и др. Замятин в своей статье (11 июня), говоря об участниках группы, отмечал: "Они поразному талантливы, молоды, много работают. Иные из них дадут, вероятно, материал для истории русской литературы, иные для истории русской революции".

С рассказами и статьями по-прежнему выступал А.Ремизов. "Памяти Блока" посвятила стихотворение А.Ахматова (1922. - 26 февр.). Сообщалось о книге З.Гиппиус "Стихи. Дневник. 1911-1921 г." (Берлин, 1922). Печатался отзыв о кн. И.Одоевцевой "Двор чудес. Стихи '1920-22'" (Пг., 1922) (1922. - 28 мая). Из немецкой "Вельтбюне" была перепечатана статья М.Горького "О театре Габима" (1922. - 3 сент.). Под заголовком "Горький и большевики" помещено сообщение об интервью Горького копенгагенской газете

"Политикен", данное им после отъезда за границу (1922. - 25 мая). В публикации критически оценивалась деятельность Горького в газете "Новая жизнь", излагались ответы писателя о его отношениях с властью: он "позволил себе не делать разницы между белыми и красными, рисуя их одинаково безжалостными". "Он всех берет за одну скобку и обвиняет в тупом бессердечии". Автором статей о М.Горьком выступил В.Чернов. Характерна его статья "Мысли о Горьком" (1922. - 29 сент.): Горький "числится главой пролетарских писателей. Но он, конечно, по своей натуре вовсе не пролетарский писатель... идеализатор босячества". "Из всех дыр тех лохмотьев, в которые облакает грешное тело, выглядывало романтическое и на русский лад исковерканное нищешанство".

6 августа 1922 страница газеты была посвящена "Памяти А.А.Блока (к годовщине смерти - 7 августа)". Опубликованы главы из книги М.А.Бекетовой "А.Блок. Биографический очерк" (Пг., 1922), заметка о "Книге об Александре Блоке" К.Чуковского (Берлин, 1922) и др.

Две публикации в "ГР" вызвало напсчатание в газете "Накануне" письма К.Чуковского А.Н.Толстому, в котором Чуковский писал "В 1919 году я основал "Дом искусств" (в Петрограде), устроил студию (вместе с Николаем Гумилевым), публичные лекции, привлек Горького, Блока, Сологуба, Ахматову, А.Бенуа, Добужинского... И вижу, что создал клоаку. Все сплетничают, ненавидят друг друга, интригуют..." М.Цветаева опубликовала "Открытое письмо А.Н.Толстому" по этому поводу (1922. - 7 июня), она осудила публикацию частного письма, оценив ее как "дурную услугу" Чуковскому, которая вызвала кривотолки. "Есть над личными дружбами, - писала она, - частными письмами... круговая порука человечности". Эту человечность Цветаева видела у коммуниста, знавшего ее только по стихам, который зашел в вагон перед самым ее отъездом из России и предупредил: "В вагоне едет чекист, не говорите лишнего". "Жму руку ему и не жму вам", - заканчивалось письмо М.Цветаевой. Подобное же осуждение

действий А.Н.Толстого выразил К.Чуковский в письме, напечатанном в "Голосе России" (1922. - 16 июля).

В рецензиях о гастролях студии Московского Художественного театра со спектаклями "Потоп" Хеннинга Бергера, "Сверчок на печи" Диккенса и др. М.Слоним освятил в газете страницы русской театральной жизни в Берлине (1922. - 9 авг., 5 окт.).

Финальной в судьбе газеты "ГР" была страница в номере 1085 от 15 октября 1922, где опубликована "прощальная" редакционная статья "Итоги". В ней говорилось: "8 месяцев назад купили мы издательство и редакцию газеты "Голос России". Необходимо было с той или иной точки зрения разоблачать ложь большевизма, его казарменную насильственную природу... его военный коммунизм и доказать, что это не банкротство социализма, наоборот - это расчищает ему дорогу". Участием в разоблачении московского процесса (над лидерами партии эсеров), отмечалось далее, газета боролась с вырождением революции. "Мы старались быть рупором борющейся и страдающей России... были заграничным литературным отделом партии. Эта партия пытается воплотить в себе будущее родины". Прекращая выпуск ежедневной газеты, редакция сообщала: "мы не останемся без печатного органа", признавая главным, центральным органом партии социал-революционеров "Революционную Россию" (журнал, издававшийся в эмиграции в 1920-1925. Печатался в Таллине, Праге, Берлине).

Е.Ф.Трущенко

"ГРЯДУЩАЯ РОССИЯ" (Париж, 1920. - № 1-2. - Январь - февраль) - под этим названием в эмиграции выходили еще два издания: еженедельная газета (Берлин, 1 сентября 1921 - 25 февраля 1922), редактором-издателем которой выступал Е.А.Ефимовский; двухнедельный иллюстрированный общественно-политический и литературный журнал "Орган законопослушной монархической

мысли" (Харбин, 1932-1935). Еженедельная газета также имела монархическую направленность. В ней выступали генерал П.Н.Краснов, историк С.С.Ольденбург и др.

Парижский журнал "Грядущая Россия" был преимущественно общественно-литературным. В первом номере (январь 1920) определялись его цели и задачи. Публиковались размышления кн. Г.Е.Львова о современном мире. Он возлагал надежды на то, что "ясновидящий гений человечества придет в свое время, искроет всю сущность пережитых мировых явлений и осветит человечеству предстоящий ему путь" (с.7). Журнал "Грядущая Россия", писал он, "положит начало этой работы, призовет и соберет силы на мирном пути самосознания", на его страницах будут печататься исторические очерки, воспоминания, статьи и научные исследования.

Более определенно выступил Н.И.Чайковский в статье "Наш путь к оздоровлению.": "Что же мы хотим сказать этим изданием? Какова та главная руководящая идея, на которой мы бы могли объединиться?" Он говорил о послевоенном "кризисе", германском гегемонизме, сохраняющем силу нищестанство, о "гегемонизме диктатуры пролетариата", "принудительном социализме". Высказывал взгляды на "новый общественный порядок" как последующую фазу исторического развития. "Выявление основ... грядущего нового порядка во всех областях жизни ставит своей главной задачей редакция "Грядущей России", - подчеркивал Чайковский (№ 1. - С.139). Прекращение гражданской войны, восстановление народного хозяйства - такова "главная идея, вдохновляющая нас", - заключал автор статьи "Наш путь к оздоровлению".

Идейную направленность журнала по-своему определял писатель М.А.Ландау-Алданов в своих разнотемных заметках и размышлениях, названных "Дым и огонь". Он прибегал к историческим параллелям и прямым оценкам явлений современности, размышлял о политических процессах и в большей мере о литературе, позициях писателей. Алданов напомнил древнюю притчу: "Когда афиняне перестали говорить о великолепной собаке Алкивиада, он отрубил ей хвост" (№ 1. • С.7). "Это было не совсем

так, - признавался автор. Он просто использовал формулу "отсежь хвост", что в его понимании означало - отсекай то, что для него казалось неприемлемым в российской действительности и литературе. Алданов вспоминал "русскую самобытность, которой восторгался Тютчев в своем известном четверостишии" и "отсекал": "уж чего самобытнее путь, по которому большевики повели Россию" (№ 1. - С.170, 175). Толковал о славянофильстве братьев Аксаковых и так же "отрубал" ему неугодное: "Славянофилы были такими же демократами, как и большевики" (№ 1. - С.172). М.Алданов писал о литературной жизни в России на рубеже 20-х: "О Короленко ничего не знаем". О других писателях говорил: "Одни заживо мертвы. Зато другие живы в могиле". "Доходят слухи: умер Леонид Андреев. Умер тоже - политической смертью - Максим Горький. Александр Блок своей поэмой "Двенадцать" оскорбил действием самого себя" (№ 1. - С.177). Не вызвал похвалы Алданова и Анри Барбюс с его романом "Огонь", лишь потому, что осуждая террор, он не писал "о красном терроре в Москве" (№ 1. - С.158), не выражал протеста против происходящего в России. К "большевистствующим" относил автор записок "Дым и огонь" автора "Жана Кристофа" Ромена Роллана, который "бросался в объятия без разбора", говоря, что "новые веяния" "во всех областях мысли идут из России". "Это конечно очень приятно, - "отрубал М.Алданов, - но было бы все-таки полезно знать, кто именно представляет в настоящее время русскую мысль" (№ 1. - С.164). Отвечая на вопрос "Каким традициям следовать?", он говорил: "По компасам Пушкина и Герцена "Грядущая Россия" хочет направить свой путь... Пушкин, рядом с Толстым - высшее достижение в области искусства" (№ 1. - С.177).

Преобладающим жанром в журнале стала публицистика, размышления о современности и о будущем. Барон Б.Э.Нольде в статье "Программа борьбы" писал: "Кажется, никогда будущее России не было столь загадочным и столь нелепым". Россия разделена на несколько отдельно друг от друга живущих миров, отмечал он. Она оказалась "во власти политических упрямцев и политических фантазеров". Нольде склонялся к мысли о необходимости принять

революцию как неизбежное, "как громадный политический и социальный переворот" (№ 1. - С.76). "Наша программа, - предлагал он, - через революцию к социальному миру и к культурной государственности" (с.77).

Об установлении мира в Европе писал И.И.Брунов ("Союзнический мир", - 1920. - № 2). Он прогнозировал: "Россия, если она преодолет советскую "смуту", пойдет по пути Западной Европы, и ее политический строй, в конце концов, примет формы, свойственные европейской цивилизации" (с.148).

С программой журнала непосредственно связан историко-политический очерк М.В.Вишняка "Идея Учредительного собрания". Тема в нем трактовалась в историческом аспекте с направленностью на современность. В том же контексте просматривается статья Г.М.Лунца "К вопросу об экономических предпосылках единства России". В духовную сферу вводила работа А.В.Анри "Современное научное мировоззрение". "Мы переживаем теперь, - писал автор, - один из величайших кризисов: все наше мышление, вся этика, вся жизнь, все наше духовное и нравственное существование находится в состоянии какого-то умственного брожения" (№ 1. - С.204). Обозревая развитие человеческой мысли, А.В.Анри приходил к заключению, что виновником современного кризиса "является знаменитый немецкий физик Эйнштейн". В противоположность этой мысли в работе Анри утверждалась идея о "большой руководящей роли" русской науки в важнейших областях - физике, химии, астрономии, естествознании, ее выдающихся представителей - Лебедева, Менделеева, Ляпунова, Сеченова, на труды которых "опираются ученые всего мира" (№ 1. - С.310).

В начале первого номера журнала воспроизведены два отрывка из "Египетских ночей" А.С.Пушкина по рукописи, данившей в парижском Пушкинском музее, с комментарием хранителя музея А.Ф.Онегина.

Художественная проза в журнале представлена первыми десятью главами романа А.Н.Толстого "Хождение по мукам" (№ 1-2). Напечатано начало повести А.Дикгоф-Деренталя "Папаша" на

эмигрантскую тему: ее главное действующее лицо - русский интеллигент, активный участник революционного движения в России и оказавшийся затем в изгнании. Пристанище он стремился найти в Аргентине. Г.Е.Львов напечатал повесть "Мужики", изобразил в ней "суету и бестолковщину" мужиков в деревне, как аллгорию происходящего в жизни и обществе. Под названием "Развалины" печатались воспоминания и размышления Дионео о последствиях мировой войны. Два текста "Из сказания о праведных и грешных" опубликовал Г.А.Алксинский.

Видными именами представлена в журнале русская поэзия. Были напечатаны стихи Н.Тэффи ("Корабль", "Проклятие"). В поэтической рубрике журнала представлены стихотворения Н.Минского и его жены Л.Вилькиной. В журнале выступил В.Набоков со стихами, написанными в 1919: "Панихида" ("Сколько могил, сколько могил, ты - жестока Россия!..."), "Вьюга" ("Ночь лихая...Тоска избяная... Что ж не спится? Иль ветра боюсь? Это - Русь, а не вьюга степная. Это корчится черная Русь").Печатались также стихотворения Амары, В.Ропшина и др.

Приверженность журнала определенным традициям проявилась в публикации статьи Ф.И.Родичева "К 50-летию смерти Герцена" (№ 1) и заметок П.Д.Боборыкина "От Герцена до Толстого: (Памятка за полвека)" (там же). Ф.Родичев писал о Герцене: "Он умер изгнанником и до сих пор не возвращен родине". Изгнанничество было, однако, лишь одним из мотивов, по которым писатель привлекал внимание журнала. Автор статьи подчеркивал, повторяя мысль Л.Н.Толстого: какой великий писатель и как жаль, что Герцена не знали наши молодые поколения - иначе пошла бы история (№ 1. - С.213). "Не устарел ли Герцен? Имеет ли написанное им интерес, кроме исторического?" - ставился вопрос. "Главная масса им написанного жива, будто написана вчера", - утверждал Ф.Родичев. В истории русского сознания Герцен поставил вехи и звал свою страну к освобождению и обновлению, он всрил в будущее русского народа. Ф.Родичев прослеживал движение мысли писателя, ее

колебания, отмечал крушение его веры в Запад. "Бесконечно велико значение почина Герцена", - подчеркивал Родичев.

П.Боборыкин в своих воспоминаниях сближал имена выдающихся участников освободительной борьбы и писателей, которых он близко знал и "которые кончили жизнь одни на каторге, другие на чужбине" (Чернышевский, Бакунин, Огарев, Лавров, Михайлов). "На двух крайних концах" воспоминаний поставлены Герцен и Л.Н.Толстой. Немного было таких стойких защитников своих убеждений, как Толстой, заключал Боборыкин. В этом он сближал Герцена и Толстого.

В литературе XX в. внимание журнала привлек Л.Андреев. Опубликован критический этюд М.О.Цетлина "О творчестве Леонида Андреева" (1920. - № 2). Критик разносторонне охарактеризовал литературную деятельность писателя, особенности его творчества. Автор этюда проникал в психологию писателя, выявлял логические и психологические противоречия и противоречия художественные, которые, по словам критика, можно почувствовать и трудно доказать. Цетлин трактует понятие "художественная мудрость". Она не всегда совпадает у Андреева с преобладанием сознания в творчестве, проявляет себя спонтанно. "Безумие и ужас упорно жили в душе писателя, - утверждал автор этюда. Андреев, по его убеждению, "явился новатором, он нечто открыл, чего не было в литературе до него" (с.249). Андреев отображал "дикий, пьяный, истерический хаос" ("Тьма"). Он одним из первых порвал с реалистической традицией в русской литературе (пьеса "К звездам"). При всем этом, подчеркивал М.О.Цетлин, Андреев был интересным и талантливым художником. "Художественная одаренность писателя очень велика... Своими рассказами и пьесами он потрясал Россию. Он видел надвигающийся хаос, бездну, тьму и кричал о них" (с.245).

Во в.ором номере журнала опубликованы: "Официальный документ" - следственные материалы об убийстве Николая II; "Трагедия Украины" - свидетельства Н.М.Могилянского о положении в Киеве, немецкой оккупации после Брестского мира.

В разделе "Книги" помещены краткие рецензии и критические отзывы Е.В.Аничкова - об издании в Париже "Сказок Пушкина" в переводе на французский язык (издательство Я.Поволоцкого), романов Анри Барбюса, Анри де Ренье, свидетельство австрийского политического узника Петера Альтенберга "Вечер моей жизни" (на немецком яз.) и др.

Е.Ф.Трущенко

"ДЛЯ ВАС" (Рига, 1933. - 24 декабря - 1940. - 27 июня. - № 1-270) - еженедельный иллюстрированный журнал. За время существования журнала неизменным оставался только его большой формат. Все остальное существенно изменилось: увеличился объем (от 20 до 30-40 стр.), газетную бумагу сменила мелованная, улучшилось воспроизведение иллюстраций и фотографий. Но, прежде всего, поменялись редактора-издатели: А.В.Коссовичу наследовал А.К.Перов (с № 9 1936), которого впоследствии сменил Р.Г.Рубинштейн (с 1939). Трансформировалась и политическая направленность журнала. Всячески подчеркивались и пропагандировались независимость и самостоятельность молодого балтийского государства, широко отмечались годовщины 1 мая 1920 - "Дня возрождения и свободы" (1934, № 18).

Публикуемые материалы "из советской жизни" поначалу носили критический характер (серия статей английской писательницы Розиты Форбес "Женщина СССР" - с № 17 1934, репортажи французского журналиста Мотуса "В стране красного сфинкса" (начало в 1935, № 53). Постепенно критический тон заметок о жизни в СССР сменяется на нейтральный, а затем все более теплеет. Читатели журнала узнают о "самом популярном человеке в СССР А.Стаханове" (1936, № 7), знакомятся с рассказом В.П.Чкалова "Как я стал летчиком-испытателем" (1939, № 1). Советский профессор Н.Бурденко в трех номерах (1939, № 43-45) дает

обзор состояния современной хирургии. В № 12 от 1939 публикуется лирическая поэма Симонова "Пять страниц", в анонимном предисловии к которой опровергается расхожее в то время мнение о гибели русской литературы на родине: "Простой и ясный язык Симонова приятно радует слух. Он говорит о том, что наши опасения напрасны, что русские творческие силы не иссякли и что грохот машин и коммунистические лозунги не могут заглушить простых человеческих чувств" (с. 20).

В 1940 обложку № 29 украшает портрет председателя Совнаркома СССР В.М.Молотова, № 31 - Сталина и Ворошилова (в этом же номере публикуется Конституция СССР), а в № 33 под изображением герба СССР уже верноподданнически восклицается "Да здравствует СССР! Да здравствует Советская Социалистическая Латвия - пятнадцатая республика Союза ССР!", предпоследняя же страница обложки номера представляет фоторепортаж "Грандиозная всенародная манифестация по случаю принятия в состав Союза ССР Латвийской ССР". Соответственно этой политической метаморфозе перерождаются как документальная, так и литературная части журнала.

Вместе с тем журнал перепечатывает отрывок из статьи М.Осоргина в "Последних новостях": "Надо... признать, что нам не везло на милостивых монархов... В русской новейшей истории много страшного, но нужно подождать с суждениями о том, поскольку в этом страшном повинен русский народ, а не его правители, взращенные, во всяком случае, на европейских идеях. Наше подлинно-национальное - русская литература, в своих лучших образцах, ... пронизана насквозь высокой человечностью... Почему же об этом забывается, а на учет берется только деятельность политический власти, никогда и нигде не характеризующая народного духа?" (1940. - № 14. - С. 8).

Бережному сохранению русской культуры в журнале уделялось большое внимание. В Риге ежегодно праздновался День Русской Культуры, и репортажи о нем неизменно печатались на страницах журнала. Как объясняет П.Пильский (1939, № 45), этот праздник

зародился в 1921 "с поминок по Пушкину". Тогда, на 1 торжестве выступали А.Блок ("О назначении поэта"), Мих.Кузмин и др. Погом были Дни, посвященные Аксакову, Гоголю, Островскому и др. Символично определение П.Пильского в одном из репортажей с очередного Дня Русской Культуры: "Русская литература и русское искусство наполнены единым и великим возбудителем: молитвенностью" (1936. - № 17. - С. 2). Сравнивая творчество таких разных писателей, как Мережковский, Шмелев, Куприн, Бунин, Алданов, он находит в них общес - "единый дух, мотивы вдохновений" (там же).

Одна из постоянных рубрик журнала - "Парижские огни", повествующая о жизни русского Парижа и русской эмиграции. Вел ее парижский корреспондент "Для Вас" Мата Д'Ор (псевдоним Н.Н.Брешко-Брешковского, без чьего участия не обходился практически ни один номер журнала). Под псевдонимами "Ник.Белый", "Н.Суражский", "Род Ни", "Р.Днепров" он печатал интервью с Ф.И.Шаляпиным и Е.Н.Рощиной-Инсаровой, рецензировал книги Тэффи (1934, № 41) и М.Алданова (1934, № 39). Статью "Толстой и Репин" (1940, № 18) он подписал "Василий Верига". Под отчетом о выставке памяти С.П.Дягилева в № 17 за 1939 стояло "Старый петербуржец", так же как в статье о В.Д.Поленове (1940, № 1). Чтобы успешнее "соперничать" с модными переводными романами, которыми были наполнены первые номера журнала, Брешко-Брешковский употреблял "иностранные" псевдонимы: "Петр Инаграм" ("Русские в Италии". 1937, № 40-43); "Нина Валла-Холодная", "Ариель", "Лина Замбелли", "Фраскуэлло" ("Наши за границей". 1934, № 36). В "Парижских огнях" Мата Д'Ор рассказывал о своих встречах с Куприным (1936, №8) и Тэффи (1939, № 24 и 30), об Аверченко, Сергее Горном и "Сатириконе" (1939, № 11), о Бианкуре - пригороде Парижа, населенном русскими, а потому "БианКУРСКЕ", и "молодом нашумевшем таланте Алли Рахмановой", чья книга заняла первое место на конкурсе "антибольшевистских романов", опередив П.Н.Краснова, которому достался утешительный приз (1936, № 11). В № 19 за 1936 Брешко-Брешковский рассказывает

о получении Буниным Нобелевской премии и подчеркивает щедрость и величие души писателя, раздававшего деньги по первой просьбе; "нет самого скромного журналиста, не получившего от Бунина хотя бы ста франков" (с. 14).

В рубрике "Русские в..." О.Бакалдин рассказывал о русских в Конго (1934, № 12), М.Юрьев писал из Иерусалима о положении русских в Палестине, о монашенках из русского женского монастыря (1934, № 15), А.Куракин сообщал о русских в Швеции (1934, № 17). Напечатаны отрывок из книги англичанина Ю.Бредона "Первые русские в Китае" (1934, № 18), путевые впечатления П.Муратова от русских в Японии (1934, № 28), рассказ В.Д.Крымского "Русские в Соединенных Штатах" (1934, № 29-30). Внучка В.И.Немировича-Данченко, скрывшаяся за инициалами "О.К.", пишет из французской Гвинеи "Как живут русские в Африке" (1936, № 1). В № 24 за 1934 рассказывается о русских в Парагвае.

В литературной части журнала перепечатывались произведения из России: рассказы В.Лидина, Л.Леонова, повесть С.Сергеева-Ценского "Поэт и поэтесса", посвященная М.Ю.Лермонтову (с № 42, 1939) и отрывок из его романа "Севастопольская страда" (1939, № 33), повесть К.Паустовского "Хатидже и Наташа", рассказ В.Инбер "Романтика" и ее перевод стихотворения Т.Шевченко "Русалка", "Танкер "Дербент" Ю.Крымова (1940, № 33). Печатались произведения современной зарубежной литературы: рассказы Дж.Лондона, А.Кронина, К.Чапека, А.Моруа, Ст.Цвейга, А.Труайя, С.Мозма. Поэзии в журнале было отведено немного места: стихи К.Бальмонта, И.Сверянина, К.Симонова. Наиболее часто встречающийся прозаический жанр в журнале - "советский рассказ". Такое определение стоит под юмористическими рассказами Арк.Бухова, А.Зорича, В.Ардова, Л.Ленча. Определяющими в выборе жанра для редакции становились следующие ключевые слова: "местком, товарищи, путевки, ударники, общественники" (из рассказа В.Ардова "Пятый" - 1936, № 3). Рассказ Л.Лагина "Случай на улице Братьев Гракхов" (1934, № 36, вместо определения жанра имеет подзаголовок: "Чехов по-советски", В № 19

1936 публикуется "новый советский рассказ М.Зощенко "Рассказ об имениннице". Журнал предоставляет свои страницы и писателям-эмигрантам: в № 17 1936 публикуется отрывок из романа П.Н.Краснова "Домой" - "Лель мой, Лель", в котором сочным языком рассказывается о казачестве с нежностью к ушедшему миру. В № 10 1940 напечатан рассказ А.Аверченко "Блины Доди".

Е.М.Трубилова

"ДНИ" (Париж, 1928. - № 1. - 9 сент. - 1933. - № 173. - 4 июня) - еженедельный (с 1931 двухнедельный) журнал под ред. А.Ф.Керенского. Его предшественником была ежедневная газета "Дни" (ред. А.Милашевский, с № 85 - М.М.Тер-Погасян), выходившая в Берлине с 29 окт. 1922 по 28 июня 1925 (№ 1 - 801), затем в Париже с 16 сент. 1925 по 30 июня 1928 (№ 802 - 1465). Редактором литературного отдела был М.А.Осоргин (до перехода в 1925 в "Последние новости"). В газете печаталась проза Б.Зайцева, А.Белого, И.Бунина, З.Гиппиус, Д.Мережковского, С.Минцлова, Вас.Немировича-Данченко, А.Ремизова, И.Шмелева, М.Алданова и др., а также писателей из России Л.Леонова, Вяч.Шишкова. В газете публиковались стихи К.Бальмонта, В.Ходасевича, М.Цветаевой, В.Пиотровского, В.Андреева. Литературную критику вел А.Бахрах, выступали философы Л.Карсавин и Ф.Степун. В 1924 г. пушкинисты выпустили к 125-летию со дня рождения Пушкина юбилейный номер (8 июня. - № 481).

За 1924-25 (берлинский период) на страницах газеты были опубликованы: главы из романа М.Алданова "Чертов мост" (1924, 16 март, 21 и 28 сент., 5 окт., 25 дек.) и из второй части его трилогии "Мыслитель" (1924, 20 июля), отрывки из романа "Золотой узор" Б.Зайцева (1924, 10 авг., 1925, 8 март.), статья Зайцева ко дню смерти А.С.Пушкина - "Пушкин в нашей душе" (1925, 8 февр.), глава из роман. "Рождение богов" Д.Мережковского (1924, 21 сент), отрывки

из кн. "В. ихренная Русь" А.Ремизова (1925, 1 март., 19 апр., 10 мая); главы из романа "Святой грек" (1924, 7 дек., 1925, 1 февр.) и рассказы Вас.Немировича-Данченко; главы из романа "Сивцев Вражек" (1924, 27 апр.), рассказы и рецензии М.Осоргина; воспоминания кн. В.Барятинского "Догоревшие огни" (1924, 27 апр.), "Из воспоминаний" Ек.Кусковой (1924, 1 янв., 25 июля) и др.

Политические статьи писали эсеры Н.Д.Авксентьев, Е.К.Брешковская, М.В.Вишняк, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.М.Зензинов, А.Ф.Керенский, М.А.Осоргин, В.В.Руднев и др.

Свою задачу еженедельник видел в том, чтобы идти "навстречу той внутренней российской третьей силе, которая постепенно выходит из состояния политической апатии", нести прежде всего факты и документы - "материал живой и действительный о жизни Запада, о жизни самой России, который лежит под спудом жандармской цензуры в казенной печати" (1928, 9 сент. № 1). В этой трудной и ответственной роли "пособников внутреннему народному освободительному движению и пойдут "Дни" по новому своему пути, издаека подавая свой голос туда, в самую гущу страдной борьбы" (там же). И с первого до последнего номера еженедельник открывается рубрикой А.Ф.Керенского "Голос издаека". В разделе "Листок литературы и искусства", присутствовавшем в каждом номере первого года издания, сообщается, что редакция собирается рассказывать тем, кто будет читать журнал в России, о том, что русская зарубежная литература "живет и умирать не хочет" и даже делает расчет на будущее - "что потом прочтут и нас, когда зарубежная книга получит доступ в Россию"; но при всей огромности потери (потеряна родина - почва под ногами) у эмигрантских писателей есть и немалые преимущества, и самое крупное - "полная свобода печати" (1928, 23 сент. № 3). Редакция х.ет надеяться, "что окошечко в китайской стене действительно приотворено, и то, что мы пишем здесь будет итаться там... Но сказанное для них может быть порою интересно и нужно и для здешних. Есть много вопросов литературы, искусства и культуры, равно интересных для обеих Россий, основной и зарубежной, а особенно для молодого поколения"

(там же). Поэтому на страницах "Дней" редакция будет "пытаться объединить интересы двух неравных частей России, разделенных временно историческими судьбами, - поскольку в силах делать это скромный еженедельник в такой большой области духовной жизни, как литература и искусство" (там же).

Первый номер еженедельника, вышедший в столетнюю годовщину рождения Л.Н.Толстого, открывается материалом "Толстой - большевикам". Основной пафос его в том, что "живой Толстой снова не мог бы промолчать, и с еще большей силой любви обличающей повторил бы, обращаясь к новым самовластникам, свои старые, бессмертные слова...". Далее приводятся выдержки из работы обличающей повторил бы, обращаясь к новым самовластникам, свои старые, бессмертные слова...". Далее приводятся выдержки из работы Толстого "Не могу молчать" (1908) и из его "Письма к Николаю II" (1902). Обращается внимание на неослабевающий интерес к наследию великого писателя: свыше 1400 названий книг, журналов, газетных статей, заключающих в себе произведения Толстого или посвященных ему, вышедшие за последние 10 лет, зарегистрированы музеем Л.Н.Толстого. Отмечается, что все они падают на десять "революционных лет", прошедших под знаком голода, гражданской войны и преимущественной заботы о материальных нуждах (1928, 23 сент. № 3). В заметке "О Толстом" приводятся отзывы официальной советской прессы о писателе и констатируется, что эти речи и отзывы о Толстом, как художнике и как мыслителе "не лишены юмора, правда - печального" (1928. 14 окт. № 6). Еженедельник перепечатывает (1928. - 7 окт. № 5) и непосланное письмо Толстого к редактору "Современника" Некрасову о повести "Детство", опубликованное в журнале "Печать и революция" (1928. - № 6).

В заметке "Судьба поэта" М.И. (псевдоним) откликается на 7-летие со дня смерти Блока. Полемизируя с советским критиком П.Коганом, разъяснителем "уклонов" поэта, автор отмечает, что "если действительно убила Блока душевная раздвоенность, невозможность приятия жизни до конца, то подлинным ядом, отравившим его бытие, была, конечно, житейская пошлость. Она же,

возведенная в степень идеологии, преследует его и за гробом" (1928. 30 сент. - № 4).

Статья "Маленький о большом" написана против маленьких судей "большого человека". В ней говорится о том, что искусство Блока приняло революцию, и, слушая ее музыку, он написал поэму "Двенадцать", которая останется "изумительнейшим произведением эпохи, отражением страстного голоса улицы" (1928, 2 дек. № 13). Но цепкое и прочное новое государство, не имеющее ничего общего с "музыкой революции", очаровавшей Блока, подмяло под свою стопу и Христа, и его двенадцать солдатских апостолов. И поэт, для которого на момент слились мечта с действительностью, ушел от нее к мечте. "Мистикой полны его последние записи дневника. В революции он слышал музыку, но не мог услышать ее в революции "перманентной", в хаосе словесном, в победном танце властвующей партии, в актах мести" (там же).

В статье "Гражданская война в беллетристическом изображении" (под псевдонимом "Современник") обращается внимание на то, что исторический роман является наиболее трудной литературной формой, где излишняя близость к "правде" угрожает снижением до уровня фотографии, репортажа, хроники, а излишнее отдаление от нее превращает исторический роман в фантастический. Критик видит задачу художника в том, чтобы "найти и установить равновесие" между реальной историей и вымышленным романом. "Вымысел" романа А.Толстого "Восемнадцатый год" автор статьи усматривает в "политическом обрамлении" и сводке не всегда точных фактов и событий, которые "подобранны и изложены так, что звучат обвинительным приговором для одних и оправданием - другим" (1928. 23 сент. № 3). Рецензент упрекает А.Толстого в забвении того, что "с гражданской войной реальные интересы страны, достоинство живых людей, прага народа в целом принесены были в жертву мифам, сказкам о мире всего мира, о мировой революции или, на худой конец, о социализме в одной и наиболее отсталой стране", и тем самым, писатель стремится "оправдать рожденную большевиками гражданскую войну" (там же).

Задавая вопрос о том, существует ли и должна ли существовать особая "пролетарская" литература, и что понимать под этим термином, редакция в заметке "Пролетарская литература" приходит к выводу, что "для настоящего писателя важна только искренность и независимость взглядов, каковы бы они ни были. Если такой "пролетарский" писатель сумеет развить свои способности, станет подлинным художником и свободным творцом, - он войдет в литературу", иначе не спасут его никакие покровители и идеи. Ибо "истинный художник - вне класса, вне сословия, вне партийных влияний, он - свободный гражданин великой международной республики - литературы" (1928. - 23 сент. № 3). Из "пролетарских писателей" же пытаются создать послушную группу "прислуживающих" и "подголосков" правительственной власти и господствующей партии (там же).

В заметке "Предисловие" за подписью - М. обращается внимание на то, что в советской литературе предисловие "должно играть роль как бы спасителя от вредных заблуждений и толкований", навязывая читателю "надлежащее мнение о прочитанном". Если писания таких "присяжных воспитателей" действуют на "живую и пытливую мысль простого русского читателя", то "мы будем иметь ряд духовно искалеченных поколений", - делает печальный вывод автор заметки (1928. - 30 сент. № 4).

В статье "Старушка Европа" утверждается, что новая культура не может образоваться путем взрыва, ее необходимейшая составная часть - время, разумно и расчетливо затраченное. Поэтому бессмысленно и лонятис "революционная культура", - она может быть "лишь пореволюционной, созданием длинного ряда лет спокойного строительства на расчищенном от обломков прошлого месте" (там же). При этом будущее принадлежит тому, кто умеет с уважением относиться к опыту прошлого.

"Героем наших дней" в российской литературе оказался вор в разных ликах (растратчик, налетчик, вломщик, мошенник, бандит и т.п.), замечает безымянный автор статьи "Герой нашего времени". Появился ряд произведений, авторы которых отнюдь не задаются

целью бичевания порока, а просто вдохновлены коллективной личностью вора. Это испугало советскую критику. Рецензент "Дней" напоминает, что в самые разнообразные эпохи и не в одной России вор становился героем литературных произведений. И почти всегда "его возводила на пьедестал общественная утесненность, усталость от предписанной морали, отвращение к официальному катехизису. "Вор" - протестант, первичная форма общественной позиции" (1928. 7 окт. - № 5). Дальше он может выродиться в популярного "разбойника Чуркина", - из одноименного романа "писателя из народа" И.С.Ивина, о котором Л.Толстой говорил, что Ивина читают больше, чем его, - а при удаче превратиться в "Тушинского Вора".

В статье "При закрытых дверях" редакция напоминает, что сила русской литературы всегда росла в общении с культурой Запада, в духовном состязании с соперником известным, изученным. Сейчас же этого нет, и с каждым годом Россия все более делается как бы глухой провинцией, "культурным недорослем семьи народов". В статье указывается на трагическую утрату критерия оценки "достижений", происходящую оттого, что в силу внутренних политических условий жизнь в Советской России творится при закрытых дверях. Духовная оторванность приводит к печальным результатам - "невольно утрачивается масштаб достижений и невозможной делается их правильная оценка. Расцветает поразительный провинциализм, наивное самодовольство, смешная убежденность в том, что "наше село больше всякого города" (1928. - 4 нояб., № 9).

Революция в искусстве возможна, но "революционное искусство" - понятие пустое и противоречивое", где моменту переворота придается значение длительности, отрицательному придается положительный смысл, разрушению - смысл строительства, утверждается в редакционной статье "Жизнь и искусство" (1928. - 11 нояб. № 10). Такая попытка совместить несовместимое гибельно отразилась на российском искусстве. Был дан социальный заказ - делать искусство революционизирующим, и художнику пришлось воспевать недавнее прошлое, стать мемчаристом. хотя "для картины объективной, для эпоса, еще нет

достаточного исторического отдаления, не родилась еще и поэзия прошлого"; отсюда - нагромождение однородных тем, без нахождения новых слов. Как ни тесно связано искусство с жизнью, делает вывод редакция, все же периоды расцвета искусства "совпадают не с краткими яркими моментами событий и общественных переворотов, а, наоборот, с длительными эпохами успокоения и строительства" (там же).

Откликаясь на дискуссию в советской печати, редакция в заметке "О причинах "дистанции" объясняет, что пока в СССР мысль и слово несвободны - нельзя требовать от искусства близости к вопросам жизни, оно либо "воспарит к облакам", либо "покончит самоубийством" (1928. - 18 нояб. № 11).

Статья "Трагическое положение" - о ряде "критических статей" доносительного характера, которыми изобиловала советская пресса, в частности, журналы "Красная новь" и "На литературном посту". Безымянный автор статьи указывает на два соображения. Первое - типичная "термидорность" положения, когда на подозрении оказываются уже решительно все, а значит - "дальше идти некуда, величавое здание рухнет, надежд на спасение не остается никаких" (1928. - 2 дек. № 13). И второе - свидетельствующее о том же: "Когда от борьбы мнений переходят к сверке отдельных слов со строками "священного писания", - тогда приходит конец и самим идеям; и тогда вообще не нужны больше ни журналы, ни критические статьи, ни сама литература: нужен только орган инквизиции и исполнитель" (там же).

О должностной, доносительной критике - "литературном отделе ГПУ" - редакционная статья "Критики". "Как в вопросах политики - тень Ленина, так в вопросах литературы и искусства вызывается неизменно в качестве непреложного авторитета тень Плеханова. Но Плеханов был талантлив и писал в те дни, когда было чему противопоставлять марксистскую установку" (1928. - 23 дек. № 16). Его ученики и последователи, произнося его слова, не способны оживить их смысла живым пониманием, застыли в готовых формулах и застряли в "зарослях негибкой догмы".

Откликнувшись на смерть Ю.И.Айхенвальда, "лучшего и литературнейшего русского критика", редакция с горечью констатирует, что "место, которое занимал он среди русских критиков, осталось незанятым в России после его высылки в 1922 в первой группе профессоров и писателей, - не нашлось равного ему по культуре и тонкости критического анализа" (1929. - 6 янв. № 18).

В статье "Чистые источники информации" критик, писавший под псевдонимом "Современник", обращает внимание на дезинформацию читателей в России об эмигрантской литературе. Анализируя причины, автор статьи пишет, что первоисточник коммунистических поношений по адресу тех, кто вынужден был уйти из России и есть свой "горький хлеб изгнания", надо, искать "в чувствах палача к случайно ускользнувшей жертве... в психологии затянувшейся гражданской войны, когда за отсутствием видимого противника его ищут на расстоянии, хотя бы за пределами досягаемости, давая тем самым видимость оправдания тираническому режиму" (1929, 29 сент. № 56). Советские же культуртрегеры повторяют своих политиков, а "чистые источники информации" фатально становятся источниками чистого произвола и лжи.

Статья Е.Скобцовой (Е.Ю.Кузьминой-Каравасвой) "Есть ли в поле жив человек?" подытоживает эмигрантские споры о духовном облике молодежи, живущей в России. Автор приходит к выводу о том, что "пока творческая мысль русской молодежи не проснется, пока не нарушится умственное оцепенение, наложенное учением коммунизма, до тех пор... практические дела не подвинутся к разрешению", потому что нельзя себе представить какого бы то ни было дела, правильно решенного в атмосфере официальной косности (1928. - 11 нояб. № 10).

В статье "Об истинной революционности" Е.Скобцова определяет понятия "революционности" и "контрреволюционности". Стремясь выяснить, к какому из названных направлений принадлежит российский коммунизм, автор статьи говорит о консервативно-охранительном характере российского коммунизма,

враждебного "всякой подлинной революционности, в каких бы формах она ни проявлялась", "около него с неизбежностью должна расцвести самодовольная мещанская тупость" (1928. - 9 дек. № 14).

В статье "Истоки русского нигилизма" Е.Скобцова, соглашаясь с Н.А.Бердяевым в том, что исторические корни нигилизма восходят к религиозному источнику - к расколу, особенно в таком его проявлении, как "беспоповщина", отмечает соблазненность русского нигилизма силой неправды в мире. Но "отнажды поняв неотвратимость и размеры этой неправды, он во имя своей правды - чаще всего правды отрицательного характера - предаст весь мир и все мировые ценности огню и мечу" (1929. - 3 март. № 26). В марксизме, коммунизме, ленинизме автор статьи усматривает только повод для проявления последних религиозных фанатиков русского нигилизма. Их неожиданный для многих успех Е.Скобцова объясняет тем, что чисто отрицательная нигилистическая религиозность невозможна. Она должна опираться на какую-либо, хотя бы мнимую ценность, входящую в совокупность религиозных ценностей среды, в которой ведут свою работу нигилисты.

На страницах еженедельника регулярно публиковались отчеты и наиболее значимые доклады, прочитанные на собраниях "Дней". Это - доклады А.Ф.Керенского "Проблема власти в России" (192. - 9 дек. № 14), И.И.Бунакова "Русский земельный строй и аграрная революция" (1928. - 30 дек. № 17), Г.П.Федотова "Россия и Великороссия" (1929. - 10 февр. № 23), Ф.А.Степуна "Задачи социализма", в прениях по докладу выступили Н.А.Бердяев, Г.Д.Гурвич, Е.Ю.Скобцова, М.В.Вишняк, С.М.Соловейчик, Ю.А.Ширинский-Шихматов и др. (1929. - 24 марта. № 29), доклад Н.А.Бердяева "Мировая революция и современные социальные группировки", так же вызвавший большую полемику: с контр-докладом выступил К.О.Зайцев ("В защиту либерализма"), в прениях приняли участие Г.П.Федотов, М.В.Вишняк, М.Л.Слоним, А.Т.Горовцев, Ю.А.Ширинский-Шихматов, А.Ф.Керенский, А.П.Марков и др. (1932. - 10 янв. № 146). В рубрике "Собрания "Дней"

публиковались речи А.А.Александрова, И.М.Хераскова, Д.С.Мережковского, И.И.Бунакова (1933. - 8 янв. № 164) и др.

Т.Г.Петрова

ДОМ ИСКУССТВ В БЕРЛИНЕ И "БЮЛЛЕТЕНИ ДОМА ИСКУССТВ" (Берлин, 1922. - № 1/2. - 3. - 17 февр.-март). 21 ноября 1921 в Берлине был основан русский Дом искусств. Его учредителями стали А.Белый, К.Л.Богуславская, З.А.Венгерова, Н.М.Минский, С.М.Пистрак, И.А.Пуни, А.М.Ремизов, С.П.Ремизова, И.С.Соколов-Микитов, С.Г.Сумский-Каплун, А.Н.Толстой, А.С.Ященко. На общем собрании, неделю спустя, были учреждены три секции - литературная, изобразительных искусств и музыкальная. Был избран Совет из 11 человек - А.Белый, Д.А.Гартман, Н.Д.Миллиоти, С.М.Пистрак, И.А.Пуни, А.М.Ремизов, А.Н.Толстой, А.С.Ященко. Председателем стал Н.М.Минский, секретарем - С.Г.Сумский-Каплун, казначеем - З.А.Венгерова. В контрольную комиссию вошли В.Б.Станкевич, К.Л.Богуславская, Р.М.Бланк.

Это событие нашло отклик в России: "29 ноября в Берлине состоялось под председательством Н.М.Минского организационное собрание членов открывшегося там Дома искусств. По словам берлинских газет, Дом искусств - организация аполитичная. Цель его - установление связи и общения между собой русских литераторов, художников, музыкантов и артистов, проживающих за границей, установление связей с заграничными деятелями художественного слова и, наконец, установление связей с деятелями литературы, находящимися в России" (Летопись Дома литераторов: Литературно-исследовательский и критико-библиографический журнал. - Петербург, 1921. № 4. - С.10).

Подробная информация об основании Дома искусств была дана в начале 1922 в его "Бюллетенях". Отметив, что организационное собрание было многолюдным, "Бюллетени" кратко

характеризовали цели и устав Дома искусств. "Действительными членами Дома искусств могут быть все деятели литературы и искусства, принятые в число членов постановлением общего собрания членов одной из секций... Членами-соревнователями могут быть все лица, рекомендованные двумя действительными членами и принятые постановлением Совета" (с.22).

Стремление учредителей Дома искусств отвести ему заметную роль в культурной жизни русской эмиграции в Берлине неизбежно наталкивалось на трудности финансового порядка. "К сожалению, Дом искусств не располагает пока достаточными средствами, чтобы перейти в иное помещение, где предоставленный целиком в распоряжение Дома зал давал бы возможность организовать концерты, театральные постановки и пр. и осуществлять те многочисленные планы, которые неосуществимы в кафе с его шумом, необходимостью мириться с посторонними людьми и т.п. Но Совет Дома надеется, что в ближайшем будущем ему удастся преодолеть это затруднение и создать действительно Дом, где установится постоянное тесное общение между деятелями искусства и литературы, возможны будут беседы, чтения, устройство высокохудожественных выставок, концертов и т.п." (там же).

Первая "суббота" Дома искусств была назначена на 3 декабря 1921. Ее открыл А.М.Ремизов чтением воспоминаний о петербургской весне 1920. По просьбе слушателей он прочел одну из своих сказок, А.Белый - главу из нового романа, И.Эренбург - стихи. Н.Минский дал оценку последним стихотворным сборникам М.Кузмина и Н.Гумилева. Молодые поэтессы Э.Кальма и Татида (Т.Д.Цемах) выступили с новыми стихами. 15 декабря А.Белый прочел лекцию "Культура современной России", которая привлекла внимание не только писателей-эмигрантов, но и была отмечена петербургской "Летописью Дома литераторов": "Лектор указал, что говорить о культуре современной России - трудность совершенно особая... Культуры современной в России нет, но сама эта современная Россия рождает новую культуру - в сердцах сильных и смелых русских людей. И может быть, через двадцать лет в России

вспыхнет такой свет, что улицы Парижа покажутся темными" (1922. - № 1/2. - С.10).

Члены Дома искусств ощущали глубокое единство с писателями России. В частности, на организационном заседании рассматривался вопрос об оказании помощи М.Волошину, о бедственной жизни которого в Коктебеле было получено письмо из Москвы. На одном из первых собраний Совет постановил послать петербургскому Дому литераторов, Дому искусств и Союзу писателей "искренний привет". "Мысли наши с вами и любовь наша вам, - говорится в этом приветствии. - Желаем вам бодрости и энергии. Сидя здесь за границей, мы остро видим, что то, что вы там делаете, - настоящее, подлинное, необходимое для русской культуры. Вам очень трудно, мы знаем, среди нас большинство еще недавно приехало из России, вам негде писать и печататься, но и то немногое, что вы даете, - самое ценное, потому что оно подсказано Россией, пережитыми каждым лишениями, тяжелым опытом и глубокой любовью к России" (Летопись Дома литераторов. - 1922. - № 3. - С.7). На заседании Дома литераторов было постановлено послать ответное приветствие Дому искусств.

На Новый 1922 год Домом искусств была устроена елка с приглашением гостей, перед которыми выступили А.Белый, Н.Минский, А.Ремизов. Судя по воспоминаниям Р.Гуля, подобные вечера с присутствием "публики" практиковались Домом искусств и пользовались популярностью у любителей литературы и у любителей "повращаться" в литературной среде; за которыми укрепилось по традиции петербургской "Бродячей собаки" собирательное имя "фармацевты". Р.Гуль писал: "В Берлине... существовал тогда русский "Дом искусств", председателем коего был эдакий старичок-живчик поэт Николай Максимович Минский. Сначала "Дом искусств" собирался еженедельно в кафе "Ландграф" на Курфюрстенштрассе, потом в кафе "Леон" на Ноллендорфплан. Я бывал там всегда. В этот раз пришел почему-то рано, но там уже сидела некая поэтесса Татида, в свое время приятельница Макса Волошина. С Татидой мы все дружили - Офросимов, Иванов, я, Корвин-Пиотровский. Как

всегда, Татида сидела у входа - члены "Дома искусств" проходили бесплатно, а с "фармацевтов" бралась плата" (Гуль Р. Я унес Россию. - Нью-Йорк, 1984. - Т.1. Россия в Германии. - С.68-69).

22 марта 1922 Дом искусств принимал Томаса Манна, который прочел доклад "Гете и Толстой". А.Белый произнес речь на немецком языке. Сбор от вечера решено было направить на нужды писателей в Петербурге. Предметом обсуждения на вечерах Дома искусств бывали не только литературные, но и остросовременные политические события, каким было, например, убийство террористом одного из лидеров партии кдетов В.Д.Набокова, отца писателя В.В.Набокова (Сирина). 2 апреля 1922 газета "Накануне" сообщала: "Вчерашний вечер или "заседание" Дома искусств был посвящен памяти В.Д.Набокова. Н.М.Минский прочел прочувствованное стихотворение... Проф. Шацкий охарактеризовал В.Д. со стороны его безукоризненного общественного служения. А.Н.Толстой с присущим ему юмором рассказал о своем знакомстве с В.Д. ...Конец вечера был ознаменован любопытным диспутом, не стоявшим в прямой связи с предыдущим". Между А.Н.Толстым и А.Белым завязался спор на "модную тему" - о "смене век", о позиции газеты "Накануне", т.е. об отношении эмиграции к большевистской России.

Заседание Дома искусств 8 апреля 1922 хроникер газеты "Накануне" назвал "большим событием в его не слишком яркой жизни". На заседании были представлены три доклада - А.Н.Толстого "Основы театра", З.А.Венгеровой о драматургии Б.Шоу и А.Белого об эвритмии. "Задаваясь вопросом, почему именно Россия "хранит священный огонь театра", А.Н.Толстой замечает: "В самом народе есть чувство театра. Русский мужик по своей природе - актер. У него издавна большая охота к зрелищам - обрядам, ряжению, к хороводам, к медвежьим поводырям, к скоморохам, к разбойникам". А.Белый прочитал "тщательно продуманный экспромт" об эвритмии. "Эвритмия, по Белому, есть наука о согласовании слово-звука со словом-жестом, наука одушевления слова, возвращения ему его первобытной свежести, раскрытия его пра-значения. Поэт Парнах...

отдал дань изумления "гениальным словам А.Белого" и выразил убеждение, что будущее театра и искусства принадлежит ему, Парнаху, и "мимо-акробатическому искусству" (Накануне. - 1922. - 9 апр.).

Весной 1922 на еженедельных заседаниях прошли обсуждение журнала "Вещь", в котором приняли участие его редакторы И.Эренбург и Эл.Лисицкий, чтение новых стихов М.Цветаевой, С.Есениным, А.Кусиковым; И.Эренбург ознакомил членов Дома с одной из "Шести повестей о легких концах" - "Испорченная фильма", А.Толстой - со своими воспоминаниями о Н.Гумилеве.

15 сентября 1922 был открыт зимний сезон Дома искусств. В.Б.Шкловский сделал доклад "Литературная жизнь Петербурга", В.Ходасевич и Н.Оцуп читали свои стихи. В газете "Накануне" 22 сентября сообщалось об очередном собрании в Доме искусств: "Гр. А.Н.Толстой прочтет две главы из подготовленного к печати фантастического романа "Аэлита", Пастернак прочтет стихи". Десять дней спустя в Доме искусств отмечалось 30-летие литературной деятельности М.Горького. Хотя юбиляр по болезни отсутствовал, после доклада Н.Минского А.Белый произнес речь, выступали В.Ходасевич, А.Толстой и др. 13 октября состоялось годовое собрание Дома искусств с отчетом и выборами президиума, председателем которого стал А.Белый, товарищем председателя - В.Шкловский, секретарем - А.Бахрах. В конце октября приехавший в Берлин В.Маяковский читал в Доме искусств поэму "150.000.000" и стихи, выступил в прениях по докладу В.Шкловского "Литература и кинематограф".

29 октября в газете "Накануне" был опубликован памфлет И.Василевского (Не-Буквы) "Тартарен из Таганрога: О 12 новых книгах Ильи Эренбурга". Автор обвинял писателя в невежестве (путает 5 и 6 заповеди), в саморекламе, сомневался в его психической полноценности. Закljučая статью, И.Василевский писал: "Перед нами безнадежно лишенный своего стиля и свои слов имитатор, графомански-плодовитый коммивояжер, кривляющийся на разные

лады "Тартарен из Таганрога", или и впрямь больной, которого надо лечить, от души пожалев его и по-человечески пожелав ему скорейшего и радикального выздоровления". Появление этого памфлета привело к расколу в Доме искусств. 7 ноября состоялось чрезвычайное общее собрание. На нем был поставлен вопрос об исключении из Дома искусств И.Василевского и А.Толстого, который заведовал "Литературным приложением" к газете "Накануне", за публикацию, как писала газета "Дни", статьи "неприличного содержания" по адресу И.Эренбурга (7 нояб. 1922). Диспут по поводу этой статьи закончился тем, что Дом искусств покинули А.Белый, А.Ремизов, В.Ходасевич, Н.Берберова, В.Лурье, С.Постников, А.Бахрах, С.Сумский-Каплун. Однако намеченные ранее вечера не отменялись, и 8 ноября состоялся доклад И.Пуни "Современная русская живопись и выставка в Берлине", вызвавший широкий интерес. В его обсуждении приняли участие В.Маяковский, Д.Штеренберг, И.Эренбург. Неделью спустя состоялись довыборы в правление в связи с уходом пяти его членов и председателя - А.Белого. Председателем правления был избран Н.Минский, товарищем председателя - В.Шкловский, членами правления - А.Толстой, Р.Гуль, А.Яценко, казначеем - З.А.Венгерова.

В конце 1922, помимо чтения новых произведений (И.Эренбург, А.Толстой), прозвучали доклады В.Шкловского "О новой русской прозе", директора и главного режиссера Московского Камерного театра А.Я.Таирова "О задачах нового русского театра". Отчет об этом вечере дали газеты "Руль" (5 дек.) и "Накануне" (7 дек.). Был организован вечер заумной поэзии И.М.Зданевича. Поэт читал отрывки из своих произведений, В.Шкловский предложил вниманию собравшихся доклад "Пушкин и Зданевич", П.Г.Богатырев - доклад "Островский и Зданевич".

В первой половине 1923 в Доме искусств продолжались регулярные заседания. Ю.В.Ключников познакомил коллег с поэмой "Куст", новые стихи читали Б.Пастернак, А.Каменский, М.Шкапская. Прошел вечер молодых поэтов - А.Присмановой, Е.Феррари.

К.М.Муклашевский сделал доклад "Комедия дель арте в современном мире" и прочитал свою одноактную пьесу "Джон Крукс и его первая любовь". На чтении новой пьесы Каменского "Черная месса", состоявшемся 23 марта, присутствовали А.Толстой, С.Есенин, А.Куиков, И.Василевский, Ю.Ключников, А.Вольский. 9 февраля С.Л.Рафалович выступил с докладом "О футуризме", сопроводив его чтением своих стихов. 20 апреля прошел диспут о внешнем оформлении книги по докладу В.Шкловского. На заседании 4 мая Е.Феррари читала свои сказки, а итальянский поэт Лазари - свои стихи и "Свободное слово" Ф.Маринетти.

В мае 1923 уехал в Москву А.Толстой, осенью возвратились в Россию А.Белый и В.Шкловский, затем Н.Минский переехал в Лондон - существование Дома искусств прекратилось. Своеобразным напоминанием о его деятельности остались "Бюллетени Дома искусств", в редколлегию которых входили Н.Минский, А.Ремизов, С.Сумский-Каплун. Петербургская "Летопись Дома литераторов" сообщала читателям: "27 января в Берлине вышел первый номер еженедельного журнала "Бюллетень Дома искусств". В программу журнала включены: хроника Дома искусств, хроника русского искусства и литературы за границей, хроника литературы и искусства в России, рассказы, стихи и пр., читаемые на вечерах Дома искусств в Берлине, сатирико-юмористический отдел, рисунки, шаржи, портреты и пр. Издание журнала взяло на себя издательство "Геликон" (1922. - № 8. - С.9). Дата выхода журнала была указана ошибочно, первый двоясанный номер появился 17 февраля 1922.

"Бюллетени" открывала подборка материалов, посвященных памяти А.Блока. На первом месте стояло обращение Комитета по увековечиванию памяти А.Блока с "призывом ко всем лицам, у которых находятся рукописи и письма Александра Александровича, а также все материалы, относящиеся к его творчеству (воспоминания, заметки, письма к нему или о нем, снимки и т.п.), представить эти материалы в подлинниках или точных копиях в распоряжение Комитета" (с.1). Далее следовала просьба ко всем

журналам и газетам перепечатать это обращение. Блоковскую тему продолжил отчет о собрании в Вольной философской ассоциации. Блок был одним из учредителей этой ассоциации, открыв в ноябре 1919 круг ее заседаний докладом "Крушение гуманизма". Несмотря на то, что ко времени выхода "Бюллетеней" стенографический отчет о блоковском вечере был издан отдельной книжкой, редакция журнала поместила развернутый конспект выступления А.Белого. "В речи Андрея Белого разобраны основные "образы-мифы" поэзии Блока как национального поэта и как "конкретного философа" (с.3). Докладчиком была впервые оглашена заметка самого Блока о поэме "Двенадцать", относящаяся к апрелю 1920 и найденная после смерти поэта в его бумагах. "Запиской этой в корне разрушается легенда, будто Блок в последние годы жизни отказался от "Двенадцати". Приводя текст записки, автор публикации пишет: "Эта совершенно исключительной важности записка Блока завершает собой речь Андрея Белого; "Двенадцать" ставится в этой речи в тесную связь со всем творчеством Блока, и одинаково "руки прочь!" говорится в ней и тем, кто выхватывает из всего творчества поэта одну эту "политическую" поэму, и тем, кто "принимает" все творчество Блока без этой поэмы" (с.5-6). Заключает блоковскую тему стихотворение А.Ахматовой "Памяти А.Блока" и посвященное А.А.Кублицкой-Пиоттук, матери поэта, стихотворение М.Шкапской "Что ты там делаешь, старая мать?..".

Большое место в "Бюллетенях" уделено разделу "Хроника литературы и искусства", имеющему подразделы "В России", "В Москве и Петербурге". В первом из них освещаются шесть номеров петербургского журнала "Летопись Дома литераторов". "Журнал этот во всяком случае свидетельствует, что оживление издательской деятельности в связи с "новым курсом" пробивает брешь в той глухой стене, какой окружила советская власть русскую литературу... Передовая статья № 4 требует свободы и независимости печати. Правда, грустно читать вновь старые аргументы о пользе свободной и независимой печати. Грустно видеть это робкое начало в борьбе за

элементарнейший принцип общественной и государственной жизни. Но уже тот факт, что такая статья и такая тема оказались возможной, а также тот факт, что "Летопись" позволяет себе совершенно независимые и полемические суждения, показывает, что и в этой области начинается некоторое оживление" (с.6-7). Отмечая, что "Летопись" очень внимательно следит за русской литературой за границей, автор публикации особо подчеркивает полноту и точность информации о выходе новых книг вне России. Заканчивая обзор "Летописи", автор раздела "Хроника" пишет: "Мы постарались отметить только то, что сможет особенно заинтересовать заграничного читателя. Во всяком случае "Летопись" Дома литераторов свидетельствует, что и в России независимая мысль живет, независимая литература, несмотря на все притеснения, все муки завоевывает себе право на существование" (с.10).

В подрубке "Как живут писатели в Крыму" "Бюллетени" дают краткие, в несколько строк сообщения о М.Волошине, живущем с матерью "на случайные заработки и средства от продажи своих картин", о крайней нищете писательниц П.С.Соловьевой и Н.И.Манасеиной, историка А.П.Новицкого, прозаиков И.С.Шмелева и С.Н.Сергеева-Ценского, не получающих положенных им академических пайков из Москвы и испытывающих на себе недоброжелательство местных властей, третирующих писателей как "бездельников". В подрубке "В Москве и Петербурге" представлены сведения о решении группы писателей издать за границей на четырех языках "литературно-научно-публицистический" сборник в помощь голодающим. В редакцию сборника вошли В.Я.Брюсов, В.В.Вересаев, М.О.Гершензон, академики П.П.Лазарев и А.Е.Ферсман, профессор А.П.Пинкевич. Приводится подробная программа сборника.

В разделе "Книжные новости" "Бюллетени" предлагали читателю развернутый список изданных московскими и петербургскими издательствами книг, сопровождая некоторые из них краткими аннотациями. Информация о выходе журналов и газет не ограничивалась только обеими столицами, но сообщалось о выходе в

Читайте "политической и литературной" газеты "Дальневосточный телеграф", о переиздании сборников "Смесь всех" тверским отделением Госиздата. В разделе "За границей" читателей оповещали о гастролях в Берлине русских музыкантов - скрипачки Ц.Ганзен, пианиста Б.Захарова, композитора А.Глазунова.

Значительная часть "Бюллетеней" отдана информации о деятельности Дома искусств. Отчет об организационном собрании, изложение устава Дома искусств, условий приема, рассказ об отдельных заседаниях и выступлениях писателей. "В дальнейшем в "Бюллетенях Дома искусств" будут публиковаться подробные отчеты о вечерах Дома" (с.22). Совет Дома искусств через "Бюллетени" выступил с протестом против установившегося в Берлине обычая приглашать писателей на бесплатные выступления и сделал через "Бюллетени" соответствующее заявление: "Считая совершенно недопустимым такое отношение к человеческому труду, особенно к труду умственному, Совет Дома искусств предлагает своим членам отклонять все те предложения, которые не имеют в виду нормальную оплату труда". Редакция "Бюллетеней" обратилась к членам Дома искусств с просьбой "сообщать все случаи нарушения прав и интересов членов, для того чтобы иметь возможность на столбцах "Бюллетеня" отмечать их и бороться с ними" (с.26). В "Бюллетенях" дан подробный отчет о проведенном Домом искусств вечере памяти известного немецкого дирижера Артура Никиша, о заседании Вольной философской ассоциации, на котором А.Белый подверг резкой критике нападки на Ассоциацию той части прессы, которая руководствуется "изменными инстинктами чехи или контрразведки" (с.28).

Заключительную часть "Бюллетеней" составили юмористические миниатюры А.Ремизова, его представление читателям "Обезвельволпала" (Обезьянней великой и вольной палаты), "Манифест" этого "тайного общества", "од которым стояла подпись "б.канцелярист, забеглый политком обезвельволпал, Алексей Ремизов". В этот раздел вошли рубрики "Издатели", где было

несколько шуток в адрес Е.Г.Лундберга, "Среди писателей", "Среди художников" ("Знаменитый петербургский футурист И.А.Пуни работает над проектом усовершенствованного материала (паучины гнезда) для росписи будущей одежды и морд"), "Из музыкальной жизни" ("Евразиец П.П.Сувчинский выступает в Цоо с советскими и добровольческими частушками под аккомпанемент известной литовской пианистки - А.М.Ремизова"), "Кино" ("Апокриф А.М.Ремизова "Чудесный урожай" из напечатанной в 100 экземплярах книги "Заветные сказы" приобретен кинематографической фирмой "Декла". В иллюстрировке участвуют артисты Моск. Художественного театра. Режиссеры З.А.Венгерова и Андрей Белый").

Р.Гуль считал, что именно это юмористическое приложение решило судьбу издания в целом: "Одно время в Берлине Ремизов редактировал (вместе с Н.М.Минским) шуточный листок (в несколько печатных страниц) - "Бюллетень Дома искусств" и в нем печатал всякие фантастические штуки о братьях-писателях. Но некоторые из писателей (например, Е.Лундберг) на него за них обиделись, и листок прекратился на втором номере. Помню из него только заметку, что Н.Бердяев почему-то проглотил сливовую косточку и что из этого вышло. А о приехавшем в Берлин Борисе Пильняке сообщалось, что какие-то люди на каком-то собрании - с криком: "Пильняк начинается!" - бросились друг на друга" ("Я унес Россию". - Т.И. Россия в Германии. - С.84).

Приведенных Р.Гулем двух последних примеров в сдвоенном № 1-2 "Бюллетеней" нет. Возможно, он почерпнул их из № 3, который, по свидетельству некоторых источников, вышел в марте 1922.

Е.С.Помранцева

"ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК" - см. "Утверждение евразийцев".

"ЖАР-ПТИЦА" (Берлин-Париж 1921-1926. - № 1-14) - журнал общекультурного направления. Имена его авторов - известных литераторов, критиков, художников и артистов - были памятли беженцам еще по России. В журнале печатались рассказы и стихотворения, рецензии, театральные обзоры и критико-биографические очерки о представителях современного искусства. Имена прозаиков были на слуху у эмигрантского читателя: Г.Гребеншиков (№ 2, 12), И.Соколов-Микитов (№ 3, 4-5), А.Ремизов (№ 3), А.Толстой (№ 6), Б.Зайцев (№ 7, 10), Б.Пильняк (№ 7), Н.Тэффи (№ 1, 7, 8, 12), П.Потемкин (№ 14), В.Немирович-Данченко (№ 9), И.Лукаш (№ 8, 13), И.Сургучев (№ 8) и др. Русская художественная жизнь за границей была отражена в ее различных проявлениях. Много внимания уделялось русскому театру (драма, опера, балет - не был забыт ни один жанр, причем обзоры сопровождались качественно выполненными фотографиями). Собственно, этот большеформатный журнал привлекал внимание читателей не только блестящими именами его авторов, но и в меньшей степени полиграфическим исполнением. Он печатался на мелованной бумаге, с многочисленными иллюстрациями, большей частью красочными. Даже обложка - каждый раз оформленная поразному и разными художниками - являла собой произведение искусства. Среди оформителей были И.Билибин (№ 2, 4-5, 14) и Б.Кустодисв (№ 3, 9), Н.Гончарова (№ 10) и М.Ларионов (№ 12), С.Чехонин (№ 1), Б.Григорьев (№ 11), Л.Бакст (№ 13). В ряде случаев работы, украшающие обложку, были знакомы читателю по Международной выставке книги и гравюры в Лейпциге в 1914 (№ 1, 2). Тонкий вкус издателей подтверждался печатаемыми в подбор к художественным произведениям репродукциями, будто иллюстрирующими содержание (таковы, например, малоизвестный рассказ Тэффи "Соловки", посвященный И.Бунину, и карельские рисунки В.Шухаева и Н.Рериха, № 1; цветные "детские" виньетки Г.Нарбута и стихи А.Черного "Игрушки", № 4-5; рассказ Б.Зайцева "Душа" и рисунки на церковные темы Л.Пастернака и Г.Лукомского, № 7; стихотворение К.Бальмонта "В далекой долине" и библейские

мотивы Н.Гончаровой, № 12; репродукции С.Судейкина "Из жизни старой усадьбы".

Первые 13 номеров печатались в Берлине - тогдашнем центре русской эмиграции. Журнал возник на базе художественного издательства "Русское искусство", организованного А.Э.Коганом. Оно состояло из двух взаимосвязанных филиалов: парижского (руководитель Г.К.Лукомский) и берлинского (собственно А.Э.Коган). Печатно-технической частью издательства заведовал Б.Г.Скамони, бывший до эмиграции директором крупных петербургских типографий и издательства Р.Р.Голике. В № 1 дана хроника издательства "Русское искусство" (с.41-42), первым изданием которого стал альбом выставки "Мир искусства" (июнь-июль 1921, Париж). В "Русском искусстве" выходили монографии о творчестве Л.С.Бакста, о русской графике, книга Г.К.Лукомского "Старый Киев" и т.п. Отклики и рецензии на эти издания публиковались в журнале.

Организационно журнал подразделялся на две редакции: литературную, возглавляемую А.Черным, и художественную, под руководством Г.Лукомского и ближайшем участии А.Я.Левинсона. Первоначально журнал был заявлен как ежемесячный. С девятого номера в анонсе речь шла уже о двухмесячных выпусках. Но и этот режим выдерживать не удавалось. Было выпущено 5 номеров в 1921 (причем два последних сдвоенны), 4 - в 1922, 3 - в 1923 и по одному в 1925 и 1926. Первые 13 номеров печатались в Берлине, последний - в Париже. Средний объем номера был около 40 большеформатных страниц. Номер завершало краткое резюме основных статей, переведенное на немецкий язык. В конце помещалась реклама: изысканной мебели и полотняного белья, "настоящих русских самоваров" и "чая т-ва П.М.Кузмишев с С-ми", пудры для лица и автомобилей, папирос и "демократической газеты "Руль", меховых манто и шпилек для волос. На журнал можно было подписаться, причем не только в Берлине и Париже, но и в Англии и даже Америке. Представителем журнала в США была фирма "Brentano's". В Великобритании и Ирландии представителем журнала являлся Марк Виленкин.

Литературная часть журнала весьма разнородна. Поэзии отводилось не слишком много места, однако просматривается определенная закономерность, по которой можно было судить и о вкусе издателей, и о популярности поэтов среди современной читающей публики. Чаше других поэтические страницы предоставлялись К.Бальмонту (№ 1, 2, 12, 14), В.Ходасевичу (№ 8, 10, 11, 14), В.Сирину (№ 1, 7, 11, 12), Н.Тэффи (№ 4-5, 7, 9), А.Черному (№ 1, 4-5, 6). Направление прозы отчасти определялось эмигрантской тоской по своему, старому, исконному, привычному. Печатались этнографические зарисовки И.Соколова-Микитова ("Красное лето", № 3, "На святки", № 4-5), сказителя Н.Пинегина ("У Гадуна (Из сказок Севера)", № 6) и др. Были представлены и сцены из чужеземной жизни (М.К.Первухин "Санта-Кьяра" (Из итальянских акварелей)", № 4-5; П.Потемкин "Автомат, или Чудеса, случившиеся в старой Праге в 183...году", № 14). Однако наиболее сильное впечатление оставляют произведения, передающие атмосферу той трагической эпохи в истории России, что поделила вчерашних сограждан на два непримиримых лагеря.

"Время было беспокойное, - так описывает его Н.Тэффи в рассказе "Поручик Ласпар" (№ 8. - С.7-8), - то захватывали большевики, то белые, то наезжал атаман Маруся... Много месяцев забыты были и звезды, и небо, и тихие тени ночных деревьев. Никто не смотрел на них, не видел и не помнил. Страшная жизнь, в которой все были виноваты и все выкручивались и оправдывались, заговорила новыми страшными и грубыми словами, наложившими запрет и на звезды, и на небо, и кто помнил о них - скрывал эти мысли как стыдное".

Растерянность "был их" перед "новыми", ощущение какой-то неясной вины слабых, интеллигентных, порой бескровных, вырождающихся (как герой рассказа Тэффи "Потомок", № 12), внезапно оказавшихся внутри "бессмысленного и беспощадного" русского бунта, станут лейтмотивом многих произведений эмигрантской литературы. И может быть, лучшая часть их, не желающая обгадить руки в братской крови, вступать в тот безумный

поток, перешагивать через "увиденную утром струйку крови у ворот комиссариата", которая "перерезывает дорогу жизни навсегда" (Тэффи), - помнила евангельское: "Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас". Этим же заветом живет лирический герой рассказа Б.Зайцева "Душа" (1920). Перед комиссаровой избой сходка. Герой смотрит на вчера еще знакомых и понятных мужиков и не узнает их. "Меж нами - пропасть. В разные стороны мы глядим, разное живем, разное чувствуем. Я для них слишком чудной, они для меня - слишком жизнь" (№ 7. - С.8).

Рецензии, публикуемые в журнале, опосредованно отражали позицию издателей. Так, в отклике на книгу А.Ахматовой "Подорожник" А.Ч. (А.Черный) писал: "Пленителен и честен в каждом слове этих стихов русский язык (все, что у нас осталось) пленителен и дорог образ самого поэта..." (№ 1. - С.43). С этой рецензией соседствовал отзыв Андрея Левинсона на новые книги Блока с характерным заголовком "Незрячий пророк", где автор, в частности, утверждал, что "идеология Блока беспомощна и пресна". Вне времени оказалось утверждение критика Кинто из заметки "Узаконенное люительство": "В наши дни начинающие предприимчивее. Они пустили в обращение странную легенду, которой сами первые и поверили: о международной интриге против них старших собратьев, редакторов, издателей, метранпажей и едва ли не брошюровщиц. Тайны мадридского литературного двора всех времен, расцветшие безгранично щедрой к себе самовлюбленностью, до мельчайших подробностей известны каждому из них, едва знакомому с употреблением рифм "смерть-твердь-жердь"... И, конечно, ультра-левый уклон новой поэзии, производящий каждого прохожего, принявшего ее каноны, в гении, вытащив всех их, воюющих и голосящих артельно и повзводно, на бесчисленные эстрады..." (№ 2. - С.39-40).

Хотя журнал не стремился акцентировать свое политическое кредо, на эмоциональном уровне не скрыть было ностальгической тоски по оставленной родине. Она пронизывала материалы разных жанров, отголоски ее можно было найти даже в статьях на внешне,

казалось бы, нейтральные темы. Сквозной нитью проходит во многих публикациях любовь к России и русскому. А.Толстой (и не случайно именно он) пишет о картинах С.Судейкина (№ 1. - С.23-28), говоря о нем как о "могучем и яростном кистористе", называет его "подчеркнуто русским художником". Номер заполнен подтверждающими эти высказывания репродукциями Судейкина: "Девка", "Чаепитие "под машину", "Усадьба", "Катанье на масленице", "Романс Глинки", "Бульварчик", "Трактирчик", - одни названия говорят сами за себя. А.Толстого, как и Судейкина, восхищает близкий и ему тоже "чудесный, полный поэзии, радости и юмора, мир старинных пейзажей, дворянских усадеб, хороводов под зеленой сенью рощи жеманных молодых людей, влюбленных в сельских красавиц: оживший мир беспечной прелести и любви... ярмарки, балаганы... румяные купчихи... курносый чиновник,... трактиры, непомерные бабищи, рассолодевшие девки,... сказочный мир глиняных вятских игрушек... упившийся сладострастием и ленью восток..." Это сочетание Востока и Запада, соединение двух культур и есть Россия, в понимании близких по духу художника и писателя. "Россия сегодняшнего дня, - заключает А.Толстой, - иступленные, кровавые судороги двух слившихся, наконец, миров. Россия будущего - благодать изобилия, цветение земли, мировая тишина. Русскому искусству - венец на пиру" (№ 1. - С.28).

Репродукции работ Судейкина украшают страницы многих номеров журнала: "Русская пастораль" и "В старину" (№ 7), "Игрушки", "Катанье с гор" (№ 4-5), "Из жизни старой усадьбы" и "Московские невесты" (№ 9), "Катенька", "Хоровод", "Фарфор", "Смотрины" (№ 12). В № 12 вновь появляется очерк о художнике "Судейкин в кабаре". В.Татаринов подчеркивает в нем иную ипостась творчества художника-экспериментатора. Судейкин пускает в ход русский лубок и старинный фарфор, балаган и гобелены, дерево и кружево. "Прелестные в своей аляповатости русские олсографии сменяются изящными, дразнящими силуэтами и масками из итальянской "comedia dell' arte" (с.22-23).

Художники и поэты, прозаики и критики "унесли Россию с собой", о чем не раз говорят страницы журнала. А.Черный посвящает стихотворение "Весна на Крестовском" А.И.Куприну, где от имени всех эмигрантов признает: "О родине каждый из нас вспоминая, / В тоскующем сердце унес / Кто Волгу, кто мирные склоны Балдая, / Кто заросли ялтинских роз..." (№ 2. - С.20). В лирической зарисовке А.Трубникова "Петербург" автору не избыть своей тоски по родине: "Что имеем, - не храним, потерявши плачем"... "Кто из нас, когда Петербург был близок, когда мы жили в нем, не бранил за слякоть, холод и тьму, не мечтал вырваться из гнилого болота в веселый Париж или к лазурному морю!... Кто из нас теперь, когда Петербург далеко, не вспоминает с тоскою бывшего Петербурга!..." (№ 2. - С.21-22). Очерк сопровождают гравюры старого города, столь милые сердцу каждого петербуржца: "Сенатская площадь и памятник Петру I", "Сенат", "Старый Петербург. Нева", "Старый Петербург. Вид на Неву и Зимний дворец" (с.21-23). В № 13 в материале с названием "Старый Петербург" автор Л.К-ов вновь вернется к теме родного города. Из старых альбомов взяты цветные гравюры, что вызывают "прилив невыразимой тоски по утерянному, невозвратно минувшему..." "Набережная Невы", "Вид на Исаакий", "Церковь Николы Морского", "Зимний Дворец", "Памятник Петру Великому", "Невский проспект" (№ 13. - С.9-14) - музыкой звучат для эмигрантов эти названия.

В № 6 Александр Дроздов берedit сердце бывших москвичей ностальгической зарисовкой "Московское": "... Москва златоглавая, сердце родины моей, та. ли в нынешнюю зиму начинаешь свое утро, гомоня рынками, Охотным рядом, скрипя полозьями, блистая куполами сорока сороков? Сбебег ли Кремль, седой сединою последней, голоса веков, над тобою пролетевших ор. . .ною ста ?.." (№ 6. - С.12). Знает А.Дроздов горький ответ на свой вопрос, поставленный в 1922, как знают его и читатели журнала. И все-таки верят они: "Люди придут и уйдут. Отживут быстротечные жизни. Что Москва? Все пожары ей - пожары неопалимые, все ядра ей - в стенах ее стрянут. Москва - икона, издавека нам свестишь" (там же).

Традиционно часть каждого номера отводилась рассказу о каком-то известном художнике в сопровождении большого числа наиболее ярких его работ. В № 2 публикуется статья Г.Л. (Г.Лукомского?) "Как живет и работает И.Я.Билибин" (с.33-34). Автор развеивает ходившие в то время слухи о мучительной смерти художника, на время пропавшего из поля зрения любителей живописи, и рассказывает о его жизни в Египте, громадной мастерской, в которой он работает, его увлечении Востоком, пряными восточными сказками, Византией. Вспоминается данное А.Толстым определение своеобразия русского художника, которое заключается в сопряжении двух культур - Запада и Востока. Очень значимы слова Билибина, прекрасно устроенного в бытовом плане и тоскующего по родине: "... порою меня очень тянет в Россию. Я стал более ярым националистом, чем когда-либо, насмотревшись на всех этих носителей культуры - англичан, французов, итальянцев и пр. Только сейчас начинаю чувствовать как много мы потеряли..." (разрядка издателей. - № 2. - С.34). Билибину посвящена и художественная часть № 14, приуроченная к 25-летию его работы в искусстве. Вновь дан очерк его творчества (с.2-8; автор подписался инициалами С.Э.). Обложка, эскиз для панно "Корабль", иллюстрация к "Сказке о Золотом петушке", черно-белый карандашный набросок "Старый феллах", цветные репродукции "Борис и Глеб", "Стрельчиха" - все это И.Билибин. Упоминается о малоизвестном факте работы художника над росписью здания Отделения Госбанка в Нижнем Новгороде.

Любовью к России пронизаны полотна И.Левитана. Статья о нем С.Горного публикуется в № 7 (с.16-20). Журнал представляет репродукции лучших работ художника: "Вечерний звон", "Последний луч", "Летний вечер", "Большая дорога", "Озеро", "Март", "Мельница". Здесь же портрет самого Левитана работы Л.Бакста. Бакстом открывается девятый номер журнала: декорация к "Тамаре", "Портрет Иды Рубинштейн", "Натурщица, эскиз к постановке "Хлои", "Пляж", "Красная султанша". "Возвращение Бакста" - называет свою статью о художнике Андрей Левинсон (с.2-5). Речь идет о

качеством новом обращении художника к родным истокам. На ином жизненном витке, обогащенный опытом, он открывает для себя забытую Россию, от которой "у эмигрантов-москвичей слезы застилали глаза". "Этот самый западный из русских художников захотел прикоснуться к земле, обогатиться ее соками", - пишет А.Левинсон. Бакст обращается к стране своих воспоминаний, припадая к ней как к источнику живой воды. В этом же номере можно прочесть рецензию на монографию о Л.Баксте (с.6-8), увидеть портреты, принадлежащие кисти Бакста, - "Портрет Александра Бенуа" и "Портрет В.В.Розанова" (с.6).

В десятом номере главное художественное лицо - Федор Малявин. Номер открывается его рисунком "Девочка", на вкладыше представлена "Натурщица в шляпе". Но самое яркое впечатление остается, конечно же, от нашумевших малявинских "баб" - живых, разудалых, подбоченившихся, неразрывно связанных с именем художника. Сергей Маковский посвящает Малявину свой очерк (с.2-5), в котором рассказывает, как пришел в искусство этот "гениальный мужичок" из села Казанки Самарской губернии, упоминая о таком малоизвестном факте его биографии, как шестилетний послух на Афоне. Маковского восхищает "стихийная черноземная сила русской одаренности", с которой художнику удалось передать "наше деревенское праздничное бабье царство".

Работы Бориса Григорьева читатель журнала мог видеть в девятом номере. В.Татаринov писал о нем: "Россия Бориса Григорьева - не святая Русь Нестерова..., не чеховско-левитановская Россия... Григорьев пишет Рассю, исконную, настоящую, земляную, черноземную" (№ 9. - С.9-10). Искусствовед обращает внимание и на другую сторону дарования Б.Григорьева, подчеркивая, с какой простотой, бесхитростностью, порой кажущейся небрежностью создает художник свои шедевры, - в этом есть что-то от сохранившейся детской истоты. Иным предстает Б.Григорьев в очерке Лоллия Львова (№ 11. - С.2-6). Л.Львов вспоминает, что, замечательный рисовальщик, Григорьев в России "среди мира художников долго слыл парижанином". В противовес увиденной

В.Татариновым "детскости" Л.Львов акцентирует внимание на разедающем яде иронии Григорьева. В 1917 художник писал в России свои этюды и наброски, объединенные позднее в книге с характерным названием "Расея". Жутью и ирреальностью, по словам критика, веет от этой книги, в ней много магического и колдовского. Совершенно иной жизненный этап представляют работы Б.Григорьева, собранные в книгу репродукций "Boui-Boui au bord de la mer": портовая сутолока юга Франции, пьяный угарный быт, отравленный абсентом. "Видения Бориса Григорьева" - называет свой очерк о нем Л.Львов, но мог бы назвать, подобно А.Левинсону, "Возвращение Бориса Григорьева", поскольку, так же как Бакст, Григорьев не смог избежать ностальгических воспоминаний о родине. "Лики России" - так, высоким стилем, после нарочито сниженной, грубоватой "Расеи" назовет художник последний цикл своих работ, посвященных родине. В № 11 читатель может видеть репродукции Б.Григорьева разных периодов его жизни. Здесь "Рисунок девочки" и "Weltkind", "Дети из народной школы" и "Человек в подвале", "Пророк" и два портрета известных артистов в роли царя Феодора Иоанновича: В.И.Качалова и И.М.Москвина.

На страницах одиннадцатого номера соседствуют две совершенно непохожие друг на друга фигуры из мира искусства: Б.Григорьев и Марк Шагал. О последнем пишет Макс Осборн (с.13-20). Статья обильно иллюстрирована репродукциями картин Шагала: "Синий дом", "Автопортрет", "Над городом", "Зеленый еврей", "Поцелуй", "Видение", "Ворота еврейского кладбища в Витебске", "Прогулка", "День рождения". Критик признает, что мечтательная фантастика, которой наполнены картины художника, подпитывается реалиями родного мира. Простые, примитивные факты и явления пропускаются Шагалом сквозь призму сказки.

Есть в журнале редкие, архивные материалы. В № 2 это последние страницы дневника Л.Н.Андреева, датированные сентябрем 1919, заполненные писателем за 2-3 дня до его трагической кончины. Здесь же один из последних фото портретов Андреева и снимок его дома в Финляндии. Все это было передан

редакции журнала вдовой писателя. "... так все отвратительно в мире, так невыносимо скучно жить, говорить, писать, что не хватает силы и желания написать хоть несколько строк. Для кого? Зачем?" - этими горькими словами закончил свой жизненный путь большой русский писатель (с.24-26). В № 3 впервые публикуются выдержки из дневника Л.Андреева периода марта-мая 1918 г. А в № 4-5 Леонид Андреев предстает перед читателем с совершенно неожиданной стороны. Журнал публикует его письма 1915 к С.Голоушеву (Сергею Глаголю), с которым они приятельствовали. Здесь же опубликована последняя статья Л.Андреева, написанная им 29 марта 1919 и посвященная творчеству Н.Рериха ("Держава Рериха"). Номер обильно проиллюстрирован картинами Рериха: "Cor ardens", "Крик змия", "Колдуны", "Веление неба", "Новгородская церковка", "Знамение", "Владыка", "Перед ливнем" и др. Размышляя о мире Рериха, писатель утверждает: "Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское" (с.18).

Остались для истории фотографии великих мастеров, корифеев искусства: В.И.Качалова в роли из спектакля К.Гамсуна "У жизни в лапах" (№ 1), Анны Павловой - этой "царевны Лебедь" русской хореографии, волшебницы пластических сказок, как называли ее современники (№ 2), Михаила и Веры Фокиных (№ 2, 7), И.Репина в мастерской в Куоккале за работой, где моделью служит ему известная скрипачка Цецилия Ганзен (№ 9), фотографии актеров Русского Романтического театра Б.Романова, Э.Крюгер, Е.Смирновой, Д.Обуховой (№ 10), коллективный портрет русских художественных деятелей в Нью-Йорке: И.Москвина, Ф.И.Шаляпина, К.С.Станиславского, С.Сорина, В.И.Качалова (№ 11), танцовщиц Е.П.Эдуардовой и Юлии Бекеффи (№ 11), артистки Мариинского театра и Берлинской оперы З.П.Юрьевской (№ 12), артистов дягилевского балета: Любови Чернышовой в "Шехерезаде", Лидии Соколовой в "Священной Весне" и "Параде", Веры Немчиновой в "Спящей красавице" (№ 13), известного русского певца-баса А.И.Мозжухина (№ 14).

Интересующиеся скульптурой читатели могли увидеть снимки удивительных работ Наума Аронсона, словно передающие теплоту обработанного гениальной рукой камня: "Колыбель лжбви", "Гайнственное молчание", "Головка девочки", "Дориан Грей" (№ 14. - С.17-22), а также скульптурные работы с Осеннего салона в Париже (№ 10) и др.

А.Г.Левенсон в газете "Время" (1921. - 8 авг.) дал оценку места журнала в культурной жизни русского зарубежья: "В дни великой скорби российской, в дни тяжелого национального потрясения у многих слабых духом пропадает вера в духовную силу русского народа. Тяжелые политические события последних лет, разбившие нормальную жизнь России, казалось, погребли надолго и русскую культуру, и русское искусство: в России по голой земле бродит уныло голый человек в поисках куска хлеба, а за границей русские эмигранты, оторванные от России, занимаются сплетнями и обвинениями друг друга в несчастьях России. Но вот появилась "Жар-Птица" и показала нам, что русское искусство живо, что оно по-прежнему велико и что мы можем по-прежнему им гордиться".

Е.М.Трубилова

"ЖУРНАЛ СОДРУЖЕСТВА" (Выборг, 1933. Янв. - 1938. Дек.) - литературно-общественный ежемесячник. Основан как печатный орган русской культурно-просветительской ассоциации молодежи "Содружество бывших учащихся Выборгского русского реального лица" (создано в сентябре 1928). "ЖС" издавался совместно с Выборгским русским культурно-просветительным обществом. Выходил 15 числа каждого месяца. В состав редколлегии входили литераторы: Ф.В.Уперов (издатель и ответственный редактор в 1933-36), И.В.Уперов (ответственный редактор в 1936-38), С.Ц.Добровольский, С.Риттенберг. Журнал не преследовал коммерческих целей: вся небольшая прибыль шла на

совершенствование издания. В Выборге продавался в книжном магазине А.А.Иванкова, помещении фирмы "Паппери-Аитта", русского реального лицея, в Гельсингфорсе, в клубе русской колонии, магазине колониальных товаров Н.Матросова, Академическом книжном магазине.

Журнал имел представителей в финских городах и населенных пунктах Кексгольм, Котка, Красное Село, Куоккала, Райвола, Сердоболь, Суоярви, Терйоки. Интересы за рубежом представляли фирмы "Валтерс и Рапа АГ" (в Латвии), "П.М.Иртель фон Брендорф" (в Эстонии), имелось представительство в Париже.

"ЖС" был задуман с целью поддерживать и защищать русскую школу, потому что только в ней можно видеть оплот русской души людей, преодолевающих "распыление" и желающих остаться русскими; осознать и формулировать, чего нам не хватает, т.к. "осознавать" значит уже вступить на путь преодоления недостатков; бороться с провинциализмом и набираться духовной интеллигентности, наконец, постараться разобраться и понять сущность мирового кризиса, непосредственно касающегося каждого из нас и своим нетом способствующего нашему "распылению" (1933. - № 1. - С.2).

Одной из главных задач объявлялось объединение всех русских, живущих в Финляндии, вокруг идеалов русской культуры. В дальнейшем журнал превратился из регионального в орган русскоязычного населения Финляндии, программными принципами которого стали: "никакой политики; отстаивать Русскую идею, стоять на страже Русской культуры и Русского языка, отстаивать интересы очага русской культуры в Выборге - Русского Лицея" (1935. - № 1. - С.2-3).

В 72-х номерах журнала освещались события культурной, религиозной и общественной жизни русской колонии в Финляндии, публиковалась информация о положении в России (на основе рассказов беженцев и приезжих, а также тщательного изучения материалов советских газет), помещались высказывания читателей по различным вопросам, культурологические и публицистические

статьи, поэзия, рассказы, эссе местных и зарубежных литераторов. Имелись постоянные разделы и рубрики: "Обсуждения" (обмен читательскими мнениями), "Связи" (жизнь русского зарубежья помимо Финляндии), "Осведомительный отдел", "По Финляндии", "Сообщения", "Объявления" (местная культурно-общественная жизнь), "Театр и музыка", "В мире книг". Литературный раздел предоставлял молодым авторам преимущественное право на публикацию.

"ЖС" был первым и до сих пор единственным в Финляндии русским литературным периодическим изданием, получившим международное признание, знакомившим с современной финской литературой, наследием русской литературы и молодой поэзией русского зарубежья. Первоначально ориентированный на русского читателя в Финляндии, с 1935 журнал все больше печатает материалов, касающихся всей русской эмиграции. Если в 1933-1934 большинство материалов составляли написанные Выборгскими и Гельсингфорскими литераторами (В.Булич, Ю.Григорков, С.Риттенберг и др., вплоть до учеников Русского лицея), то в последующие годы в журнале печатаются Ю.Терапиано, П.Ставров, Б.Новосадов, З.Шаховская, С.Шаршун, Л.Гомолицкий, Н.Белоцветов, В.Мамченко, Е.Таубер, Ю.Мандельштам (который дебютировал в журнале еще в 1933 г. (№ 8) статьей "О новой поэзии"), И.Голенищев-Кутузов, С.Горный, И.Сабурова, Ю.Иваск, М.Роса, К.Гершельман, Е.Базилевская, А.Герфильева, Г.Блох, С.Прегель, В.Дряхлов, Г.Раевский, Б.Закович, Л.Кельберин, З.Чегринцева, Л.Зуров, К.Клингер, А.Кондратьев, представляющие большинство европейских стран, где жили русские эмигранты.

Журнал живо откликался на события в русской культурной жизни Финляндии. В частности, в 1935 редакция совместно с Содружеством бывших учащихся Выборгского русского реального лицея организовали сбор пожертвований на приведение в порядок заброшенной могилы Леонида Андреева и установку памятника на ней. Помимо русских жителей Финляндии эту акцию поддержали сотрудники парижских "Последних новостей", "Русского

еженедельника в Бельгии", "Русского голоса" (Белград), журнала "Новь", члены литературного объединения "Цех поэтов" в Ревеле. В трудные предвоенные годы публикации журнала отличались смелыми, откровенными высказываниями, направленными против политической реакции и антирусской пропаганды, вызывавшими уважение читателей. В одной из редакционных статей, посвященных итогам работы журнала, подчеркивалось, что "в трудных эмигрантских условиях, среди постоянных материальных трудностей, растущего равнодушия зарубежных русских к культурным начинаниям..., в условиях жестокой борьбы за существование мы хотим оставаться русскими, хотим сохранить и поддерживать в себе то, что делает нас русскими - русскую культуру" (1937. - № 1. - С.2-3). Журнал прекратил существование в связи с началом событий, приведших к советско-финской войне.

Л.А.Еськина

"ЗАРНИЦА" (Нью-Йорк, 1925-1927. - № 1-18) - литературный и научно-популярный журнал, выпускался издательско-просветительской группой "Зарница", созданной в 1923 и состоявшей из 16 человек, среди которых наиболее активное участие принимали Е.Розен - издатель журнала, и редактор-издатель И.Дзюменко, друг писателя и библиографа Н.А.Рубакина, культурно-просветительские идеи которого и были положены в основу издательской политики группы. Редакция располагалась на 130-й Ист 7-ой улице, а сам журнал печатался в типографии Атлантик Базар К°, где выходили и многие другие русскоязычные издания. Изворотливая финансовая политика издателей (журнал финансировался самими членами группы "Зарница", многие из которых имели собственное дело в Америке), подписная кампания, развернутая во многих городах восточного побережья, активная деятельность добровольных агентов-распространителей - обеспечили журналу относительно долгую, по

эмигрантским меркам Нью-Йорка середины 1920-х, жизнь "Зарница" занимала особое место среди русскоязычных периодических изданий как в Америке, так и других центрах российской эмиграции в период между двумя войнами. Если в Европе эмигрант из России начинал издательское дело с нуля, следуя национальным российским традициям, то в Америке к моменту прибытия послереволюционных беженцев уже существовала традиция издания русскоязычной периодики, восходящая к 1867, когда русский поселенец Агапий Гончаренко выпустил первую газету на русском языке "Вестник Аляски" (Окунцов И. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. - Буэнос-Айрес, 1967. - С. 311; Сватиков С. Агапий Гончаренко - основатель русской печати в Северной Америке // Временник Общества друзей русской книги. - Париж, 1938. - № 4. - С. 251-2). К 1917 выходило 24 периодических издания, по данным, приведенным И.Окунцовым, редактором и основателем старейшей в Америке русскоязычной газеты "Новое русское слово" (Нью-Йорк, 1910 - продолжается), общественным деятелем, своего рода летописцем культурной жизни русской колонии в Америке 1910-1930 (Окунцов. - С. 311). В Америке еще до революции проживало три миллиона выходцев из России, по сведениям В.Петрова, автора книги "Русские в Америке. XX век" (Вашингтон, 1992. - С. 10), преимущественно малограмотных крестьян и рабочих, приехавших на заработки, а также сектантов и революционеров, социалистов и анархистов, скрывавшихся первоначально от преследований царского правительства, а затем и от большевиков. Духовными потребностями такой аудитории определялся характер русскоязычной печатной продукции в Америке до революции и в первые послереволюционные годы. Интересы этой многочисленной группы колонистов были направлены на овладение грамотой и основами какого-нибудь ремесла; они "редко восходили до общей литературы, обычной для культурного человека", как отмечалось в статье К.Солнцева "Русская книга в Америке" (Временник Общества друзей русской книги. - Париж, 1925. - № 1. - С. 81). Тем не менее, по свидетельству того же Солнцева, любимыми писателями "старого

колониста (так назывались в русско-американской эмиграции дореволюционные колонисты: в отличие от "новых", послереволюционных) были Л.Н.Толстой, В.Г.Короленко, а также М.Горький. За все время существования русской печати в Америке вплоть до 1930-х вышло около 188 периодических изданий (Окунцов. - С. 311), и из них 15 - "литературно-научных". Определение "литературно-научный" довольно точно характеризует жанр издания: журнала, альманаха, сборника, антологии - отвечавшего запросам "старого" колониста, обращавшегося к книге лишь ради развлечения, отдыха или восполнения пробелов в знаниях. В 1918-1919 вышли журналы, альманахи и сборники, сами названия которых свидетельствуют о развлекательно-популяризаторском характере изданий: "Досуг: первый, изданный в Америке сборник рассказов, очерков, стихотворений и рисунков" (Нью-Йорк, 1918), "Книга смеха" (Нью-Йорк, 1918), "Школа на дому: журнал для самообразования" (Нью-Йорк, 1919. - № 1-4), "Жизнь и смех" (Нью-Йорк, 1918. - № 1) и некоторые другие.

Однако постепенно, в связи с приездом "новых" эмигрантов и начатой ими издательской деятельностью, изменяется характер изданий, исчезает популяризаторство и "развлекательность", журнал становится способом выживания и сохранения русской культуры в условиях иноязычной среды. Характерны названия журналов и сборников, выпускавшихся в начале 1920-х: "Скорбь земли родной" (Нью-Йорк, 1920), "Родная земля" (Нью-Йорк, 1920-21), "Жизнь" (Нью-Йорк, 1924-25. - № 1-9).

Журнал "Зарница" занимает как бы промежуточное положение между изданиями "старых" и "новых" колонистов. Созданный журналистом из среды рабочих, он был адресован в первую очередь малообразованному читателю и преследовал культурно-просветительские цели - "способствовать распространению знаний среди русских колонистов" (Зарница. - 1925. - № 1. - С. 1). Привлечение к сотрудничеству профессиональных литераторов и писателей из числа приехавших после революции, среди которых Г.Д.Гребенщиков, С.И.Гусев-Оренбургский, литературный критик

А.Л.Фовицкий, поэт Николай Алл (Дворжицкий Н.Н.), театральный художник и критик Р.Ван Розен, поэтесса Беатриса Ван Розен, сестра художника, Л.Нелидова-Фивейская, общественный деятель и журналист, председатель Фонда помощи ученым и литераторам К.М.Оберучев, переводчица Н.Селиванова и др., значительно расширило содержательные рамки журнала и способствовало увеличению числа читателей из образованных слоев русской колонии. "Трудовики", как называли интеллигентов из рабочих, также были представлены в журнале. Это поэты М.Стоцкий и В.Бондаренко, выпустившие по сборнику стихов, литературный критик И.Л.Тартак, преподаватель Русского народного университета, известный своими выступлениями против Д.Бурлюка в защиту реалистического искусства, драматург, священник А.Ф.Алехин и некоторые другие.

Первоначально "новые" эмигранты предпочитали издавать в Америке собственные журналы, и таких попыток В.А.Розенберг насчитывает в начале 1920-х до 15 (Русская зарубежная книга. - Прага, 1924. - Вып. 1. - С. 132). Наибольшую известность получили издания одесского журналиста и издателя Л.М.Камышникова "Зеленый журнал" (Нью-Йорк, 1924. - № 1-2), "Временник" (Нью-Йорк, 1924. - № 1) С.И.Гусева-Оренбургского и В.М.Левина, поэта, бывшего издателя-редактора эсеровских газет, а также "Жизнь" (Нью-Йорк, 1924/25. - № 1-9), ставшая продолжением "Временника", выход которого был прекращен после первого номера. Появление "Зеленого журнала" горячо поддержали русские эмигранты, был даже устроен благотворительный вечер с целью сбора средств для продолжения издания (Новое русское слово. - Нью-Йорк, 1925. - 1 янв. - С. 3), в журнале приняли участие ведущие литераторы послереволюционной русской Америки: Г.Гребенщиков, художник, писатель и издатель С.В.Животовский, поэт, очеркист, сотрудник газеты "Новое русское слово" В.М.Ильин. Так же как и в "Зарнице", о русском искусстве в Америке писал Р.Ван Розен, в журнале помещены главы из романа "Виллиам Круч" Камышникова, воспоминания бывшего прокурора Петербургской судебной палаты

Н.Каринского "Кто освободил большевиков перед октябрьским переворотом". Из "старых" колонистов в журнале был представлен все тот же неутомимый И.Окунцов, в статье которого "Американская Русь" приводились сведения о дореволюционной эмиграции в Америке. Журнал не претендовал на название "серьезного" ни по объему (каждый номер насчитывал не более 30 страниц) ни по содержанию: в очерках, бытовых зарисовках, рассказах с иронией повествовалось о злоключениях русского эмигранта в Америке (С.Животовский "Дурень", В.Ильин "Кнопка", "Ревельская килька"). Из российских писателей предпочтение отдавалось А.Аверченко. И все же "Зеленый журнал" не пользовался широким спросом, вероятно, потому что был адресован преимущественно "новому" эмигранту, учитывал его культурные интересы и уровень образования. Как отмечал И.Окунцов, "живучими оказались только те органы печати, которые велись русскими работниками пера, знающими колонию и интересующимися ею" (Окунцов. - С. 311).

"Зарницу" можно отнести к жанру "серьезных", хотя и не "толстых" журналов: объем каждого номера не превышал 35 страниц, причем последние несколько страниц отданы разного рода рекламным объявлениям в соответствии с американскими издательскими стандартами.

Объединение писателей двух эмиграций не было случайным: их связывал своего рода духовный и эстетический "традиционализм", приверженность реалистической ориентации, народническо-демократические принципы, вера в просветительскую миссию художественной литературы и в особенности русской литературы XIX в. Идеиное толстовство также сближало сотрудников и авторов "Зарницы"; постоянно печатались писатели "толстовского круга" - биограф Л.Толстого П.И.Бирюков, писатель-самоучка С.Т.Семенов, И.И.Горбунов-Посадов, представленный многочисленными публикациями: стихи, статьи о творчестве Толстого и о деятельности издательства "Посредник", которым он руководил, очерки. В нескольких номерах публиковались отрывки из незаконченного романа Л.Толстого о Петре I (№ 4, 5, 7, 13). Сын Толстого, Илья,

живший в Америке с 1916, также поместил в журнале свои стихи (№ 14). Шестой номер был посвящен 15-летию со дня смерти писателя и содержал материалы, не публиковавшиеся прежде, в частности, воспоминания Г.Д.Гребенщикова о посещении им Толстого в марте 1909 в его яснополянском имении, а также А.Л.Фовицкого, литератора, сына Л.Е.Оболенского, редактора-издателя "Русского богатства", друга Толстого, о его визите в хамовнический дом писателя в 1900. Один из ведущих литературных критиков русской колонии И.Л.Тартак поместил в этом же "юбилейном" номере статью о восприятии творчества Л.Толстого на Западе, особое внимание уделяя оценкам англо-американских критиков (М.Арнольда, У.Д.Хоуллса). Характерной особенностью материалов в "Зарнице" о Толстом было целостное восприятие различных сторон творчества писателя. В статье Г.Я.Полонского Толстой-художник противопоставляется Толстому-моралисту.

Из современных писателей, как советских, так и эмигрантских (различия между ними редакторы не проводили), предпочтение отдавалось писателям демократически-реалистической ориентации, в том числе В.Я.Шишкову (№ 1), А.А.Демидову, автобиография которого и комментарии к ней Н.А.Рубакина были опубликованы в постоянном разделе журнала "Самородки" (№ 3), С.Г.Петрову-Скитальцу, чей рассказ "Сквозь строй", помещенный в последнем номере журнала (№ 18), сопровождала статья А.Л.Фовицкого о творчестве писателя.

Верность редакторов демократическим традициям иногда вступала в противоречие с их же эстетическими принципами. Один из создателей журнала Н.А.Рубакин (статьи которого публиковались в каждом номере) от элит низкий художественный уровень публикуемых стихотворений поэтов-самоучек из среды "старых" колонистов (№ 14). Традиционализм издателя И.Дзюменко зачастую граничил с консерватизмом, особенно в отношении к современному искусству, которое, как он полагал, явилось одной из причин, вызвавших революционные катаклизмы в России, причем наиболее разрушительное воздействие оказали, по его мнению,

футуризм и имажинизм (№ 17). Несмотря на негативное отношение к имажинизму, после смерти Есенина появляется несколько публикаций о поэте, две из которых - воспоминания о встречах с ним Г.Гребенщикова и анализ сквозных мотивов в творчестве Есенина.

Гребенщиков и Фовицкий являлись постоянными сотрудниками журнала, помещая иногда по несколько публикаций в номере. Гребенщиков напечатал 13 своих материалов в "Зарнице", включая рассказы, воспоминания, отклики на текущие события культурной жизни русского Нью-Йорка. Несмотря на то, что Гребенщиков не пытался издавать собственный журнал (в 1924 при его участии в Нью-Йорке было создано издательство "Алатас"), он принимал настолько активное участие в деятельности "Зарницы" - не только журнальной, например, организовывал вечера посвященные Л.Толстому (22 ноября 1925), приезду МХТ в Нью-Йорк (26 января 1926), - что журнал "Зарница" можно назвать "журналом Гребенщикова". Кроме того, редакторы "Зарницы" постоянно предоставляли ему место на страницах журнала для размещения рекламы издательства "Алатас", что было немаловажно для начинающего издателя, даже когда издателем был такой крупный писатель, как Гребенщиков. Гребенщиков поддерживал консервативную позицию основателей журнала по отношению к новому искусству и новым видам искусства. В своей речи в честь приезда МХТ (опубликованной в "Зарнице") он отнес кинематограф и радио к числу "противников истинного искусства" (№ 9). Традиционализм творческой манеры писателя, его приверженность реалистическому письму воспринимались его более радикально настроенными современниками как "старомодные". Руководитель Музыкальной студии МХТ В.И.Немирович-Данченко в интервью, данно Гребенщикову как корреспонденту "Зарницы" во время пребывания студии в Америке, упрекнул писателя: "У Вас установилась форма, отставшая от наших молодых, теперешних" (№ 7. - С. 5). Сотрудничество с "Зарницей" было, вероятно, не случайным для Гребенщикова выбором. Он мог ощущать более тесную связь с "трудовиком", интеллигентом из крестьян, похожим на

героев его эпопеи "Чураевы" и других произведений, чем остальные деятели культуры послереволюционной эмиграции. В воспоминаниях о Есенине Гребенщиков приводит слова поэта о себе, сказанные во время их встречи в Берлине в 1922: "Почему Вы не в России? Что у Вас голубая кровь? Ведь Вы же наш брат, Ерема!" (№ 9; переизд.: Русское зарубежье о Есенине. - М., 1993. - Т. 1. - С. 99). Среди других публикаций Гребенщикова в "Зарнице" следует отметить воспоминания писателя "Из моей жизни: странички автобиографии" (№ 1), фрагмент из третьего тома эпопеи "Чураевы", в котором описываются впечатления героев, Василия и его жены, от посещения МХТ в Москве "Тогда в Москве" (№ 7). Были также напечатаны художественные произведения писателя: рассказы "Огонь" (№ 2), "Лорд из Аутки" (№ 12), стихи "Псалом о страннике", посвященные Рабиндранату Тагору (№ 14), автобиографическая зарисовка "Первое путешествие в горы Алтая" (№ 11). Кроме того, в "Зарнице" содержатся материалы о жизни и деятельности Гребенщикова в Америке, рецензии на его книги. Один из номеров посвящен 20-летию литературной деятельности писателя и включает в себя стихи К.Бальмонта, С.Клычкова, адресованные Гребенщикову, статью И.Савченко о создании русского культурного центра в "деревне Чураевка" (так Гребенщиков называл место у г.Саутбери, шт.Коннектикут, где жил в то время). Отчет о вечере в честь Гребенщикова, организованном "Зарницей", на котором присутствовали Ф.Шаляпин, С.Рахманинов, М. и В. Фокины, С.Коненков, помещен в раздел хроники номера 12.

Занятый изданием собственного журнала и организацией деятельности издательства "Орион", С.И.Гусев-Оренбургский опубликовал в "Зарнице" только небольшой фрагмент романа "В миру человек" (№ 2). В журнале помещены также несколько рецензий на книги Гусева-Оренбургского, вышедшие в Америке (№ 1, 16), одна из которых была написана постоянным сотрудником журнала, литературным и театральным критиком А.Л.Фовицким. Работы Фовицкого, посвященные К.Бальмонту и А.Пушкину, его обзоры книжных новинок стали настоящим открытием журнала.

Фовицкий принадлежал к тем деятелям русской культуры, которые получили известность в эмиграции. Помимо "Зарницы" он широко печатался в газете "Новое русское слово", в составе редакции которой состоял; он читал также лекции по русской и зарубежной литературе в Русском народном университете в Нью-Йорке, был избран его деканом. Статьи Фовицкого в "Зарнице" выделяются широтой проблематики, кругом упоминаемых имен писателей, философов, литературоведов, как русских, так и зарубежных, обнаруживают знакомство с новейшими течениями современного искусства. Написанные как импрессионистические эссе, его исследования, в частности, о творчестве К.Бальмонта (№ 1), основываются на анализе художественной формы: рифмы, ритма, и критик рассматривает поэтические приемы как знаки "звездной грамоты", "пути поэта к познанию философии бытия" (с. 12).

О том, что консерватизм издателей "Зарницы" не был догматическим, свидетельствует привлечение к сотрудничеству представителя авангарда, театрального художника и критика Р.Ван Розена, который вел раздел "Искусство" в журнале и знакомил читателей с наиболее интересными выставками русского творчества в Нью-Йорке.

Как и многие другие русскоязычные журналы в Америке, "Зарница" перестала выходить из-за финансовых трудностей. Издатели неоднократно обращались к читателям с просьбой оказать финансовую помощь "почти единственному на всю Америку русскому журналу". Из редакционной статьи в предпоследнем номере журнала угадывается, что "Зарница" перестала пользоваться поддержкой русской колонии, причем вина возлагалась на читателей: "Нет ничего нового под русским солнцем в Америке, ни сильного порыва, ни сдвига" (С. 1). Опытный газетчик М.Вейнбаум, от чая достоинства журнала, пишет вместе с тем о низком качестве издания (Новое русское слово. - 1926. - 6 янв.). Другой журналист и писатель А.Ветлугин выражал сомнения в целесообразности издания русскоязычной периодики в Америке: "Никакой культуртрегер,

никакой Рубакин не в состоянии оживить журнал. Русским, живущим в Америке, нужно говорить и писать об Америке" (№ 14).

- Т.В.Селезнева

"ЗА СВОБОДУ!" ("Свобода", Варшава. - 1920. - 17 июля. - 1920. - 3 ноября; "За свободу!", Варшава. - 1920. - 4 ноября. - 1932. - 5 апреля) - ежедневная общественно-политическая газета. Первым официальным редактором-издателем был В.А.Злобин, затем - В.Н.Рымер, И.И.Мацесвский, А.Н.Домбровский, Е.С.Шевченко. Девиз газеты - "За Родину и Свободу!". Ближайшие сотрудники в 1920-1921 - Б.В.Савинков, Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, Д.В.Философов, а также А.А.Дикгоф-Деренталь, А.Л.Бем, В.В.Зеньковский, Леон Козловский (будущий премьер-министр Польши), позднее с 1923 - А.В.Амфитеатров и М.П.Арцыбашев, остававшийся ведущим публицистом газеты до конца жизни. Фактическими редакторами были А.И.Гзовский (июль-декабрь 1920), В.В.Португалов (декабрь 1920 - декабрь 1923), затем Философов, привлеченный Савинковым к активной политической работе. После высылки в конце октября 1921 из Варшавы большинства членов (во главе с председателем - Савинковым) Русского политического (Эвакуационного) комитета, действовавшего в июле 1920 - октябре 1921 как ядро русского антибольшевистского правительства, Философов стал руководителем (с 1921 по 1924) Варшавского отделения конспиративного "Народного Союза Защиты Родины и Свободы" и фактическим руководителем газеты "За Свободу!". Субсидии на издание газеты предоставлялись Философову польскими правительственными учреждениями. Резкое сокращение субсидий в 1923 поставило газету на грань банкротства, и ее существование поддерживалось Философовым путем непрерывных финансовых операций. Постоянный лейтмотив его писем к Савинкову, проживавшему в Париже, - жалобы на нехватку денег. Политической

ориентацией газеты оставался антибольшевизм, установка на "активные методы борьбы", включая террор, а также неприязнь и к либеральной, и к монархической эмиграции. Значение издания определяется и злободневностью поднимавшихся там проблем, и уровнем их осмысления.

После недолгого сотрудничества в савинковской газете Гиппиус и Мережковский уехали в Париж. В № 229 от 27 сент. 1921 "За Свободу!" Мережковский (из Парижа) опубликовал статью "Страшное письмо", тема которой - голод и дети в советской России. О невозможности примирения с большевиками, против "чревных примиренцев" направлена полемическая статья З.Гиппиус "Чрево" (подпись: Антон Крайний. - 1925. - 15 февр.). Эмигрантская молодежь, "сегодняшняя юность спасется проникновением в Россию цельную", историческую, где "под внешним смешением времен таится неосознанная правда о неразрывности прошлого, настоящего и будущего, о их последовательной зависимости", и "участием в вечной ее внутренней борьбе", - делает вывод критик. События, происходящие на покинутой родине, постоянно в поле зрения газеты, центральное место занимает Россия и все, что с ней связано: политика, общественная жизнь, история и культура. В передовой "Небольшие итоги" Философов писал: "Как бы нас ни гнали, как бы нам ни приходилось мыкаться по белу свету - у нас нерушимая связь в России. А эта связь для нас самое ценное, потому что мы живем и дышим Россией" (1921. - 30 окт.).

Воспоминаниями и словами прощания друга-гимназиста газета откликнулась на гибель Гумилева (С.Горный. Н.С.Гумилев (Памятка). - 1921. - 14 окт.). Статьи "Предчувствия и предвидения Достоевского" Л.Станиславского и "Жизнь в творчестве" А.Бема были опубликованы к 100-летию со дня рождения Достоевского (1921. - 11 нояб.). Власть цивилизации над человечеством так же непрочна, шатка, как и власть разума и нравственности над отдельным человеком, - в этом Л.Станиславский усматривает одну из основных идей трагического и катастрофического миропонимания Достоевского. Писатель "сверхчувственным и сверхразумным

зрением" прочитал в происходившем на его глазах брожении и выразил в романе "Бесы" то, "что было лишь в возможности, чего еще не было в сознании". В своей статье к 100-летию со дня рождения Некрасова А.Бем отметил, что "сознание высшей цели жизни - блага народа, напряженнейшее чувство любви к родине, значение которого мы особенно научились теперь ценить, были в высшей мере присущи Некрасову" (1921. 6 дек). На смерть Короленко в газете был помещен некролог "В.Г.Короленко" за подписью - В.П., в котором отмечалось, что "мрачные сумерки, сгустившиеся над русской интеллигенцией с приходом большевиков, - перешли сейчас, с кончиной В.Г.Короленко - в глухую ночь" (1921. - 29 дек.). В статье Л.К. "Владимир Короленко", опубликованной на следующий день, отмечалось спокойно-радостное верующее утверждение жизни и отсутствие тоски, отрицание жизни, бунта против Бога в творчестве писателя: "С душой никогда не гнувшейся, независимой поступью, прямой и светлой, прошел он долгий, тяжелый и мрачный жизненный путь" (1921. - 30 дек.). Откликом на 50-летие со дня смерти Тютчева стала статья Л.Галерного "Ф.И.Тютчев", в которой рассматривается история изучения творчества поэта. К 40-летию со дня смерти М.Башкирцевой приурочена статья Е.Шевченко "Мария Башкирцева", где ее "Дневник" назван книгой, которая "навсегда останется в мировой литературе" (1924. - 3 нояб.). Не только русская культура привлекает внимание критиков. Так, например, статья "Байрон и англичане" (без подписи) опубликована к 100-летию со дня смерти поэта (1924. - 26 апр.), статья В.Рутова "Эммануил Кант" - к 200-летию со дня рождения великого философа (1924. - 29 апр.).

В разделе "Литературная хроника" публикуются обзоры эмигрантских и советских журналов, рецензии на книги русских писателей и поэтов, изданные в России и зарубежье. В рецензии на "Четки" А.Ахматовой (подпись - З.Ж.) сборник назван самой нежной, цельной и чловечной книгой Ахматовой, ожерельем из "зерен любви и печали", попыткой уйти от любви и "сознанием своей обреченности" (1921. - 22 окт.). Рецензент О.В-в в своих заметках о сборнике К.Д.Бальмонта "Сонеты солнца, меда и луны" (Берлин,

1921) утверждает, что в этой книге поэт проникнут мировой мудростью и красотой, а "чарующая гармония красок и звуков ворожит в каждом его сонете" (там же). В помещенном в этом же номере газеты обзоре "Современных записок" выделяются стихотворения М.Цветаевой, написанные еще в России и снабженные интересным введением Бальмонта. Пьесу М.Кузмина "Вторник Мэри" (Пб., 1921) и книгу "Нездешние вечера" (Пб., 1921), а также сборник А.Ахматовой "Подорожник" (Пг., 1921) О.Воинов называет "подарком далекого Петербурга", "самыми дорогими из русских книг, появившихся за последние четыре года" (1921. - 12 нояб.). В рецензии "Поэт король - солнце" на кн. К.Бальмонта "Мое - ей. Поэма о России" (Прага, 1924) Е.Шевченко писал, что во тьме глубокой русской ночи поэт "остался верным себе светлым солнцепоклонником и уверенным в том, что "твердыня ночи сгорит в огне" (1924. - 27 окт.).

Заметка А.Бема "Новая страничка из биографии Л.Н.Толстого" повествует о раннем романе писателя - о его отношениях с В.В.Арсеньевой, его первой невестой. Публикация подготовлена по новому изданию биографии Л.Н.Толстого, написанной П.И.Бирюковым и переизданной в 1921 в Берлине, по опубликованным там впервые письмам писателя к Арсеньевой (1921. - 20 нояб.). А.Омельянов в рецензии на книгу: "Достоевский и Пушкин" (Пб., 1921) особое внимание обращает на "прекрасную по сдержанному негодованию речь в защиту свободы духа", произнесенную Блоком памяти Пушкина под заглавием "О назначении поэта". Рецензент оценивает ее как апологию "слову" и глубокую веру в его конечную победу, как "стон русского писателя, в котором сквозь плотно сжатые цензурой уста, слышатся слова осуждения палачам свободного слова" (1922. - 18 марта).

В.Португалов в рецензии "После крушения" на кн. С.Л.Франка "Крушение кумиров" (Берлин, 1924), назвав работу философа "очень знаменательной", подчеркивает, что это опять "веха", замыкающая собой длинный ряд: от 1868, когда появились "Исторические письма" Миртова-Лаврова, до 1924 - "за эти полвека с небольшим пройден

весь круг, от пламенной веры в магическую силу человеческой мысли ("критически мыслящей личности") до низведения созданных ею идеалов на положение поверженных кумиров" (1924. - 7 апр.).

В рецензии на кн. Бальмонта "Где мой дом?" (Прага, 1924) Б.Евреинов обращает внимание на то, что даже если поэт пишет очерки, то мысли его "облекаются в те же ясные, прозрачные, поэтические образы" и отмечает "огненную веру в грядущее Солнце", природу, "всегда гордую своей властью над душой поэта" (1924. - 23 июня).

Из "Литературной хроники" (1924. - 2 мая) читатели газеты узнавали, например, что в Париже начинает выходить новый большой литературный иллюстрированный журнал под названием "Иллюстрированная Россия", посвященный жизни современной России и эмиграции. В газете публиковались стихотворения Вл.Ходасевича, И.Одоевцевой, И.Бунина, И.Северянина, С.Черного, Б.Евреинова, С.Жарина, П.С.Соловьевой (Аллегро) и др.

В 1921 на страницах газеты постоянно выступает со своими маленькими фельетонами Иван Руденков, а в 1922-1924 А.Дикгоф-Деренталь. Также опубликованы фельетоны Дон Аминадо "Так что же нам делать?" (1921. - 8 дек.) и Н.Тэффи "Как быть?" (1923. - 16 авг.), "Разговор" (1923. - 25 нояб.), "Дамы" (1924. - 22 июня), "Разговоры" (1924. - 14 апр.), рассказы М.Зощенко "Матренища" (1923. - 29 июля), А.Аверченко "Обыкновенная женщина" (1925. - 23 марта), С.Юшкевича "Вечное" (1923. - 10 дек.), "Повесть о любви" И.Бунина (1924. - 26 мая), рассказ Н.Гумилева "Золотой рыцарь", взятый из книги рассказов "Тень от пальмы", вышедшей в 1922 в петербургском издательстве "Мысль". Эта книга не появилась в продаже за границей, и поэтому редакция решила познакомить читателей с прозой Гумилева, неизвестной широкой публике, отмечая, таким образом, вторую годовщину гибели поэта. Кроме этого, были опубликованы рассказы С.Жарина "Измятина" (1924. - 19 мая), Е.Форина "Новоселье" (1924. - 5 мая), А.Болина "Из записок сентиментального человека (непосланное письмо)" (1925. - 27-28 янв.), Вл.Михайлова "Рыжий" (1924. - 15 авг), "На реке" (1924. -

7 сент), "Фсфочка" (1925. - 9 февр.), "Вечерний ветер" (1925. - 13 февр.), А.Корнакова "Без сна" (1923. - 3-4 дек.), Л.Левдовича "На новую жизнь" (1924. - 25 сент.), М.Рафалович "Концерт" (1924. - 7 апр.), "Зубы" (1924. - 19 мая), В.Рудич "Перикола" (1921. - 28 дек.).

Из очерков И.Шмелева о Крыме 1920-1921 в газете была напечатана глава "Баба-Яга" (1923. - 5 авг.). Поделились своими воспоминаниями Ант. Домбровский "Наброски. Силуэты прошлого (Из хроники Земляного уезда)" (1923. - 7 дек.), "Лагерь" (1923. - 19-20 дек.) и Л.Левдович "Гр. Мусин-Пушкин и престол Николая II (Из записной книжки офицера)" (1924. - 14 июля). Мемуары о Белой армии и русском беженстве опубликовал Андрей Болин ("На чужих берегах". - 1924. - 18-20, 23, 29 сент., 10 и 21 окт.), о бедственном положении Белой армии, переезде из Крыма через Константинополь в Африку рассказал на страницах газеты Д.Воротынский ("Из записок legionера". - 1925. - 13, 16 янв.).

С газетой "За Свободу!" с 1923 и до конца его жизни была связана яркая публицистическая деятельность М.П.Арцыбашева. Уже в одной из первых появившихся на ее страницах статей "Показания, представленные на суд в Лозанну" (1923. - 22, 24 нояб.), Арцыбашев, свидетельствуя против большевизма, способствовал оправданию убийцы Воровского - М.Конради, ибо, по мнению публициста, Воровский был убит не как убежденный коммунист, а "как агент мировых поджигателей". Однозначно заявляя о своей непримиримой позиции, Арцыбашев призывал: "Мы, русские эмигранты, должны все силы своего разума, воли и чувства отдавать делу помощи своему народу". Несколько лет писатель регулярно публиковал отрывки из своей будущей книги "Записки писателя". Выбравшись из России, он ощущал в себе теперь прежде всего гражданина-патриота, и страдания страны, непосредственным очевидцем которых он был, заставили его отложить в сторону кисть художника и взять в руки перо публициста, превратившееся в разящий бич. Так, рассуждая о политических эмигрантских спорах, Арцыбашев сетует на то, что "в пыль, в вязкое болото инертности и равнодушия превращается некогда героическая эмиграция" (1924. -

23 апр.). Писатель повествует и об ужасающих условиях жизни, пишет об известном в Варшаве Лоховском приюте русской эмиграции, где живет беднота, которой больше деваться некуда ("Лоховка" - 1924. - 22 нояб.). Арцыбашев с гордостью констатирует, что в условиях эмиграции "торжество русского искусства имеет огромное агитационное значение" ("Скверный анекдот". - 1924. - 24 нояб.). В статье "Дух русской эмиграции" писатель высказывает сомнение в том, что "быть может, вернувшись домой, мы окажемся там какими-то иностранными людьми, с непонятной и чуждой этикой, живым анахронизмом", но русская интеллигенция всегда была воспитана на идеалах свободы, и это укрепляет Арцыбашева в сознании того, что "рано или поздно, настанет час, когда наша борьба с большевиками - не только за Россию, но и за всю мир'вую цивилизацию - будет оценена" (1924. - 15 нояб.).

В своей статье "Валерий Брюсов", также вошедшей потом в книгу "Записки писателя", Арцыбашев отдает должное обширной литературной эрудиции и европейской образованности поэта, но отказывает ему в главном: "Его творчество не было согрето жаром сердца, не было отмечено глубиной мучительной мысли. Это был только продукт усидчивого труда, железная настойчивость холодного мастера" (1924. - 18 окт.). И здесь одну из печальнейших черт предреволюционной эпохи писатель видит в полном отрыве литературы от жизни, в разрыве связи между писателем и читателем, когда "исчез писатель "учитель жизни", творец общественной морали, исчез и прежний читатель, горевший над книгой, строивший свою душу в лад мощному камертону, звучавшему с литературной кафедры" (там же). И в этом Арцыбашев усматривает объяснение того, почему в роковой момент бывшая прежде "идейной и самостоятельной", русская интеллигенция оказалась такой "распыленной", неустойчивой и растерянной. В статье "О Генрихе Сенкевиче", написанной во время перевезения праха писателя для погребения в Польшу, Арцыбашев призывает "объединиться вокруг гроба великого писателя, родного по духу всем славянским народам" (1924. - 25 окт.).

С 1923 регулярно выступает на страницах газеты "За Свободу!" и А.В.Амфитеатров. Предотъездные воспоминания писателя вылились в очерк "Две Надежды: Советская бль" (1923. - 8, 12, 15, 20 июля). Здесь опубликованы и этюд к роману "Марья Лусьева", под названием "Ассоциация "Феникс" (1923. - 18, 21, 22 окт.), и этюд к историческому исследованию "Соломония Бесноватая" (из главы "Устюг Великий" - 1923. - 30, 31 дек.; 1924. - 27, 30 апр.), несколько лет печатались его статьи, размышления под общим названием "Записная книжка". В статье "SOS" Амфитеатров протестовал против переноса из Финляндии в РСФСР праха Л.Андреева, как "самого прямого, стойкого, пылкого борца за демократию и гражданскую свободу, поправленную большевицкими зверствами" (1924. - 14 апр.). В статье "Два коня" писатель размышляет о терроризме эпохи "Коня Бледного" и "Коня Вороного" В.Ропшина. Сравнивая полемику вокруг романов Достоевского "Бесы" и Ропшина "Конь Бледный", Амфитеатров называет роман Достоевского гениальнейшим проникновением "в психику русского образованного общества, вещим провидением его грядущих судеб, нечто вроде русского Апокалипсиса", где Ропшин, в свою очередь, изменил порядок: у Иоанна всадник на коне вороном (голод) предшествует коню бледному (убийство), у Ропшина - наоборот (1924. - 22 июля). Русскому революционному террору положили конец не бдительные полицейские меры и не ослабление партии эсеров, но Азеф, оказавшийся "жуликом из жуликов". Открылось, что "террора, как такового, собственно говоря, за все существование эс-эрской партии, не было, а был лишь кровавый полицейский фарс" (там же). Этой долго интересовавшей писателя фигуре посвящена статья "Вождь Народной Воли: О крестьянстве и об Азефе" (1924. - 5 нояб.). Амфитеатров опубликовал со своими комментариями письма к нему Бр. Лова ("Четыре письма Валерия Брюсова". - 1924. - 10 нояб.); этюд "Одержимый" о психологических проблемах вхождения молодого интеллигентного человека - Сережи Чаевского - во взрослую жизнь (1924. - 19, 23, 24 нояб.).

С газетой связана интенсивная публицистическая деятельность Б.Савинкова. В 1920-1921 Савинков регулярно публикует на ее страницах политические статьи, тематика их отражена в названиях: "Дела совдепские" (о переходе к нэпу в России) (1921. - 22 нояб.), "О разногласиях" (1921. - 25 нояб.), "О русско-польских отношениях" (1921. - 29 нояб.), "О восстаниях" (1921. - 10 дек.), "О процессе эс-эров" (1922. - 23 июня), "Об Учредительном Собрании и беспартийных советах" (1922. - 4 окт.) и др. В 1923 в газете публикуются отрывки из его романа "Конь Вороной".

После ареста Савинкова в России редакция "За Свободу!" сначала считала сообщения информационных агентств о суде над своим руководителем чекистской провокацией и три дня - 30, 31 авг. и 1 сент. 1924 - не снимала фамилий Савинкова и Дикгоф-Дерелата из списка "ближайших участников" газеты. Затем, под влиянием ошибочного известия о полном прощении Савинкова, газета 2 сентября вышла в новом составе редколлегии (Д.Философов, М.Арцыбашев, В.В.Португалов, Е.С.Шевченко) и с передовой статьей "Без Савинкова". Сведения о приговоре к 10 годам заключения опять вынудили редакцию выступить с версией о том, что Савинков или убит, или изолирован, а на суде фигурировал его загримированный двойник (Философов. "Пытка неизвестностью" - 1924. - 5 сент.). После получения 16 сентября 1924 доставленного с нарочным письма Савинкова из Внутренней тюрьмы ГПУ с предложением всей редакции признать борьбу с Советской властью бессмысленной и вернуться в Россию была опубликована подборка материалов: "Предатели", Философов "Вместо предисловия", Савинков "Письмо Философову", Философов "Ответ Савинкову" (1924. - 17 сент.), где Философов публично отрекся от Савинкова, заверив, что газета будет продолжать начатое дело. Бывшие друзья и соратники Савинкова отметили неуместность и непрошенность его забот и отвергли его услуги. В статье "Предателем подобает молчать" Евреинов писал: "Пусть Савинков знает: за ренегатами не идут... Человек, публично признавший, что все его попытки к достижению намеченной цели были до сих пор сплошными роковыми ошибками,

уже не может быть пророком" (1924. - 26 сент.). В статье "Гоголевский черт и эсеровские ангелы" Арцыбашев с возмущением писал о том, что он твердо знает, что все случилось "благодаря тому разложению русской армии, над которым так усиленно работали большевики и которому немало способствовала пораженческая политика гг. Черновых, вместе со знаменитым "поскольку-постольку", провозглашенным не кем иным, как именно товарищами эсерами" (1924. - 9 окт. - № 271).

В 1926-1931 газета "За Свободу!" сотрудничала с парижским "непримиримым" журналом "Борьба за Россию". Среди постоянных сотрудников во второй половине 20-х: Философов, Амфитеатров, В.Л.Бурцев, поэты А.Кондратьев и И.Сверянин.

Газета прекратила выход 5 апреля 1932 и была преобразована в ежедневную иллюстрированную газету "Молва" (Варшава, 1932-1934), которой также руководил Д.В.Философов.

Т.Г.Петрова

"ЗВЕНО" (Париж, 1923. 5 февр. № 1 - 1925. 28 дек. № 152. Далее журнал: 1926. 3 янв. № 153 - 1927. 19 июня. № 229; 1927. 1 июля. № 1 - 1 дек. № 6; 1928. 1 янв. № 1 - 1 июня 1928. № 6).

Замысел литературного приложения к "Последним новостям" относится к началу 1922 (об этом говорит расписка Н.Д.Авксентьева в получении от М.М.Гинавера денег в кассу Учредительного комитета журнала "Звено" от 29 марта 1922 г. (см. РГАЛИ. Ф.2475, оп.1, сд.хр.1). Но подготовить выход первого номера удалось только к началу следующего года. 23 января 1923 в миллюковск *«Последних новостях»* на первой странице появилось объявление: "С февраля 1923 г. будет выходить в Париже еженедельная литературно-политическая газета "Звено" под редакцией М.М.Винавера и П.Н.Миллюкова. Газета будет выходить по понедельникам, заменяя собою не появляющиеся в этот день "Последние новости". Первый номер выйдет в понедельник, 5 февраля 1923 г."

Издание явилось результатом долгих бесед двух ее будущих редакторов - П.Н.Милюкова и М.М.Винавера - о положении русской культурной традиции за рубежом. Оно должно было стать "платформой для охраны и проповеди русской культуры в годы изгнания, когда эта культура подвергается опасности если не полного забвения, то все же некоторого затемнения в среде новых поколений, вынужденных провести свои молодые годы в эмигрантской среде" (Милюков П. М.М.Винавер и русская культура // 1926. - 17 окт.). Идея создания такого органа, по всей видимости, принадлежала М.М.Винаверу; в некрологе "Памяти нашего редактора", написанном Мих. Кантором, мы находим тому подтверждение: "... "Звено" - детище Максима Моисеевича, им взращенное и выпестованное. Нужна была его решимость, его энергия, его несокрушимая вера во всепобеждающую волю человека, чтобы за рубежом, в обстановке рассеяния, вдали от старых культурных центров попытаться собрать распыленные силы и с их помощью создать культурное начинание, которое и в нормальной обстановке обречено было бы на долгий искус самоутверждения" (там же). Название - "Звено" - отражало желание преодолеть возможный разрыв между русской культурной традицией и младшим поколением эмигрантов. П.Милюков вспоминал о своем соредакторе: "Поддержать эту традицию, заставить молодежь помнить о своих собственных родоначальниках, о всем, что сделано до них, что может облегчить им и постановку вопросов и взаимное понимание при решении их, - таковы, казалось мне, были основные задачи, которые ставил редактор "Звена" для своей своеобразной трибуны" (там же). Это стремление "привлечь молодых" во многом определяло и внутреннюю обстановку в "Звене", крайнюю терпимость второго редактора ко всякому "инакомыслию", к чужому мнению вообще. "Максим Моисеевич, - вспоминал Г.Адамович, - не был слугой исключительно своей мысли, своей идеи или своего духа. Узкого фанатизма в нем не было. Нетерпимость была ему совершенно чужда. Он лишь присматривался и прислушивался ко всему, в чем была духовная жизнь и заранее всему этому сочувствовал, шел вперед, все принимал. Близко ли ему,

родственно ли ему - не было важно. Ему это казалось признаком второстепенным, он только прислушивался к "пульсу" чужой мысли и верил в нее, если по пульсу угадывал, что она жизнеспособна... Максим Моисеевич был вообще наименее ограниченным (в смысле кругозора) из людей, и в его редакторстве это было обаятельно. Сам-то ведь он был человеком иных традиций, иных стремлений, чем теперешнее искусство или литература. Казалось бы, тяжела должна была быть подчас его редакторская рука. Но рука была легчайшая, думаю - единственная в легкости. Часто я удивлялся, читая некоторые из одобренных им статей: неужели *он* с этим согласен? Неужели *он* этому сочувствует? Неужели *ему*, - как большинству искренних и вдумчивых людей его поколения, школы, круга, - не кажется баловством теперешнее искусство? Разгадка была совсем не в том, что Максим Моисеевич "одобряет" стихи какого-нибудь двадцатилетнего поэта, а в том, что из всех "старинных" традиций он сильнее всего, всем существом своим, воспринял традицию свободы, и глубоко понял, что без свободы ни искусства, ни литературы нет. Приняв человека, *он* давал ему свободу, и, доверяя ему в целом, доверял и в мелочах, с которыми далеко не всегда был согласен, но которые все же без условий допускал и право на существование которых с убеждением отстаивал" (1926. - 17 окт.).

Сам Винавер объяснял свою позицию в письме к Э.Гиппиус так: "Моя писательская деятельность была всегда далека от журналистики - я сам потому мало в Звене пишу, и вынужден опираться на других; моя задача - правда, нелегкая - состоит в подыскивании этих других, в выравнивании общей линии" (1926. - 31 окт.). С первых номеров начала определяться и основная тональность издания, о которой много позже писал В.Третьяков: "'Звено' - журнал западнический, но в нем больше французских влияний, чем германских. Отсюда стремление к точности, трезвости, сдержанности" (РГАЛИ. Ф.2475, оп.1, ед.хр. 9).

С 1923 по 1925 "Звено" издавалось как газета того же формата, что и "Последние новости", на четырех страницах (в этом виде вышло 152 номера). Первую страницу занимали политические новости,

вторую и третью (иногда и часть четвертой) - культурная жизнь: рассказы или отрывки из крупных произведений, как русских писателей, так и переводные (как правило, они занимали подвал второй страницы, иногда - и третьей) стихи, фельетоны, статьи, обзоры, рецензии, заметки, хроники литературной и культурной жизни. Заключали номер разделы "Финансовое обозрение" (вел П.Апостол), "Шахматы" (вел Евг.А.Зноско-Боровский), объявления и реклама. Номер от 20 июля 1924, как было пояснено в заметке от редакции: "Ввиду технических затруднений, вызванных неожиданным переходом газеты в другую типографию", вышел на двух страницах, номер от 9 февраля 1925, в св зи с "юбилеем" - двухлетьем газеты, - на шести страницах.

Судя по шутливой "Автобиографии Звена", помещенной 30 марта 1925 за подписью "Cave" (один из псевдонимов К.Мочульского), политическую часть газеты редактировал П.Милуков, а все, что касалось культуры, находилось в ведении М.Винавера. Вначале политические новости и материалы политического характера занимали более значительное место. В 1923 и начале 1924 на первой старнице часто печатались небольшие статьи без подписи или за подписью "Novus" политического характера, важное место занимали на третьей странице статьи "Юниуса" (А.Кулишера) - своего рода развернутые рецензии на книги политического характера. Вероятно, это вторжение "политических" новостей в "культурную жизнь" часто диктовалось и недостатком собственно "культурного" материала. По сохранившейся переписке М.Винавера с известными писателями и критиками русского зарубежья (РГАЛИ. Ф.2475) можно судить, с каким трудом иногда редактору приходилось "выбивать" материал при небольших гонорарах и "капризности" известных литераторов. Даже постоянные сотрудники не всегда могли уделять "Звену" достаточно внимания. По содержанию номеров и упомянутому архиву редакции можно сделать вывод, что нормальная "жизнь" издания наладилась только к 1925.

Первые сотрудники "Звена" пришли из "Последних новостей": А.Левинсон, К.Мочульский, Б.Шлецер, задававшие "тон" изданию в 1923, ранее часто печатались на страницах ежедневной газеты. Естественно, что в первых выпусках "Звена" не было жесткой специализации: А.Левинсон писал и о живописи, и о литературе, Б.Шлецер - о музыке, о литературе, о философии, о кинематографе, К.Мочульский, кроме литературных статей, печатал пародии на современных поэтов. Но и позже, когда состав сотрудников стал более или менее постоянным, жесткой "специализации" не было. Каждый из сотрудников мог писать на любую тему.

В конце 1923 на страницах "Звена" появляется со стихами и первыми статьями Г.Адамович, который со временем начинает играть все более важную роль в газете. С 1924 все чаще печатает свои материалы Г.Лозинский, младший брат известного переводчика М.Лозинского (первая его публикация "Памяти Шахматова" появилась в шестом номере, но весь 1923 он писал, главным образом, рецензии). Летом 1924 в "Звене" начинает сотрудничать Н.Бахтин и со следующего года становится ведущим обозревателем новинок в области философии. В конце 1924 на страницах "Звена" начинает печататься Вл.Вейдле.

К 1925 основное "ядро" ведущих сотрудников издания, определивших его лицо, проявилось со всей отчетливостью: Г.Адамович, Н.Бахтин, В.Вейдле, Г.Лозинский, К.Мочульский, Б.Шлецер и редко печатавшийся, но игравший значительную "организационную" роль М.Кантор (первые пятеро знали друг друга еще по петербургскому университету). Именно усилиями этих людей (сотрудничество А.Левинсона продолжалось, по существу, лишь один год, в 1924 он поместил на страницах только одну заметку полемического характера) был задан особый "тон" издания, где присутствовали тонкий вкус, хороший стиль, высокая культура и редкое сочетание "академизма" с "общедоступностью". В 1925 определились и основные рубрики "Звена": кроме изначально существовавших: "Хроника литературы и искусства", "Финансовое обозрение" и "Шахматы", постоянными рубриками стали:

"Литературные беседы" (писались Г.Адамовичем, три раза его заменял К.Мочульский), "Отклики" (писались Г.Адамовичем под псевдонимом Сизиф, несколько раз его заменял К.Мочульский под псевдонимом Иксион, - установить точно принадлежность этого псевдонима Мочульскому позволяют архивные материалы в РГАЛИ. Ф.2475, оп.1., ед.хр.322), "Из жизни идей" (рубрика, в которой печатался Н.Бахтин, название ее, по всей вероятности, восходит к одноименной книге их общего учителя - профессора Петербургского университета Ф.Ф.Зелинского), "Выставки" (здесь публиковался В.Вейдле), "Маленький фельетон" (под этой рубрикой постоянно печаталась Тэффи, достаточно часто печатался и Мочульский, обычно под псевдонимом CAVE), рубрика "Театр" (вел К.Мочульский), позже "Театр и кино" (здесь печатались главным образом кн. С.Волконский, и К.Мочульский под псевдонимом "Театрал"), "Новое во французской (английской, немецкой, зарубежной) литературе" (чаще всего печатались Г.Адамович, под псевдонимом Ю.Сущев, и К.Мочульский, реже - другие сотрудники "Звена": Б.Шлецер, М.Кантор и кн. Д.Святополк-Мирский). Кроме того, почти в каждом номере печатались художественные произведения и отдельные статьи по разным вопросам культурной жизни. С 1923 по 1925 постоянно публиковались научные обзоры, где печатались Ю.Делевский (наст. фамилия Юделевский), доктор Л.Шейнис, проф. С.Метальников. Стоит также отметить заметки "Книжного Червя". Часто на страницах "Звена" появлялись материалы с продолжением. В 1924 печатался цикл очерков Вл.Ракинца "Старый Париж", в 1925 - цикл А.Седых "Наши анкеты" - серия портретов ведущих писателей русского зарубежья (Д.С.Мережковского, М.А.Алданова, З.Н.Гиппиус, А.М.Ремизова, А.И.Куприна, Б.К.Зайцева) и небольшой цикл с тей Г.Лозинского "Русские под надзором парижской полиции в XVIII в." (написанный по материалам архива Бастилии и содержащий немало ценных сведений о А.Д.Кантемире), особым успехом у читателей пользовался цикл мемуаров Г.Иванова "Китайские тени", который печатался до 1927 включительно.

О внутренней жизни редколлегии вспоминал К.Мочульский: "Наши редакционные заседания и собеседования нередко затягивались с утра до 3-х часов. Обсуждалось все - начиная с распределения материала и до типографских ошибок. Свежеотпечатанный номер лежал перед нами на столе и беспощадно "критиковался". М.М. давал острые оценки почти каждой статье. Мы не были связаны "программами", наши взгляды часто расходились; его мнение как-то незаметно нас объединяло" (1926. - 24 окт.).

В сохранившемся протоколе заседания от 22 февраля 1925 (РГАЛИ. Ф. 2475, оп.1, ед.хр.3) есть записи обсуждения общих вопросов, касавшихся дальнейшей судьбы газеты. В сообщении М.М.Винавера было зафиксировано состояние издания к этому времени: "Звено" идет гораздо лучше (подписка и розничная продажа) ... Общий отзыв о "Звене" - орган серьезный, но недостает постоянной изюминки - до сих пор были только отдельные попытки, нет ничего постоянного".

В 1925 такая "изюминка" была найдена: "Литературные беседы" (постоянный автор - Г.Адамович), которые открывали вторую полосу и сразу давали основной тон всего номера. Сама рубрика появилась в 1924, но поначалу не носила постоянного характера. "Беседам" предшествовали "Литературные заметки". Они были близки по жанру, но в них читатель не чувствовал собеседника. "Литературные беседы" во многом способствовали тому, что вскоре "Звено" стало еженедельным изданием, который рецензенты сравнивали с утренней чашечкой хорошего кофе (в качестве хорошего, но редкого "обеда" фигурировали "Современные записки"). О том, насколько эта рубрика виделась важной уже в начале 1925, насколько ждали очередной "беседы" все сотрудники "Звена", говорит запись из того же протокола от 22 февраля 1925: "Литературные беседы: Адамович - еще нет темы".

С начала 1926 по июнь 1927 "Звено" выходит как еженедельный тонкий журнал, на 16 страницах среднего формата, на газетной бумаге. Нумерация журнала продолжала нумерацию газеты (с 153-го по 229-й). 1-2 страницы - литературные беседы, далее - статьи, стихи,

рассказы и т.п., политические и финансовые обзоры появлялись в самом конце, перед рекламой и частными объявлениями, и занимали совсем немного места. Эти полтора года были лучшими в истории "Звена". Помимо того что сохранился основной состав авторов, с журналом стали сотрудничать П.Муратов и П.Бицилли, чаще стала печататься З.Гиппиус (и как беллетрист, и как автор статей).

В это же время было положено начало ежемесячным вечерам, организуемым редакцией "Звена". Устроители старались придать им характер не столько единичных выступлений, сколько общей беседы. Помимо сотрудников "Звена" в вечерах принимали участие М.А.Алданов, Н.Н.Берберова, И.А.Бунин, М.В.Вишняк, кн. С.М.Волконский, З.Н.Гиппиус, А.Ф.Даманская, И.П.Демидов, Б.К.Зайцев, В.А.Маклаков, Д.С.Мережковский, М.А.Осоргин, Н.А.Оцуп, В.Ф.Ходасевич, Ю.Л.Сазонова, Н.А.Тэффи, Л.И.Шестов и др. Первый вечер (12 января 1926) был посвящен обсуждению доклада Г.Адамовича о Некрасове, в дальнейшем на вечерах выступали: В.А.Маклаков о Льве Толстом (10 февраля 1926), Н.Бахтич о символизме (18 марта 1926), К.Мочульский о современном романе (1 января 1927), Г.Адамович об И.Анненском (31 мая 1927) и др. О характере этих вечеров вспоминал П.Миллюков, говоря о М.М.Винавере: "Трибуну печатную он еще расширил трибуной устной, - устроив у себя "беседы", на которых молодежь попеременно фигурировала - то в качестве действующих лиц, то в качестве слушателей. Непрерывность русской культуры, ценность уже достигнутых ею результатов, русская культура как начало объединяющее, цивилизующее, облагораживающее: такова, казалось мне, была в мысли устроителя бесед та нить, которая объединяла "беседы" и связывала их в один изящный венок - русской культуре. И - как страшно - тут, на этой почве, на первый взгляд несколько искусственно выбранной, оказывался налицо и общий язык, которого так долго и тщетно ищут в некоторых других областях жизни. Я, семидесятник, читал на этих беседах об идейном вожде двадцатых-тридцатых годов Чаадаеве и вступал при этом в спор с "девяностышником" Мережковским, с тайной надеждой, что

молодежь двадцатых годов двадцатого столетия будет - если не вполне на стороне семидесятника, - то не вполне и на стороне девяностикника. Разве это не живая нить традиции, перекинутая от поколения к поколению, на протяжении целого столетия?" (1926. - 17 окт.). С начала 1927 редакция "Звена" организует лекции по литературным и культурно-историческим вопросам. О Наполеоне и его значении в мировой культуре читал лекции Д.С.Мережковский (22 и 31 января 1927), о наследии эллинизма - собравший множество слушателей Н.Бахтин (11, 18 и 25 февраля 1927).

Привлечению молодежи немало способствовали и конкурсы "Звена" на лучшее произведение (объявленные гораздо раньше конкурса на лучший рассказ в журнале "Воля России"). Первый конкурс - на лучший рассказ - был объявлен в начале 1925, когда "один из друзей газеты "Звено", пожелавший остаться неизвестным, предоставил редакции сумму в 1000 франков" (1925. - 9 февр.). На конкурс было прислано более трехсот рассказов.

Осенью 1925 был объявлен второй конкурс "Звена" - на лучшее стихотворение, с предложением присылать стихи без указания имени автора, под девизами, до 1 января 1926 г. Из 322 стихотворений, присланных на конкурс, жюри в составе З.Гиппиус, Г.Адамовича и К.Мочульского отобрало 12 лучших, которые и были опубликованы 31 января и 7 февраля. Среди забракованных оказалось и стихотворение М.Цветаевой "Старинное благоговенье" (1920), что вызвало небольшой литературный скандал. Г.Адамович позже вспоминал, "что в полном тройственном согласии мы забраковали, как совсем негодное, стихотворение Цветаевой... Цветаева, однако, долго не могла прийти в себя от возмущения и даже писала письма в редакцию "Звена", требуя огласки происшествия... присланное Цветаевой стихотворение было действительно вяло и маловразумительно, при всей обычной напускной напористости, с восклицательными знаками чуть ли не в каждой строке" (Адамович Г. Одиночество и свобода. - Нью-Йорк, 1955. - С. 157). Окончательного победителя предоставлялось определять читателям. Читатели отдали большинство голосов стихотворению "О любви",

принадлежавшему Даниилу Резникову, который и получил первую премию - 200 франков. Вторую премию - 100 франков - получил Александр Гингер (1926. - 7 марта). Итоги конкурса вызвали недовольство В.Ходасевича, заявившего, что были присланы стихи и лучше и что такая "конституция" конкурса вообще несправедлива (Ходасевич В. Конкурс "Звена" // Дни. - 1926. - 14 марта). Адамович в очередной "Литературной беседе" (1926. - 21 марта) ответил, что редакция "Звена" ставила целью не "выдать диплом" действительно самому лучшему, что, по его мнению, вообще вряд ли возможно, а только выявить пристрастия публики. Впоследствии литературные конкурсы проводились еще несколько раз: в мае 1926 был объявлен 3-й конкурс, для читателей, которым предлагалось определить авторов и названия произведений публикуемых отрывков (итоги 6 июня 1926), и наконец в январе 1927 был объявлен 4-й конкурс "Звена", вновь на лучший рассказ (итоги 19 июня и в первом "толстом" номере журнала за 1927). На этот раз большинство голосов читателей было отдано рассказу Б.Темиряева (псевдоним художника Юрия Анненкова). Изобретались и другие способы для привлечения читателей. Например, подписчикам на 1927 было обещано в качестве бесплатного приложения собрание стихотворений Тютчева.

Осенью 1926 умирает главный редактор "Звена" М.М.Винавер. Редактором журнала становится М.Кантор. Культурный уровень "Звена" оставался прежним, кризис журнала, по всей вероятности, был продиктован главным образом его финансовым положением. С июля 1927 по июнь 1928 "Звено" стало выпускаться уже как ежемесячный тонкий журнал малого формата. В этом виде вышло 12 номеров. Изменилась нумерация (с 1 по 6 в 1927, и с 1 по 6 в 1928). Годовые комплекты журнала имели сквозную нумерацию страниц. Открывался каждый номер по традиции очередной "Литературной беседой", затем шли статьи, стихи, рассказы (уже не печатались маленькие фельетоны). Замыкали каждый номер "Отклики" Сизифа, заметки и отзывы на книги. В это время опубликованы статьи Г.Адамовича, Н.Бахтина, П.Бицилли, В.Вейдле, К.Мочулского. И тем не менее июньский номер журнала за 1928 оказался последним.

В нём было опубликовано содержание двенадцати ежемесячных номеров "Звена" (до этого было расписано содержание журнала за 1926; материалы, публиковавшиеся до 1926 и в первой половине 1927, остались неописанными).

На страницах "Звена" публиковались русские писатели и поэты: И.Бунин, И.Шмелев, Б.Зайцев, М.Алданов, Н.Тэффи (главным образом - фельетоны), Г.Иванов (стихи и мемуарная проза), А.Ремизов, К.Бальмонт, З.Гиппиус и др. Но, за исключением Г.Иванова, З.Гиппиус, А.Ремизова и в какой-то мере Бальмонта (в первый период "Звена"), большая часть произведений этих писателей появлялась на страницах "Звена" случайно: об этом говорят и письма многих писателей к М.М.Винаверу, которые хранятся в РГАЛИ (ф. 2475), и то, что часто на страницах издания появлялись произведения переводные: Дж.Джойса, М.Пруста, Т.Драйзера, Дж.Голсуорси, Р.Киплинга, Г.Мейринка, С.Жеромского, Эса де Кейреша, Ж.Кокто, А.Моруа и др. Стоит отметить внимание "Звена" к молодым. На его страницах печатались стихи Н.Берберовой, И.Кнорринг, Г.Кузнецовой, А.Ладинского, В.Сирина (Набокова), Ю.Терапиано, Б.Поплавского и др. Из молодых прозаиков печатались Н.Берберова, Г.Евангулов, И.Одоевцева, Ю.Фельзен. И все же главное, что определило место этого издания в истории русской культуры, - статьи, эссе, рецензии.

Редакторы "Звена" П.Милюков и М.Винавер печатались на его страницах мало. Из материалов неополитического характера П.Милюков поместил 2 февраля 1924 статью "Н.К.Михайловский", 6 июля 1925 - "Петр Великий в Париже". М.Винавер напечатал несколько материалов на исторические темы, в том числе 30 ноября 1925 статью "Шингарев", в 1926 (№ 157) - "О мемуарной литературе". Брат редактора, Евг. Винавер, написал несколько статей о литературе: "Блок и средневековье" (1923. - 19 февр.), "Пленник вещей (по поводу посмертных стихов Инн. Анненского)" (1923. - 9 апр.), "Религия стиха. (О творчестве Рильке)" (1925. - 29 июня), "О прозе" (1926. - № 183), "О правах критики" (1926. - № 189), "О творчестве Рильке" (1927. - № 208).

Одним из первых "плодовитых" сотрудников был Андрей Яковлевич Левинсон. Большая часть его статей была посвящена живописи, но несомненный интерес представляли и отдельные его статьи о литературе: "Шмелев" (1923. - 26 февр.), "Джентльмен (Заметки о прозе Е.И.Замятина)" (1923. - 2 апр.), "Великодушная рапсодия ("Косцы" Бунина)" (1923. - 7 мая), "Господин Синсбрюхов (Заметки о прозе М.Зощенко)" (1923. - 30 июля). Некоторые материалы он подписывал псевдонимом "Леандр Венсан", раскрыв его для читателя в номере от 24 сентября 1923, подписав статью "Электрофикация романа" двойным именем: "Андрей Лезинсон (Леандр Венсан)". Письма его к редактору М.М.Винаверу (РГАЛИ. Ф. 2475, оп.1, ед.хр.29) показывают, насколько трудно по чисто материальным причинам складывалось его сотрудничество со "Звеном". Особенно характерно в этом смысле письмо от 27 декабря 1924.

Большая часть статей Левинсона была опубликована в "Звене" в 1923, в первом январском номере за 1924 он поместил статью "Красота книги" (1924. - 7 янв.), затем через полгода появилась последняя его публикация в "Звене" полемического характера (1924. - 19 мая) "За здоровье или за упокой? (По поводу одной статьи П.Муратова)", после чего его фамилия исчезает со страниц издания.

Если для Левинсона газета Милюкова и Винавера была лишь эпизодом в его творческой биографии, то в судьбе Г.Адамовича "Звено" сыграло решающую роль. Именно здесь в "эпоху "Звена" (1923-1928) молодой петербургский поэт, один из многочисленных учеников Н.Гумилева, превратился в "первого критика эмиграции", по выражению И.Бунина.

Приехав в Париж в конце лета 1923, свое знакомство с литературным миром парижской эмиграции Адамович начал с визита в редакцию "Звена". Этот визит и решил его судьбу. М.М.Винавер, ознакомившись с публикациями Адамовича, предложил ему написать что-нибудь для газеты на пробу. 10 сентября 1923 в "Звене" появилась первая публикация Адамовича - статья "Поэты в Петербурге". За ней последовали другие статьи, стихи,

переводы. Начиная с 3 номера в рекламе для подписки среди постоянных авторов появляется фамилия Адамовича и уже не исчезает со страниц "Звена" до самого конца.

В 1923-1924 Адамович публикуется в "Звене" через номер, заполняя газету разнообразным материалом: параллельно со стихами и оригинальными статьями появляются заказные рецензии, обзоры французских журналов и т.п. В это время Адамович - рядовой сотрудник газеты, один из нескольких критиков "Звена", не особо из этой блестящей когорты выделяющийся. Но в конце 1924 (10 ноября) в "Звене" впервые появляются его "Литературные беседы", которые суждено было оставаться стержнем каждого номера вплоть до прекращения издания. В конце 1924 "Литературные беседы" появляются через номер, а начиная с 1925 становятся постоянной рубрикой: литературная часть газеты на второй странице открывается "Литературными беседами", которые выполняли роль своеобразной передовицы. Такое положение дел сохранилось и с превращением "Звена" в ежемесячный журнал, с той разницей, что в этот период "Литературные беседы" Адамовича, несколько прибавившие в объеме, открывал буквально каждый номер "Звена".

В 1925, когда период становления "Звена" был завершен и издание утвердило в глазах эмигрантской общественности свою высокую репутацию, окончательно определилась и роль Адамовича как главного литературного критика "Звена" и одного из самых интересных критиков эмиграции. Кроме "Литературных бесед" Адамович вел постоянную рубрику "Отклики" под псевдонимом Сизиф, писал обзоры "Новое во французской литературе" под псевдонимом Ю.Сушев, рецензировал новые книги эмигрантских, советских и иностранных авторов, подписываясь инициалами или не подписываясь вообще.

После смерти М.М.Винавера, с октября 1926 Адамович становится не только ведущим критиком "Звена", но и правой рукой М.Л.Кантора, практически соредактором, во многом определяющим литературную политику журнала. Кантора такое сотрудничество

устраивало, о чем свидетельствует переписка двух редакторов (Hoover Institution Archives, Stanford University, USA), а также их последующая совместная деятельность по изданию журнала "Встречи" (1934) и антологии "Якорь" (1936). Именно Адамович, о котором часто писали и говорили как о человеке мягком, излишне учтивом и ко многому равнодушном, в письмах Кантору все время настаивает на придании "Звену" большей остроты: "Звену" нужно что-то впрыснуть и оживить... У нас слишком салонный тон и слишком мало темпераментов" (начало августа 1926; Hoover Institution Archives), "О "Звене" я полон полусомнений, полусоображений. Что-то в нем "не так" (начало августа 1927; Hoover Institution Archives).

К. Мочульский пришел в "Звено" уже сложившимся критиком. Его занимали не столько сосуществование и борьба разных стилевых направлений, сколько творчество отдельных поэтов (Ахматовой и Цветаевой, Гиппиус, Одоевцевой и Шагинян, Маяковского, Ходасевича, Гумилева, Пастернака и др.).

С конца 1923 Мочульский все чаще пишет о прозаиках. Он создает "творческие портреты" Ремизова, Бунина, Зайцева, Шмелева, Гоголя. И если в отношении зарубежной литературы он заговорит о "кризисе воображения", о том, что традиционный роман с "выдумкой" все более вытесняется и замещается художественной биографией, а она в свою очередь все более и более приобретает черты романа (различия героев биографий и их исторических прообразов Мочульский постарался особенно подчеркнуть), - то в русской прозе его внимание будет приковано не столько к "воображению", сколько к стилю. И если в поэзии он приветствовал неоклассицизм и "возрождение Пушкина", то в прозе именно это направление кажется ему совершенно бесперспективным: "Современная проза при всем богатстве и разнообразии материала поражает скудостью художественных приемов. Основные виды построения и техники рассказа, выработанные 19 веком, остаются неизменными у эпигонов, попутчиков и пролетарских писателей. Они варьируются, переделываются, но не развиваются. Любопытно, что

революционная молодежь, презирующая "интеллигентщину", упорно топчется вокруг чеховской новеллы и тургеневской повести" (1926. - № 201).

В последний период "Звена" (вторая половина 1927 - первая половина 1928) Мочульский пишет итоговую работу о современной прозе "Кризис воображения" (1927. - № 2) и серию "литературных портретов": "Н.А.Некрасов" (1928. - № 1), "Ф.К.Сологуб" (1928. - № 2), "Заметки о Розанове" (1928. - № 4). Помимо статей, рецензий, эссе, заметок о театре он поместил множество фельетонов (часто подписанных инициалами "К.В." и "К.М." или псевдонимами "Театрал" и "CAVE"; под псевдонимом "К.Версиров" опубликовал несколько рассказов.

В 1923 и 1924 "новости" философии на страницах "Звена" освещались довольно скупо. О книгах Л.Шестова "Власть ключей" (Берлин, 1923) и Н.Бердяева "Смысл истории" (Берлин, 1923) поместил отзывы (2 апреля 1923 и 11 июня 1923) С.Лурье. 23 апреля 1923, 14 мая 1923 и 18 июня 1923 были напечатаны три статьи Л.Шестова "О вечном и преходящем", "Возможное и действительное", "К трехсотлетию Паскаля". Две статьи (9 июня 1924 и 7 июля 1924) поместил Г.Ловцкий, несколько раз печатался А.Койре: "К 200-летнему юбилею Канта" (1924. - 12 мая), "Памяти Владимира Соловьева" (1926. - № 153), "Трагедия Разума (философия Э.Мейерсона)" (1926. - № 180). По-настоящему философский отдел стал заметен с приходом в "Звено" летом 1924 Н.Бахтина. К этому времени за его плечами была гражданская война, война в Алжире и тяжелое ранение. Позже, в своем отклике на смерть Н.Бахтина Г.Адамович вспоминал, что нового сотрудника заметил издатель еженедельника М.М.Винавер (Г.Адамсвич. Памяти необыкновенного человека // Новое русское слово. - 1950. - 24 сент). Это приглашение вряд ли было случайным. Многие сотрудники "Звена" знали Н.Бахтина еще по Петербургскому университету.

Первые публикации Бахтина во многом носят скрыто-биографический характер. Статья "Военный монастырь" (1924. - 14 июля) и рецензия "Книга о солдате" на "Dialogues sur le

commandement" Аморюа (1924. - 22 дек.) - это попытка человека, прошедшего службу в Иностранном легионе, оправдать "идею солдата", которую отвергает современная Бахтину европейская культура: "По праву и по обязанности солдату пристало брать жизнь просто, крепко и прямо; поэтому ему не место в такой культуре, основная тенденция которой - усложнение и запутывание, дробление и схематизация" ("Книга о солдате"). Последнее столетие европейской истории и особенно мировая война упразднили солдата как особый тип со своим мироощущением и своей кастовостью. Между тем солдат - не просто воин, но и носитель особой культуры, которая уже потому обладает подлинностью, что всегда требует не только ума (особенно в искусстве полководца), но и дела. Сама же идея солдата, которая, по Бахтину, была неявно высказана в книге Моруа, - это идея нового рыцарства.

Эти взгляды были лишь частным выражением общих воззрений Н.Бахтина, который в философии более всего ценил не глубину построений и разработанность системы, но способность мысли стать действием. Его раздражала всякая эклектика и желание компромисса, он уважает доктрины пусть и ограниченные, но цельные. Эта установка отчетливо ощущается и в его подходе к современной ему литературе. Так, обращаясь к творчеству "классициста" А.Франса, Бахтин замечает: "Смутному, безмерному и хаотическому миру, "полному богов, душ и демонов", французский классицизм властно противопоставляет свой мир - ограниченный, заверченный и до конца человеческий. Все зыбкое, неустойчивое, запутанное - оттеснено за пределы этого мира" (1924. - 20 окт). При этом здравый смысл, к которому современность относится с пренебрежением, в классицизме есть "начало охраняющее, собирающее личность", которое не дает ей "распылиться в стихийных энергиях космоса и потерять себя в непознаваемом" (там же). Конеч статьи подводит к идее существования двух типов гениев: "Одни - усложнители жизни, раскрывающие в ней новые глубины и дали, заставляющие нас видеть сложность и противоречивость в том, что мы воспринимали раньше как нечто простое и цельное. Души

властные и деспотические, они овладевают нашей волей, нудят и требуют. Таков был, например, Леонардо, таков и Достоевский. Но есть другая семья гениев, та, к которой принадлежали Расин и Пушкин. В их воздействии нет ничего принудительного, тревожного. Это - устроители и упростили жизни. Они вновь восстанавливают нарушенное равновесие, преодолевают сложность в спокойной простоте" (там же). Анатолий Франс, по мнению Бахтина, по характеру своих произведений относился к последнему типу.

Та же склонность отдавать предпочтение не сложности, но ясности и простоте (за которой стоит преодоленная сложность) заметна и в его подходе к философии Ницше (1924. - 17 нояб.), "Ницше и музыка" (1926. - № 205), и в его интерпретациях творчества (поэтического и философского) П.Валери (1925. - 13 апр., 1927. - № 6), и в его мыслях о задачах поэзии. Современная поэзия, по мнению Бахтина, находится в состоянии кризиса, выход из которого он видит в возрождении слова произносимого, заклинательного. Стихотворение должно перестать быть "поэзией для глаз" и - по античному образцу - снова превратиться в "поэзию для слушателя".

В соответствии с этим понятным становятся немногочисленные, но жесткие отклики Бахтина о поэтах-современниках, особенно о Марине Цветаевой: "Стихи Цветаевой - бессвязно нагроможденный словесный и эмоциональный материал, еще не оформленный до искусства; в ее "Федре" - метрическая попытка, которая могла бы быть интересной, будь она исканием более широкого и гибкого строя, а не поводом, чтобы еще, и по-новому, разнудать слово" (1924. - 30 июня). Не менее жестко в той же рецензии оценил он и цветаевскую прозу: "Никак не пройти мимо крикливой статьи Цветаевой о кн. Волконском. Автор прекрасной книги "Родина" уподобляется здесь и Лукрецию, и Гете, и даже - Богу первых дней, и это - с выкрикиванием и причитаниями, - на протяжении более чем тридцати страниц. Просто непонятно, откуда это кликушество по поводу такой спокойной и прозрачной книги" (там же).

В откликах на работы русских формалистов Н.Бахтин, высоко оценивая их отдельные достижения, особенно в области теории

стихосложения, в то же время дает очень резкую оценку попыткам представить формальный метод неким универсальным методом, поскольку подход этот не затрагивает вопроса о природе художественного слова: "Формальный метод может лишь раскрыть структуру данного словесного объекта - будь то сонет Петрарки, "Критика чистого разума", приказ по эскадрону или реклама мыла. Кадум - как совокупность тех или иных формальных приемов (все, что есть слово, *одинаково* поддается такому изучению); но что собственно делает прием художественным приемом - этот вопрос вне его ведения. Он разъяснит нам, со всею научною строгостью, специфические особенности напр. "словесной инструментовки" данной поэмы, но не может вскрыть ни в одной из них признака "художественности" и разве лишь *статистически* покажет, что те или иные приемы применяются особенно часто или исключительно в произведениях, которые принято называть художественными" ("Письма о слове. 2. О формальном методе". - 1924. - 25 авг.). По Бахтину - лишь общее, философское уяснение природы целостного слова дает последнее основание всем частным методам.

С 1925 Бахтин ведет в "Звене" рубрику "Из жизни идей". Большинство статей этой рубрики - что-то среднее между рецензией на вышедшие издания и собственным исследованием. В поле его внимания современные течения философии (фрейдизм, неотомизм, шпенглеризм и др.), новые идеи в философии и психологии. С 1926 на страницах "Звена" начинают появляться его диалоги и "разговоры": "Разговор о переводах" (1926. - № 186), "О современности" (1926. - № 189), "Похвала смерти" (1926. - № 198), "О созерцании" (1927. - № 217), "Об оптимизме" (1927. - № 223, 224), "О разуме" (1927. - № 4), - своего рода попытка в споре с самим собой под разными масками ("Поэт", "Филолог" и "Философ") нащупать живую пульсацию мысли, еще не оформившейся в систему, мысли в самом процессе ее оформления. Особую известность принесли Бахтину его лекции на тему "Современность и наследие эллинизма", организованные редакцией "Звена" и прочитанные в феврале - начале марта 1927 (краткое изложение см.: 1927. - № 216, 217).

Отдельные положения лекций были развиты в небольших, но емких эссе "Четыре фрагмента" (1928. - № 3).

Владимир Вейдле был один из самых "обильнопишущих" авторов издания. Его фамилия впервые появляется в номере "Звена" за 29 декабря 1924 (статья "На маленькой выставке"). В дальнейшем он постоянно ведет рубрику "Выставки", пишет ряд проблемных статей о живописи XIX века и живописи современной. Вместе с тем Вейдле, начиная с 1925, все чаще публикует статьи о литературе, иногда - статьи синтетического характера. Большая их часть вышла под псевдонимом "Д.Лейс": "Честертон" (1925. - 24 авг.), "Достоевский за рулеткой" (1926. - № 186), "Французские стихи Рильке" (1926. - № 198), "Поэзия и молитва" (1927. - № 211), "Тоголь и архитектура" (1927. - № 214), "Бетховен и поэзия" (1927. - № 217), "Об английской литературе" (1927. - № 6), "Сент-Бев и XIX век" (1928. - № 3), "Достоевский в Европе" (1928. - № 5) и др. Серию его статей предвосхищают будущие работы Вейдле о кризисе истории и кризисе искусства: "Об анахронизмах" (1926. - № 192), "Кризис историографии" (1926. - № 193), "Антиистория" (1926. - № 194), "Об историческом романе" (1927. - № 215-216).

Григорий Лозинский сотрудничал с "Звеном" с первых номеров. По воспоминаниям В.Вейдле, "филолог он был знаний на редкость широких и на редкость точных, обладал огромной трудоспособностью и памятью, но и остро-критическим умом. Был у себя дома во всех романских и во всех германских языках..." (НЖ. - 1993. - № 192/193. - С. 398). В сфере интересов Г.Лозинского была романская литература (Эса де Кейрош, д'Аннунцио, Бласко Ибаньес и др.). Особый интерес представляют его статьи о русских писателях, так или иначе связанных с границей или с зарубежной литературой, в том числе "Карамзин в Париже" (1926. - № 191), "Петрарка и ранние русские петраркисты" (1927. - № 218-219), "Жуковский и Франция" (1927. - № 220-221).

Борис Федорович Шлецер публиковал на страницах "Звена" свои статьи и заметки о музыке. Но писал также о литературе, о философии. В.Вейдле вспоминал о Шлецере, которого он часто

встречал в редакции "Звена": "Пленил меня сразу же острый ум его, сдержанность и точность его суждений, отнюдь не только музыкальных, но и литературных; если б он захотел, он мог бы стать и превосходным литературным критиком а уже французскую литературу нашего и прошлого века знал во всяком случае куда лучше, чем литературные критики "Звена" Адамович и Мочульский" (НЖ. - 1993. - № 19 / 193. - С. 404). Из статей о литературе, написанных для "Звена" Шлецером, стоит отметить следующие: "Марсель Пруст" (1923. - 12 февр.), "Эрнест Ренан (к 100-летию юбилею)" (1923. - 26 февр.), "Анатоль Франс" (1924. - 5 мая).

Обзоры Шлецера о новых произведениях западной (преимущественно французской) литературы появлялись три раза (1923. - 10 дек.; 1924. - 25 февр.; 30 июня), дважды он писал о журнале "Современные записки" (1923. - 20 авг.; 1924. - 11 февр.), два раза обращался к творчеству одного из любимых своих мыслителей - Льва Шестова (1923. - 23 июля; 1926. - № 161).

Михаил Кантор, сначала секретарь, а потом редактор "Звена", по сравнению с другими сотрудниками публиковался нечасто. По мнению многих знавших его людей, он как критик мог дать много больше, но часто ему "мешала" его скромность. Об этом вспоминал Г.Адамович: "Михаил Львович вовсе не пренебрегал известностью, не отвергал ее сколько-нибудь принципиально. Нет, но было в его духовном облике что-то побуждавшее и даже заставлявшее его остаться как бы "на полях" литературы и, может быть, самой жизни, без стремления к деятельному, всем заметному вторжению в нее. Он был прежде всего созерцателем, а деятелем был лишь "постольку, поскольку", т.е. поскольку в условиях нашего существования это необходимо и неизбежно. Разговаривая с ним, удивляясь безошибочной меткости иных его суждений, я не раз говорил себе, что позавидовать ему или поучиться у него могли бы многие наши властители или полувластители дум. Он, вероятно, сам это сознавал, но не мог, да пожалуй и не хотел, что-либо в своем положении и в своей участи изменить" (Адамович Г. Памяти М.Л.Кантора // РМ. - 1971. - 14 янв.). Из статей об иностранной литературе заслуживают

внимания: "Американские идиллии Синклера Льюиса" (1924. - 17 марта), "Редьярд Киплинг (к 60-летию со дня рождения)" (1926. - № 155), "Столетие Ибсена" (1928. - № 4); достойна внимания его статья "Еще об историческом романе" (1927. - № 226), написанная по следам некоторых статей В.Вейдле (Д.Лейса), статья "Кто прав (по поводу разговора о переводах)" (1926. - № 190), примыкающая к диалогу Н.Бахтина "О переводах" и статья "Мыслитель" (1927. - № 5).

Кроме сотрудников, были и авторы, не входившие в редакцию "Звена", но оставившие важный след в истории этого издания. Князь Д.Святополк-Мирский сотрудничал в "Звене" с 1923 по 1925. Публиковал он, главным образом, статьи об английской литературе: "Современные английские романисты" (1923. - 14 мая), "Искусство биографии (Литтон Стречи)" (1924. - 28 янв.), "Байрон (К столетию со дня рождения)" (1924. - 21 апр.) и др. Он поместил в "Звене" три статьи о русской литературе: "Памяти гр. В.А.Комаровского" (1924. - 22 сент.) (эта же статья была напечатана и в "Последних новостях"), "Молодые русские прозаики" (1925. - 2 марта), "Константин Федин" (1925. - 6 апр.). Тема, которую затронул Святополк-Мирский в статье "Искусство биографии", посвященной Литтону Стречи ("Стречи революционизировал искусство биографии, создав новый вид творческой и художественной биографии - строго держащейся фактов, но избегающей всей бутафории примечаний, источников, длинных цитат из дневников и переписки - словом, стремящийся к созданию законченного, замкнутого, сжатого художественного произведения"), предвосхитила одну из ключевых тем К.Мочульского - вытеснение романа художественной биографией.

Во многом определили лицо издания и статьи П.Муратова: "Ассизи" (1924. - 21 янв.), "В музеях Италии" (1926. - № 154), "Иконы" (1926. - № 156) и др. В "Звене" была напечатана и статья П.Муратова "Вячеслав Иванов в Риме" (1926. - № 171).

Одним из наиболее ярких сотрудников "Звена" стал известный историк и исследователь литературы П.М.Бицилли. По существу все статьи, помещенные им на страницах "Звена", занимают важное

место в его наследии: "Генезис "Войны и Мира" (1926. - № 199), "Плагнат Чехова" (1926. - № 203), "Цивилизация" и "культура" (1927. - № 205), "Вторичное варварство" (1927. - № 207), "Анти-Культура" (1927. - № 210), "О чистой поэзии" (1927. - № 217), "В.А.Жуковский" (1927. - № 220), "К вопросу о происхождении Ренессанса" (1927. - № 228), "Воспоминания Кондакова" (1927. - № 3), "В защиту русского языка" (1927. - № 5), "Что такое роман?" (1927. - № 6), "Из заметок к Пушкину" (1928. - № 1), "Вопросы русской языковой культуры" (1928. - № 3), "Пушкин и Николай I" (1928. - № 6). Особенностью П.Бицилли, которая во многом определила его значение и роль в "Звене" была способность на нескольких страницах дать содержание целого трактата. Его статья "Генезис "Войны и Мира" - это не просто описание новых опубликованных рукописей Толстого, отражающих работу над романом, но и проникновение в "творческую лабораторию" русского классика.

З.Н.Гиппиус печаталась в "Звене" почти со дня его основания. 19 марта 1923 были опубликованы три ее стихотворения: "Негласные рифмы", "Красноглазое" и "Кошачье", и впоследствии на страницах "Звена" неоднократно печатались ее рассказы, статьи, рецензии и воспоминания. Сотрудничество ее в "Звене" не было постоянным, но, тем не менее за пять лет существования "Звена" появилось 23 публикации З.Н.Гиппиус. Адамович в письмах М.Кантору не раз предлагал чаще заказывать Гиппиус статьи поострее, чтобы "оживить" "Звено".

Стихи Гиппиус после первой публикации появлялись в "Звене" только один раз: цикл "В Дружносельи" (1926. - № 160). В разделе прозы были опубликованы ее рассказы "Пестрый платочек" (1923. - 23 апр.), "Сережа подрос (Наталья Павловна)" (1925. - 16 марта), "Что это такое? (Из мемуаров Мартынова)" (1927. - № 1), а также повесть "Мемуары Мартынова" (1927. - № 211, 215, 217, 225).

Свои критические статьи и заметки в "Звене" Гиппиус подписывала как настоящим именем, так и обычным для ее критических выступлений псевдонимом "Антон Крайний". Гиппиус

опубликовала в "Звене" также несколько статей: "Два разговора с поэтами" (1926. - № 159), Лик человеческий и лик времен. (Недавнее)" (1926. - № 182), отклик на доклад К.Мочульского о романе, сделанный на одной из "бесед" в редакции "Звена" - "Около романа" (1927. - № 210), "Синема" (1926. - № 204) и "Отвод" (1927. - № 208). Последняя статья явилась ответом на статью Н.Бахтина "Апология поневоле". В "Звене" были опубликованы воспоминания Гиппиус о С.А.Андреевском "Все непонятно" (1926. - № 171-172), очерк "О Сологубе" (1924. - 14 апр.), впоследствии вошедший в "Живые лица", и некролог, посвященный М.М.Винаверу, "Его вчерашние слова" (1926. - №204), а также речь на собрании памяти М.М.Винавера под названием "О свободе" (1926. - № 206).

Д.С.Мережковский на страницах "Звена" печатался крайне мало. В № 160 за 1926 помещена его заметка "Псалом царя: Ахенатона", в № 213 за 1927 - "Ответ Г.В.Адамовичу". Гораздо чаще писали в "Звене" о Мережковском: в № 156 за 1926 - статья Н.Бахтина "Мережковский и история", в № 181 - рецензия на французские издания книг Мережковского "Le mystère d'Alexandre I" (1922) и "La fin d'Alexandre I" (1929). Г.Адамович посвятил одну из своих "Литературных бесед" лекциям Мережковского о Наполеоне (1927. - № 211), отметив "глубокий провал между "лектором и аудиторией" ... взаимное непонимание". Мережковский возражал в своем "Ответе Г.В.Адамовичу" (1927. - № 213).

Кроме названных литераторов на страницах "Звена" публиковал статьи о театре кн. С.Волконский, печатались также левый М.Л.Гофман, по одной статье поместили: Б.Зайцев ("Беседа о писателях" - 9 апреля 1923), М.Шагал ("Памяти М.М.Винавера" - 1926. - № 195), В.Ходасевич ("О двух отрывках Пушкина" - 1926. - № 197).

В 20-е годы "Звено" сыграло важную роль в становлении литературы русского зарубежья и отразило многочисленные попытки осмыслить дальнейшие пути русской литературы XX в.

О.А.Коростелев, С.Р.Федякин

"ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА" (Париж, 1927-1939) - литературное общество, игравшее, по мнению одного из его активных участников Ю.К.Терапиано, "видную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции и собиравшее в течение ряда лет цвет зарубежной интеллигенции" (Терапиано. - С. 38), было создано по инициативе З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского на основе их "воскресений" - еженедельных собраний писателей в доме Мережковских № 11-бис по улице Колонель Бонне в Пасси, фешенебельном районе Парижа, от четырех до семи часов пополудни. Новый человек, прежде чем бывал допущен на "воскресенья", проходил тщательную проверку на "глубину", талантливость и оригинальность своих взглядов по общественным, религиозным и общечеловеческим вопросам. Председательствовал на "воскресеньях" Д.С.Мережковский, направляли беседу Мережковский и Гиппиус, "чаем и угощением" бесценно заведовал секретарь Мережковских В.А.Злобин. Речь шла о русских литераторах старшего поколения - Розанове, Сологубе, Блоке, Андрее Белом, которым были посвящены создаваемые в 1920-е воспоминания З.Гиппиус "Живые лица" и которых не знали эмигрантские молодые писатели. Обсуждались отдельные тезисы книг Мережковского "Атлантида", "Иисус Неизвестный", "Цанте", "Лики святых", новые книги русских писателей, номера журналов "Современные записки", "Числа", статьи в "четверговых" литературных полосах газет. "Воскресенья у Мережковских, - по мнению Терапиано, - в течение всех предвоенных лет были одним из самых оживленных литературных центров; они принесли большую пользу многим представителям "младшего поколения", заставили продумать и проработать целый ряд важных вопросов и постепенно создали своеобразную общую атмосферу" (Терапиано Ю. Встречи. - Нью-Йорк, 1953. - С. 46). "Воскресенья" продолжались до весны 1940; после смерти Мережковских попытки возродить собрания заканчивались неудачей, т.к. "заменить Мережковских и их умение вносить столько непосредственного интереса в собеседования было уже некому" (там же).

Замысел создания на основе "воскресений" более массовых собраний, с широким привлечением слушателей, со специальными докладами и дискуссиями вокруг них, к участию в которых допускались все желающие, в том числе литературные и политические противники (за исключением только большевиков и "большевизанствующих", как их называла З.Н.Гиппиус) поначалу вызвал немало скептических возражений (В.Ф.Ходасевича, в частности). Однако после первых же заседаний внимание литераторов и общественности русского Парижа к новому обществу "Зеленая лампа" стало постоянным вплоть до 1939, начала второй мировой войны. На отдельных заседаниях, проходивших в зале Русского торгово-промышленного Союза, аудитория доходила до нескольких сот человек, на чтения стихов приглашались русские шоферы и рабочие завода "Рено". Дискуссии по самым животрепещущим темам судеб русской эмиграции продолжались иногда в течение двух заседаний. Стенограммы первых пяти "бесед" опубликованы в журнале "Новый корабль" (1927. - № 1, 2; 1928. - № 4). Затем, ввиду сложности проверки стенографических отчетов и "для того, чтобы не связывать выступавших на собраниях в будущем, решено было, по общему согласию, печатание стенографических отчетов прескратить - и до самого конца "Зеленой лампы" так и было". (Терапиано. - С. 38). В дальнейшем публиковались только краткие отчеты, информации о происшедших или предстоящих заседаниях и отдельные доклады в виде статей.

Заседания "Зеленой лампы" проходили примерно раз в месяц (за исключением времени, когда Мережковских не было в Париже), начинались строго в девять часов вечера. За период с 5 февраля 1927 по 26 мая 1939 (даты первого и последнего заседаний) было 52 заседания. По предварительно составленным спискам рассылались пригласительные билеты, при входе взималась небольшая плата для покрытия расходов по аренде зала. Председателем общества был избран Георгий Иванов, секретарем Владимир Злобин; на остраде за большим столом, покрытым зеленым сукном, рядом с председателем сидели учредители - Мережковские и очередные докладчики, в

первых рядах места занимали литераторы старшего поколения И.А.Бунин, Б.К.Зайцев, М.А.Алданов, А.М.Ремизов, В.Ф.Ходасевич, Н.А.Тэффи и др. Частыми посетителями были философы Н.А.Бердяев, Л.Шестов, литературовед К.В.Мочульский, публицист Г.П.Федотов, редакторы и ведущие сотрудники "Современных записок", "Последних новостей", "Возрождения" и др.

Название "Зеленая лампа" было дано обществу в память о "Зеленой лампе" пушкинской поры, литературно-политическом обществе 1819-1820, собиравшемся у Н.В.Всеволожского и Я.Н.Толстого за круглым столом при свете зеленой лампы для обсуждения новостей литературы и театра, чтения стихов и вольнолюбивых бесед о будущем России. О пушкинской "Зеленой лампе", "нашей давней соименнице", произнес речь В.Ф.Ходасевич на первом заседании нового общества 5 февраля 1927: "Среди окружающей тупости, умственной лености и душевного покоя - оно помогало беречь умы и оттачивать самое страшное, самое разительное оружие - мысль. Вот почему нам и не страшно, и не кажется нескромным назваться "Зеленой Лампой". Мы тоже не собираемся "перевернуть мир", но мы хотели бы здесь о многом помыслить главным образом, - не страшась выводов" (Новый корабль. - 1927. - № 1. - С. 34). О задачах "Зеленой лампы" на этом же заседании говорил Д.С.Мережковский: "Пламя нашей лампы сквозь зеленый абажур - вера сквозь зеленый цвет надежды. Вера в свободу, с надеждой, что свобода и Россия будут одно" (Там же. - С. 34). В настоящее время, по мысли Мережковского, вся интеллектуальная Россия переживает единую трагедию - и на родине, и в эмиграции. "Наша трагедия - в антиномии Свободы, нашего "духа", - и России, нашей "плоти". Свобода - это чужбина, эмиграция, пустота, призрачность, бескровность, бесплотность, а Россия, наша плоть и кровь, - отрицание Свободы, рабство. Все русские люди жертвуют или России - Свободе, или Свободой - России". Речью Мережковского превращается в торжественный "тост" - "При свете Зеленой лампы мы пьем за Свободу-Россию, Россию-Свободу как одно существо, мы пьем за ее великое умолчанное слово" (там же).

Парижская "Зеленая лампа" мыслилась лабораторией, в которой вырабатывается программа жизни и исканий русской эмиграции - прежде всего в областях литературной и религиозно-философской. В "Беседе II", то есть на втором заседании общества, З.Н.Гиппиус сделала доклад "Русская литература в изгнании", который начала словами: "На прошлом заседании Мережковский сказал, что "Зеленая лампа" - лаборатория. Да, между прочим, и лаборатория. Некоторыми исследованиями хорошо бы заняться. Например - исследованием духовного состояния нашей эмиграции" (Новый корабль. - 1927. - № 1. - С. 35-36). В докладе Гиппиус подводит итог десяти годам существования разделенной русской литературы и приходит к выводу, что между двумя ее частями "нерушимая связь". Творцы, живущие в эмиграции, "приглядываются жадно": "какие там, в глубинах, происходят изменения, что дают русским людям в России их кандалный опыт?" (там же. - С. 36). Условия для творчества в России и в Европе неблагоприятны, хотя и по-разному: в России - "рабство, нищета, насильническое вытравливание моральных ценностей, отрыв от общеевропейской культуры, беззаконие и несправедливость", - если эти условия положить на одну чашку весов, а на другую наши условия: чужая земля, сознание безродности, распыленность, трудность заработка и т.д. - не думаю, чтоб вторая перевесила. Даже думаю, первая окажется тяжелее" (С. 36). В эмиграции, утверждает Гиппиус, русским литераторам впервые дано свободное слово, - "с него и надо начинать исследование духовной жизни эмиграции" (С. 37). Задача писателей - "выучиться свободе". Гиппиус анализирует направление творческих поисков писателей старшего поколения, сосредоточенных на общественных проблемах, "общности", "общем деле", и молодежи, становящейся "чистыми субъективистами", "снобистами". Выражающий их идеи журнал "Звено" посвящен исключительно вопросам культуры и напоминает эстетикой прежний "Аполлон". Эта реакция молодого поколения на "затверженный частоклок идей" старших писателей естественна, но от субъективизма следует переходить к индивидуализму, от которого ведет широкая дорога

познания и изображения мира, - "лишь бы сил и дарования хватило" (С. 38). "Чистого искусства" нет, - убеждена З.Гиппиус. Свобода искусства от общества - фикция. "Художественное творчество, словесное по преимуществу, находится в нерасторгаемой связи со всей сложностью данного исторического момента, и даже так, что чем теснее связь, тем выше творчество" (С. 39).

Полемически заостренный доклад Гиппиус вызвал оживленные прения. Выступили В.Ф.Ходасевич, Д.С.Мережковский, И.А.Бунин, С.О.Иванович, М.В.Вишняк, Г.В.Адамович. Мнения разделились по вопросу о гибельности эмиграции для таланта писателя. "Отрыв от родной почвы, которая нас питала, делается трагичным"; "Есть среди нас несколько крупнейших сил в литературе; их произведения великолепны, но у них был такой огромный духовный заряд, что его все еще хватает. Но это все-таки вопрос времени", - считал С.О.Иванович (Талин). "Мне было тяжело слышать повторение, что мы задыхаемся, погибаем... Я не вижу задыхающихся... Выход из своего пруда в реку, в море - это совсем не так плохо и никогда плохо не было для художественного творчества... Но, говорят, раз из Белевского уезда уехал, не пишет, - пропал человек" (с. 42), - говорил И.А.Бунин. Противоречивые отклики вызвал тезис Гиппиус о необходимости связи искусства с современными проблемами действительности: "Отклик искусства на жизнь опаздывает иногда на десятилетия. Публицистическая жажда сразу же все запечатлеть и отразить поэту чужда. Бывают поэты, ею охваченные: в таком случае они поэты "несмотря" на нее, но не "благодаря" ей или "из-за нее", - утверждал Г.Адамович. "Речь не о намеренной ломке искусства, но об отражении жизни, о борозде, которую жизнь проводит на душе художника. Неужели на величайшем поэте славянства - Мицкевиче - не отразилась катастрофа Польши? Если бы не отразилась, то грош была бы ему цена" (с. 45), - заявил Д.С.Мережковский.

Прения по докладу З.Гиппиус продолжались еще на двух заседаниях; на втором она заострила вопрос о задачах русской литературы в эмиграции: надо ли все время стоять лицом к России, к

ней тянуться? не пора ли, во имя осуществления задачи своего послания в Европу, подобно недорослям Петра, посылаемым в Европу за знаниями, учиться делу Свободы, и ради этого "теперешнего, сегодняшнего дела - самого важного - сейчас Россию надо забыть? Что если, только исполнив наше здешнее, сейчасное дело, - мы заслужим Россию?" Гиппиус поддержали Д.Кнут, Н.Н.Берберова, И.И.Бунаков-Фондаминский. Последний нарисовал широкую картину духовной значимости эмиграции, не только сохраняющей, но и развивающей русскую культуру и вносящей свою долю ценностей в культуру мировую: "Закрыв глаза, глубоко погружившись в духовную стихию русской эмиграции, я утверждаю, что такой эмиграции не было в мировой истории - разве вавилонское пленение Израиля. Если вы следите за европейской жизнью, вы знаете, что вся она пронизывается русскими духовными ценностями. Так велика духовная напряженность русской эмиграции, такова ее духовная излучаемость в мире" (Новый корабль. - 1927. - № 2. - С. 45-46).

Тема, поднятая на втором и третьем заседаниях "Зеленой лампы" (24 февраля и 1 марта 1927), возникала еще не раз, варьировалась в зависимости от индивидуальности докладчика и современного контекста. Характерно для "Зеленой лампы" литературно-нравственное заострение темы, отказ от публицистической агитационности. Политических аспектов касались неизбежно, но как бы вскользь, посвящая основное внимание литературному материалу и метафизическим проблемам религии и церкви.

Темы докладов на заседаниях "Зеленой лампы" в 1927-1939:

5 февраля 1927. Вступительное слово В.Ф.Ходасевича. Доклад М.О.Цетлина "О литературной критике". В прениях участвовали Г.В.Адамович, М.В.Вишняк, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Ю.К.Терапиано.

24 февраля 1927. Доклад З.Н.Гиппиус "Русская литература в изгнании". В прениях участвуют В.Ф.Ходасевич, Г.В.Адамович, И.А.Бунин, М.В.Вишняк, С.И.Иванович и Д.С.Мережковский.

1 марта 1927. Продолжение обсуждения доклада З.Н.Гиппиус "Русская литература в изгнании". В прениях участвуют Д.Кнут, Н.Н.Берберова, И.И.Бунаков-Фондаминский.

31 марта 1927. Вечер стихов с участием Ю.К.Терапиано, Д.Кнута, Г.В.Адамовича, Ирины Одоевцевой, А.П.Ладинского, В.Ф.Ходасевича, И.А.Бунина, Д.С.Мережковского, Н.Н.Берберовой, В.А.Злобина и З.Н.Гиппиус.

12 мая 1927. Открытое собрание, посвященное лекциям Н.М.Бахтина об эллинизме и современности. В прениях участвовали Г.В.Адамович, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Ю.К.Терапиано.

4 июня 1927. Собеседование на тему: "Есть ли цель у поэзии?" Вступительное слово Г.В.Адамовича, в прениях участвовали Н.М.Бахтин, В.В.Вейдле, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, М.О.Цетлин.

6 февраля 1928. Диспут на тему: "Левизна в искусстве". Вступительное слово Н.А.Оцупа.

18 и 27 февраля 1928. Собеседование на тему: "Толстой и большевизм". Вступительное слово Г.В.Адамовича. На заседании 27 февраля - продолжение прений. Выступление З.Н.Гиппиус в прениях "О Евангелии-книге" (Возрождение. - 1928. - 27 февр.).

10 марта 1928. Вечер стихов с участием Г.Адамовича, Н.Берберовой, И.Бунина, З.Гиппиус, В.Злобина, Г.Иванова, Д.Кнута, Г.Кузнецовой, А.Ладинского, Д.Мережковского, И.Одоевцевой, Н.Оцупа, Ю.Терапиано, В.Ходасевича, М.Цетлина.

10 апреля 1928. Собеседование на тему "Апокалипсис нашего времени" В.В.Розанова (о Ветхом Завете и христианстве). Вступительное слово З.Н.Гиппиус "Два завета" (Возрождение. - 1928. - 11 апр.). В прениях участвуют Г.О.Гершенкройн, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, М.О.Цетлин, Ю.К.Терапиано и др.

22 апреля 1928. Доклад Д.С.Мережковского "Который же из вас?" (Иудаизм и христианство)".

12 мая 1928. Доклад Г.В.Адамовича "Судьба Александра Блока".

22 мая 1928. Доклад Н.А.Оцупа "О музыке революции (Россия в новой русской поэзии)". В диспуте приняли участие Г.В.Адамович, Г.О.Гершенкройн, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский и др.

12 июня 1928. Доклад И.С.Златопольского "Противоречия между иудаизмом и христианством".

5 января 1929. Собеседование на тему: "Мечта о царе". Вступительное слово З.Н.Гиппиус. В прениях выступили И.И.Бунаков-Фондаминский, С.С.Маслов, С.П.Мельгунов, Д.С.Мережковский и др.

3 марта 1929. Доклад Г.В.Адамовича "Конец литературы". В прениях выступили Н.М.Бахтин, Г.О.Гершенкройн, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, М.Л.Слоним, М.О.Цетлин и др.

25 марта 1929. Собеседование: "Спор Белинского с Гоголем". Вступительное слово Н.А.Оцупа. В прениях участвовали Г.В.Адамович, Г.О.Гершенкройн, З.Н.Гиппиус, М.Л.Кантор, Д.С.Мережковский, В.И.Талин (Иванович), М.О.Цетлин и др.

6 апреля 1929. Собеседование: "Миф о Пушкине" (О новом понимании поэта). В беседе участвовали Г.В.Адамович, А.С.Блох, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский и др.

15 и 20 апреля 1929. Доклад В.А.Злобина "Умирает ли христианство?". В прениях участвовали Г.В.Адамович, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Г.В.Флоровский, В.Ф.Марцинковский, Б.Ю.Поплавский и др. 20 апреля прения были продолжены.

20 мая 1929. Беседа о любви. Вступительное слово Д.С.Мережковского "Европа - Содом". В беседе участвовали Г.В.Адамович, Г.О.Гершенкройн, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, А.П.Ладинский, С.К.Маковский, Д.С.Мережковский, И.Одоевцева, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Н.Тэффи, Ю.Фельзен, М.О.Цетлин. Отчет об этом собрании - "Возрождение". - 1929. - 29 мая.

3 июня 1929 состоялась вторая беседа о любви. Вступительное слово З.Н.Гиппиус "Арифметика любви" было впоследствии опубликовано в журнале "Числа". - 1931. - № 5. В беседе участвовали

Г.В.Адамович, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, А.П.Ладинский, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Н.Тэффи, М.О.Цетлин и др.

5 марта 1930. Доклад З.Н.Гиппиус "Отчего нам стало скучно?" В прениях участвовали Г.В.Адамович, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Н.Г.Рейзини, М.О.Цетлин и др. Собрание было "открытым".

21 марта 1930. Доклад Г.В.Иванова "Шестое чувство (О символизме и судьбах поэзии)" (опубликован в "Числах". - 1931. - № 2/3). В прениях участвовали Г.В.Адамович, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, К.В.Мочульский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Н.Г.Рейзини, М.Л.Слоним и др.

15 апреля 1930. Собеседование на тему "Чего они хотят?" ("Современные записки" и "Числа"). В прениях участвовали Н.М.Бахтин, А.С.Блох, И.А.Бунин, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, И.Н.Голенищев-Кутузов, К.И.Зайцев, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, К.В.Мочульский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Н.Г.Рейзини, Ю.Л.Сазонова, М.Л.Слоним, В.И.Талин (Иванович), Н.А.Тэффи, М.О.Цетлин и др. Резюме этого собеседования: Числа. - 1931. - № 2-3.

30 января 1931. Доклад Г.П.Федотова "Защита свободы (О настроениях молодежи)". В прениях участвовали В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, П.Н.Милюков, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.А.Ширинский-Шихматов.

6 февраля 1931. Собеседование на тему: "Где свобода?". Участвовали профессор Н.Н.Алексеев, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Н.А.Клепинин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Г.П.Федотов, Ю.А.Ширинский-Шихматов, М.О.Цетлин.

18 апреля 1931. Собеседование на тему: "Что с нами будет? (Атлантида - Европа)". Участвуют В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, К.В.Мочульский, Н.А.Оцуп, С.Л.Поляков-Литовцев, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано, М.О.Цетлин. Доклад В.С.Варшавского "Что с нами будет?". - Числа. - 1931. - № 5.

18 мая 1931. Доклад Г.В.Адамовича "Бессонница". В прениях выступили В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, И.В.Одоевцева, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано, В.Ф.Ходасевич.

11 июня 1931. Собеседование на тему: "У кого мы в рабстве? (О духовном состоянии эмиграции)". Вступительное слово Г.В.Иванова, участвуют в прениях Г.В.Адамович, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Б.К.Зайцев, В.А.Злобин, А.И.Куприн, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.Фельзен, М.О.Цетлин.

21 декабря 1931. Собеседование на тему: "Эмигрантский молодой человек". Вступительное слово В.С.Варшавского и З.Н.Гиппиус, в прениях участвуют Г.В.Адамович, И.И.Бунаков-Фондаминский, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Ю.Фельзен.

12 января 1932. Собеседование на тему: "О старом и новом граде". Вступительное слово И.Н.Голенищева-Кутузова, в прениях участвуют И.И.Бунаков-Фондаминский, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, Б.Ю.Поплавский, Г.П.Федотов, Ю.Фельзен, Ю.А.Ширинский-Шихматов, А.С.Штейгер.

19 апреля 1932. Доклад П.С.Боранецкого "В поисках третьей России". В прениях участвовали В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, В.Н.Сперанский, Ю.К.Терапиано, А.С.Штейгер, Г.П.Федотов.

6 мая 1932. Собеседование на тему: "О современных общественно-религиозных исканиях в России". Заседание отменено в связи с убийством президента Франции П.Думера.

8 июня 1932. Собеседование на тему: "Духовный кризис Европы (Леонардо да Винчи, Гете и мы)". Вступительное слово Д.С.Мережковского, в прениях участвуют Г.В.Адамович, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано, Г.П.Федотов.

19 января 1933. Доклад В.С.Варшавского "Другая сторона христианства" (о новой книге А.Бергсона "Два источника нравственности и религии"). В прениях участвуют Б.П.Вышеславцев,

З.Н.Гиппиус, Л.И.Кельберин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Ю.К.Терапиано, Г.П.Федотов, Ю.Фельзен и др.

22 февраля 1933. Продолжение обсуждения доклада В.С.Варшавского "Другая сторона христианства". Участвуют Г.В.Адамович, Я.М.Меньшиков, В.Н.Сперанский и др.

4 апреля 1933. Доклад П.С.Боранецкого "Человек и машина". В прениях участвуют Г.В.Адамович, Б.П.Вышеславцев, З.Н.Гиппиус, Л.И.Кельберин, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано, Ю.Фельзен, Г.П.Федотов.

28 апреля 1933. Доклад А.В.Алферова "Будни эмиграции (Куда мы идем?)". В прениях выступили Е.В.Бакунина, П.С.Боранецкий, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Л.И.Кельберин, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, М.Л.Слоним, В.А.Смоленский, Ю.К.Терапиано (отчет: Числа. - 1933. - № 9).

23 марта 1934. Собрание на тему "Деньги, деньги, деньги..." Вступительное слово В.С.Варшавского и З.Н.Гиппиус. В прениях участвуют Г.В.Адамович, А.В.Алферов, Б.В.Дикой, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, Н.А.Оцуп, Б.Ю.Поплавский, Ю.К.Терапиано.

31 мая 1934. Собеседование на тему: "От чего зависит эмиграция?". Вступительное слово З.Н.Гиппиус, в прениях участвуют Г.В.Адамович, А.В.Алферов, В.С.Варшавский, Б.В.Дикой, В.А.Злобин, Н.А.Оцуп, Д.С.Мережковский и др.

29 мая 1935. Беседа "О непримиримости". Вступительное слово В.А.Смоленского, доклад В.А.Злобина, участвуют в прениях Г.В.Иванов, Д.С.Мережковский, В.В.Орехов, Б.Г.Бажанов, С.П.Рождественский, Ю.Ф.Земцов (отчет: Возрождение. - 1935. - 7 июня).

9 ноября 1935. Вечер, посвященный памяти Бориса Поплавского, при участии Г.В.Адамовича, А.Я.Браславского, В.С.Варшавского, Л.И.Кельберина, Д.С.Мережковского, Ирины Одоевцевой, Ю.Фельзена и Л.Д.Червинской. Вступительное слово Г.В.Иванова.

23 февраля 1937. Собрание на тему "Об унижении России (Совесть в русской литературе)". Вступительное слово Г.В.Иванова. В прениях участвуют Г.В.Адамович, П.С.Боранецкий, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Д.С.Мережковский, А.Ф.Ксренский и др.

9 марта 1937. Собрание на тему "В чем соблазн большевизма?". Вступительное слово Д.С.Мережковского. В прениях участвуют Г.В.Адамович, П.С.Боранецкий, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Ю.В.Мандельштам, Я.М.Меньшиков, В.Н.Сперанский и др.

23 марта 1937. Собрание на тему "Александр Блок и Россия". Вступительное слово Ю.В.Мандельштама. В прениях участвуют Г.В.Адамович, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Л.И.Кельберин.

20 апреля 1937. Собрание на тему "Революция и религия". Вступительное слово Л.И.Кельберина. В прениях участвуют Г.В.Адамович, П.С.Боранецкий, З.Н.Гиппиус, В.А.Злобин, Г.В.Иванов, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, Я.М.Меньшиков и др.

7 мая 1937. Собрание на тему "Найти себя (К трагедии эмигрантского сознания)". Вступительное слово Я.М.Меньшикова. В прениях участвуют П.С.Боранецкий, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, П.Н.Переверзев и др.

28 января 1938. Собрание, посвященное повести Г.Иванова "Распад атома". Вступительное слово З.Н.Гиппиус (опубликовано: Круг. - 1938. - № 3). В прениях участвуют Г.В.Адамович, В.С.Варшавский, В.А.Злобин, Л.И.Кельберин, В.А.Мамченко, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, Ю.К.Терапиано, Я.М.Меньшиков, Л.Д.Червинская.

29 марта 1938. Доклад В.С.Варшавского "Одинокий человек в эмиграции". В прениях участвуют З.Н.Гиппиус, Л.И.Кельберин, Ю.В.Мандельштам, В.А.Мамченко, Я.М.Меньшиков, Д.С.Мережковский, Ю.К.Терапиано.

26 мая 1939. Доклад Б.Заковича "Рождение личности". В прениях участвуют Г.В.Адамович, В.С.Варшавский, З.Н.Гиппиус, Л.И.Кельберин, В.А.Мамченко, Ю.В.Мандельштам, Д.С.Мережковский, Ю.К.Терапиано, Ю.Фельзен, Л.Д.Червинская.

Хотя политические вопросы напрямую на заседаниях не ставились, в прениях, как правило, литературные темы переливались в политические, политические переходили в религиозные, частные вопросы расширялись до общих, из отвлеченных рассуждений извлекались практические выводы. Так, например, на заседании памяти В.В.Розанова 10 апреля 1928 разговор, направляемый вступительным словом Гиппиус, естественно перешел с основных тем Розанова - "Бог, Любовь, Смерть" и от раздражавшего его противоречия: "Он любит плоть, земную, рождающую, но любит и Христа, и раздражаем этими двумя любовью" (Возрождение. - 1928. - 11 апр.) - к вопросу об отношении Розанова к иудаизму, книге О.Вейнингера "Пол и характер" и современному состоянию еврейского вопроса: надо ли сейчас говорить об иудаизме в религиозной, "розановской" плоскости, когда в России антисемиты решают его кулаками? Ответ Гиппиус и ее "собеседников" по "Зеленой лампе": только так, в религиозной плоскости, и можно ставить еврейский вопрос. Три главных положения иудаизма - о Боге, о Любви и Смерти - касаются всех, "и нельзя даже вообразить момент, когда они перестали бы касаться человечества" (Возрождение. - 1928. - 11 апр.).

По поводу доклада Г.В.Адамовича о Л.Н.Толстом, Евангелии и большевиках З.Н.Гиппиус подчеркивает, что "Зеленая лампа" занимается не только литературой, но "всем": "Каждый доклад можно взять с любой стороны: литературной, политической или религиозной" (Возрождение. - 1928. - 27 февр.). Вместе с тем в 1930-е наибольший интерес собирающихся на заседания стали вызывать не политические и даже не литературные темы, - они находили трибуны для их обсуждений на заседаниях других объединений и обществ ("Союз молодых поэтов и писателей", "Перекресток", "Кочевье" и др.), а те, в которых индивидуальность создателей "Зеленой лампы" выражалась наиболее полно. Так, событием стали заседания, посвященные любви. В докладе "Арифметика любви" З.Н.Гиппиус развертывает тезисы о любви в сугубо метафизическом плане: личность, ее единственность, Эрос, андрогинизм и вечность, смысл

любви в философии Вл.Соловьева.. Человск, по мнению Гиппиус, существо душе телесное, в котором никогда не заключены только мужское или только женское начала. В каждом существе оба начала присутствуют, но какое-то одно преобладает. Человск, таким образом, существо "мужеженское" или "женомужское". Личная любовь - это "мост, который строит Эрос между двумя личностями" (Числа. - 1931. - № 5. - С. 158). Иногда сильная личность пытается сохранить такую любовь - без Эроса pontifex'a - "строителя мостов" и "священника", пытается приделать Эросу вместо "легких крылышек длинные ангельские крылья", - но и это не спасает. "Такой Содомский апологет, например, как André Gide, с наивно-трогательной искренностью открывает нам, в каком виде остается у содомлян "личная любовь": она нисколько не мешает всемерному, тут же, физиологическому распылению" (С. 159). Любящая парадоксы З.Гиппиус противопоставила содомитской любви образ совершенной любви, "полноты личной любви", данный Н.В.Гоголем в "Старосветских помещиках", - в то время как "было бы смешно представить" личную любовь между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем, - "да ведь Гоголь этого и не писал!". Доклад Гиппиус завершался обращением к авторитету Вл.Соловьева: "Много ли мы понимаем о личности? Много ли о любви? Недаром Соловьев, пытаясь о ней что-то сказать новое и важное, вдруг сам себя с отчаянием прерывал: "да кто же когда-нибудь думал о чем-нибудь подобном по поводу любви?". Ну, что ж, если и не думал, - может быть, впоследствии подумает" (Числа. - 1931. - № 5. - С. 161).

Речь Гиппиус "Арифметика любви" вызвала самые разнообразные суждения и до сих пор продолжает интересовать ученых-специалистов. Если аудитория первых лет существования "Зеленой лампы" была "очень внимательной и чуткой", и каждый вечер потом вызывал "долгие разговоры присутствовавших на этом собрании" (Терапиано. - С. 41), то в поздние годы Мережковские стали ощущать потерю контакта с молодежью ("зародышами" и "подростками", как их называла Гиппиус). Заседания проходили гри

почти пустом зале. Частые отъезды - в Италию, в Биарриц и пр. - также нарушали регулярность собраний.

Значение "Зеленой лампы" в истории духовной жизни русской эмиграции безусловно велико. Обсуждение литературных вопросов с выходом в вопросы религиозно-философские и политические давало возможность высказаться литераторам старшего и молодого поколений, устанавливало высокую планку уровня культуры и нравственных ценностей. Осуществились полностью замыслы создателей общества, о которых Д.С.Мережковский говорил: "Зеленая лампа" - общество как будто литературное - мы говорим только о русской литературе. Но ведь существо русской литературы в том, что она не только литература, а что в ней есть элемент религиозный; еще прямее сказать, элемент христианский." (Терапиано Ю. Встречи. - С. 80). Религиозно-нравственные беседы "Зеленой лампы" возрождали память о Религиозно-философских собраниях Петербурга до Первой мировой войны, обращали к этим вопросам мысль молодого поколения литераторов-эмигрантов. "Мы себя заставим слушать; заставим с нами спорить, а этого нам только и нужно", - эти слова Мережковского о задачах "Зеленой лампы" оказались пророческими.

Темира Пахмусс (США), Н.В.Королева

"ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА" (Париж, 1920. - № 1. - 1 окт. - 5/6. - 1921. - № 1-2. - 16 янв.). - двухнедельный иллюстрированный журнал для детей, созданный Аминадом Петровичем Шполянским, писавшим под псевдонимом Дон-Аминадо (1888-1957). Он поставил задачу издавать в эмиграции журнал, который помогал бы воспитывать русских детей русскими, сохранить, развить и усилить в них любовь к покинутой Родине, ее истории и культуре. Идеи Дон-Аминадо одобрили находившиеся в 20-е в Париже А.Н.Толстой и его жена Н.В.Крандиевская; они вошли в состав редколлегии и приняли

участие в создании журнала. Ближайшими помощниками Дон-Аминадо и участниками в создании журнала стали также Амари, К.Д.Бальмонт, В.В.Барятинский, И.А.Бунин, И.М.Василевский (Не-Буква), А.Дроздов, А.А.Койранский, Н.Крандиевская, С.Кречетов, А.И.Куприн, М.К.Первухин, С.Л.Поляков (Литовцев), Н.А.Рубакин, С.Ю.Судейкин, А.Н.Толстой, Н.Ульянов, Саша Черный и др. Средства для издания "Зеленой палочки" выделил меценат Р., по образованию - доктор философии, по профессии - зернопромышленник, из скромности не позволивший обнародовать свою фамилию. Обложку журнала выполнил художник Н.В.Васильев (1887-1975), подписывавший свои работы псевдонимом Ре-ми. Он же и С.Ю.Судейкин (1882-1946) украшали журнал своими веселыми и смешными иллюстрациями.

Чтобы объяснить название журнала на второй странице был воспроизведен отрывок из "Воспоминаний (1902-1906)" Л.Н.Толстого "о том, как его старший брат, его Николенька, объявил, что у него есть тайна, через которую, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми и все будут любить друг друга. Тайна эта написана на зеленой палочке и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага, в яснополянском парке. Единая задача "зеленой палочки", стало быть, одна для всех: всем вместе искать простую и важную тайну, посредством которой можно сделать всех людей на свете счастливыми".

Программа журнала включала воспитание юных читателей с учетом нравственной стороны чтения, стремление развить ум и способности ребенка, дать ему доступные сведения об окружающем мире. В нем публиковались художественные произведения, призванные пробудить в детях любовь к слабым, уважение к труду, самостоятельности. Наряду с художественной литературой в журнале печатались статьи и беседы на различные темы, сообщения о событиях в "осени".

Первый номер журнала открывается стихотворением И.Бунина с предположительской тематикой "Бегство в Египет". Опубликована сказка А.Н.Толстого "Синица" (1920. - № 1) и повесть "Детство

Никиты" (1920. - № 2-5/6). Эта повесть в дальнейшем дорабатывалась автором и целиком была издана под заглавием "Повесть о многих превосходных вещах: (Детство Никиты)" в издательстве "Геликон" (М.; Берлин, 1922). При сравнении этих текстов обнаруживается, что в журнальном тексте сильнее, чем в окончательной редакции, был выражен мотив пронзительной и щемящей тоски по Родине. А.И.Куприн поместил в журнале рассказы о животных "Козлиная жизнь" (1920. - № 1) и "Сапсан" (1921. - № 1), герой которого наделен стремлением к свободе, гордостью, справедливостью, чувством любви и привязанности.

В издание "Зеленой палочки" внес свой вклад К.Бальмонт. Любовь и доброе отношение к природе звучат в его стихотворении "Птенец" (1920. - № 1). Два стихотворения опубликовала Н.Крандиевская: "Колыбельная" и музыка к ней (1920. - № 1) и "День прошел" (1920. - № 5/6). Почти в каждом номере журнала присутствуют детские стихи Саши Черного.

В журнале были опубликованы сказки: "Соловей" Г.Х.Андерсена в переводе А.Ганзен (1920. - № 2), сказка П.Кожевникова "Пропавшее солнце" (1920. - № 5/6); стихи М.Струве "Зима" (1920. - № 3), Г.Шайкевича "В белом поле вьюга стелется" (1920. - № 5/6); рассказы А.Дроздова "Мой дедушка" (1920. - № 1) и "Медовый человек" (1920. - № 4), В.Барятинского "Страшная история" (1920. - № 5/6); повесть А.Яблоновского "Приключения Миши Шишмарева" (1921. - № 1-2); роман Р.Стивенсона "Остров сокровищ" в переводе А.Койранского, печатавшийся с № 2 за 1920 и оставшийся незаконченной публикацией.

Авторами статей на естественнонаучные и исторические темы были: книговед Н.А.Рубакин - автор очерков о детском творчестве "Великие изобретатели маленьких людей" (1920. - № 1), "Ученый мальчик" об И.Ньютоне (1920. - № 4); инженер-пропагандист Н.А.Ульянов - "Беспроволочный телеграф" (1920. - № 3), "Маяк": исторический очерк" (1920. - № 5/6); М.Первухин - "Современный волшебник: очерк о беспроволочном телефоне" (1920. - № 4).

В журнале было несколько постоянных разделов: "Крепко помни о России" - здесь со статьями выступили: С.Поляков (Литовцев) "Далекая Россия" (1920. - № 1), Г.Лукомский "Старая губерния" (1920. - № 3), Д.Денисов "Москва" (1920. - № 1). М.Струве "Петербург" (1921. - № 2); раздел "Произведения молодых авторов" (стихи и рассказы юных авторов с их же рисунками). Непременными в каждом номере были разделы "Спорт", "Наши конкурсы", "Полчаса". Начиная с номера 5/6 за 1920, в журнале появилась рубрика "Наука и жизнь", дающая доступные детскому восприятию знания. Журнал просуществовал недолго. В 1921 меценат, финансировавший издание, разорился, и журнал прекратил свое существование.

А.М.Гуткина

"ЗНАМЯ" (Берлин, 1921. - № 1, 2) - временник литературы и политики. Выходил в издательстве "Скифы" под ред. Александра Шрейдера. Издание партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Журнал состоит из двух частей - литературной и политической. В первой напечатаны стихотворения: "Я ухо приложил к земле" А.Блока, "Я покинул родимый дом", "Нивы сжаты, роши голы" С.Есенина, "Молчанье долго я таил, но дольше" Рюрика Ивнева, "Ямбы" Н.Клюева, "Разлюбленный, затверженный" И.Эренбурга. Поэма А.Белого "Первое свидание" (№ 2) - воспоминание о годах, прожитых в Москве, ее культурной, литературной жизни.

Рецензируя нашу современную литературу. Е.Лундберг в обзоре "В своем углу. О текущей литературе" (№ 2. - С. 36) отмечает: "Возьмите рассказы Куприна, "Заклинательницу змей" Ф.Сологуба, "14 декабря" Мережковского, новые рассказы З.Гиппиус, старые томики Ауслендера, Садовского, драмы Л.Андреса или его патетическую прозу. Их нельзя взять на язык, нельзя снести вкусом, хотя литературно все это не так плохо. К картонным и ватым

романам Мережковского все привыкли. Сологуб и раньше умел любой вздор рассказать превосходной прозой - такой превосходной, что, вчитавшись, вы начинали верить, что за вздором кроется глубокая поэзия, не нашедшая себе форм. Но ныне не помогают ни привычки, ни профессиональный интерес. То, что раньше казалось средне-хорошим, стало невозможным".

Рецензент Влад. Лундберг многое не приемлет в романах С.Мережковского, считает, что "14 декабря" (Париж, 1921) сделан, подобно предыдущим его романам, по старому образцу (№ 2. - С. 60). "Тон изложения детской сказки и. Андерсен пополам с Гофманом". "Царство Антихриста" (Мюнхен, 1922) - большевистская Россия. Сборник составлен из статей Д.Мережковского, З.Гиппиус, Д.Философова и В.Злобина: "Пророчесственные статьи Мережковского, особенно "Крест и Пентаграмма" неудобочитаемы. Не лучше и "Записная книжка" того же автора" (там же). Рецензент отрицательно оценивает дневники З.Гиппиус: "Это - низкое произведение; произведение, продиктованное заботой как бы не пропустить чего-нибудь дрянного в жизни окружающих" (С. 61).

Иронична рецензия Иванова-Разумника на книгу Н.Гумилева "Мик. Африканская поэма" (Пг., 1921) (Изысканный жираф. - № 1). Он считает поэта верным рыцарем и паладином "чистого искусства", каким он был и десятилетием раньше в годы первой русской революции, когда писал книгу "Романтические цветы" (Париж, 1908): "Далеко, далеко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф" (С. 27).

Литературное прошлое представлено двумя статьями. Иванов-Разумник (Скиф сороковых годов. - № 1. - С. 21) напоминает о непреходящем значении А.И.Герцена: "Он духовно близок нам, точно человек сегодняшнего дня, или вернее - дня завершенного. И еще долго продлится это "завтра" мировой истории. Человек, писатель, мыслитель, революционер, социалист, вечный "скиф" - Герцен надолго еще останется современным для молодых поколений будущего, для "скифов" грядущих времен и народов". Место Толстого в истории культуры определяет А.Белый (Учитель жизни. Лев Толстой. - № 1. - С. 23): "Толстой - выразитель доступной всем

Мудрости: он откровение грядущей культуры. Восставши, пошел Лев Толстой через всю Россию в огромные шири вселенского света; уход Льва Толстого, сперва из уже обветшавшей культуры, потом из дому, сквозь смерть в жизнь бессмертия есть величайший доступнейший символ".

Несколько очерков посвящено искусству, художественному творчеству. Конст. Эрберг (О догматах и ересь в искусстве. - № 2. - С. 33) резюмирует: "Как ни вытравливаются старые догматы новейшими художниками, а все-таки преемственная связь между ними и прежним искусством неминует... ибо всякая ересь, особенно художественная питается и живет тем самым догматом, с которым она борется и который она так ненавидит".

Публицистика занимает важное место в журнале. Иванов-Разумник (Пролетарская культура и пролетарская цивилизация. - № 2. - С. 26) заключает свою статью: "В "пролетарскую культуру" я не верю и таковой не знаю. так же как не знаю и "культуры буржуазной"; в пролетарскую цивилизацию я верю, и верю, что, смыв буржуазную цивилизацию прежних столетий, она построит на смытом месте нечто новое, нечто свое, в формах, которые мы теперь ясно представить не можем". А.Белый (Прыжок в царство свободы. - № 2) говорит о царстве несвободы, и "упразднение этого царства раскроет другую культуру, культуру свободы" (С. 21). Перепечатан известный доклад А.Блока "Крушение гуманизма" (№ 2).

Преобладающая в журнале политическая часть состоит из материалов о партии социалистов-революционеров, хроники этой партии.

А.Ф.Головенченко

"ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ" (Париж, 1924-1939. - № 1-1245) - еженедельный "литературно-иллюстрированный журнал" (первые полтора года выходил раз в две недели). Основатель

и первый редактор (№ 1-322) - Мирон Петрович Миронов (1890-1935); начинал журналистскую деятельность в петербургской газете "День", затем работал в петербургском отделении "Русского слова", в "Биржевых ведомостях", профессии учился у И.Сытина, В.Дорошевича, А.Руманова; в 1918-1919 редактировал киевскую газету "Наш путь". Затеяв свое первое издание в зарубежье, Миронов ориентировал журнал на широкие слои русской эмиграции. В созданном по типу "Огонька" (выходившего в Советской России с 1923) журнале первостепенное внимание уделялось иллюстративному, прежде всего фотографическому материалу, что не могло не привлечь массового читателя. Само же предприятие, по воспоминаниям скептически настроенных к типу журнала современников, было поставлено на широкую ногу, в него вкладывались огромные деньги и энергия основателей; с 21 мая 1926 материальное обеспечение перешло к специально созданному акционерному обществу под председательством М.Л.Гольдштейна (в правление вошли Б.Э.Нольде, М.П.Миронов, Л.Г.Бакрах, И.В.Дуссан). Правильный журналистский расчет и солидная материальная база (хотя гонорары даже знаменитым авторам выплачивали далеко не аккуратно) позволяли постоянно увеличивать тираж журнала (судя по приводимому в рекламном отделе журнала списку его представителей, "ИР" можно было приобрести у частных агентов или в магазинах русской книги по всему миру) и постепенно увеличить издание в объеме (с 24 страниц в 20-е до 32 в 30-е); журнал печатался в одной из лучших французских типографий, по уверению редакции, оборудованных по последнему слову техники; постепенно печатание переводится на новейший способ "офсет" (1931. - № 52).

Своим успехом в широких слоях эмиграции журнал был обязан принципиальной установке на внепартийность, отсутствию интригантистских политических пристрастий. "ИР" явилась тем необходимым дополнением к ежедневной прессе, занятой главным образом информацией и политической борьбой, которое

удовлетворило все вкусы. "Живое, беспристрастное отражение всех событий текущей жизни, безупречная литературность материала, тщательность технического воспроизведения", - так формулировала принципы издания редакция "ИР" в разгар подписной кампании на 1932 (1931. - № 51, вклейка). Годом позже в "программе журнала" редакция декларировала свое "полное беспристрастие в оценке тех или иных явлений общественной жизни, а также отсутствие партийности и личных счетов" (план-проспект на 1933). Отстраненность от политики подкреплялась универсальностью интересов, даже всеядностью, так что в стихотворном приветствии, помещенном в юбилейном сотом номере журнала, Саша Черный уверял:

"Словно в ноевом ковчеге

Все в журнале вы найдете, -

справедливо указывая на адресата, определявшего неизменный успех журнала:

Обыватель - это сила!" (1925. - № 21. - С. 10).

Однако безусловно неприемлемым оставался для создателей "ИР" большевизм, так что на протяжении существования журнала с его страниц не сходили материалы, направленные на обличение коммунизма и советской власти. Сразу обретя свое лицо, журнал становился толще, увеличивалось количество разделов и рубрик, менялось в соответствии с достижениями полиграфии: качество материалов, но и спустя десять лет после выхода в свет первого номера "ИР" ее сотрудники придерживались избранной "линии: отражать события современной жизни, помнить нашу великую родину, бороться за ее освобождение и вселять бодрость в души уставших и изверившихся" (1934. - № 2. - С. 13). Адресуя журнал трудовой эмиграции ("Фильмовые статисты... Уличные музыканты... Газетчики и парикмахеры... Гарсоны и кельнерши... Все тянут лямку, все борются за существование..." - 1934. - № 33. - С. 14), - создатели журнала стремились превратить его в "русский очаг, в котором свято чтут наследие великой русской литературы" (1934. - № 2. - С. 13).

Литературная часть "литературно-иллюстрированного журнала" вбирала в себя собственно беллетристические произведения, как крупных, так и малоизвестных авторов, особо популярную в зарубежье мемуаристику и очерковую прозу; поэзия на страницах "ИР" появлялась в виде исключения, причем в силу предпочтений редакции это были отрывки из поэм и иных лиро-эпических сочинений (из "русской сказки" "Царевич" Г.Гребенщикова, из стихотворной биографии Пушкина "Невольник чести" Л.Нелидовой-Фивейской, из грустно-иронических стихов Дон-Аминадо, Лоло, В.Горянского). "ИР" старалась привлечь к сотрудничеству "лучшие силы русской зарубежной литературы" (1931. - № 30. - С. 17) - Куприна, Бунина, Алданова, Тэффи, С.Черного. Однако объемные публикации выдающихся писателей были в журнале редкостью, предпочтение отдавалось отрывкам из крупных произведений, полностью печатавшихся в иных, более солидных изданиях (например, фрагменты из "Пещеры" М.Алданова или "Путешествия Глеба" Б.Зайцева), а известные имена использовались журналом в рекламных целях, для придания ему большей весомости. Это объясняется приглашением на должность главного редактора после ухода Миронова А.И.Куприна, который занимал этот пост ровно год - с 1 июля 1931 (№ 323) по 1 июля 1932. Куприн часто выступал в 1920-е на страницах журнала с рассказами и очерками, но приглашенный на редакторскую должность из-за "престижа", он горько сетовал на "грустные и гнусные подробности" своей деятельности в "ИР": "Суть в том, - жаловался он И.Шмелеву, - что в редакции я самый последний и почти ничего не стоящий винт" (цит. по изд.: Куприна К.А. Куприн - мой отец. - М., 1971. - С. 153).

Стремление повысить литературный уровень журнала в 1936 обнаружило себя очередным обращением к писательским авторитетам: в состав редакционного комитета вошли И.Шмелев, И.Бунин, З.Гиппиус, Д.Мережковский и Б.Зайцев. № 11, начиная с которого в журнале должны были еженедельно публиковаться очерки, рассказы и воспоминания пяти этих писателей, был объявлен началом "новой эры" для "ИР". Их материалы

(воспоминания И.Бунина о присуждении ему Нобелевской премии, крымские рассказы И.Шмелева, рассказ З.Гиппиус "Агата" и очерк Б.Зайцева "Финский край. В лесах", "Огненный крест. Смерть Жанны д'Арк" Д.Мережковского) появляются в нескольких последующих номерах "ИР". Но это начинание, так же как и обещание привлечь к сотрудничеству одаренных представителей молодого поколения писателей и поэтов, не имело продолжения.

Обычная литературная продукция "ИР" - рассказы и романы с продолжением (обычно переводные); в выборе их для удовлетворения невзыскательных вкусов главенствовал детективный и авантюрно-любовный сюжет. Из рассказов о прошлом России предпочтение отдавалось "прадедовщине" (по одноименному рассказу А.П.Лукина в "ИР". - 1933. - № 1) - переложенным в беллетристическую форму истинным происшествиям, картинам минувшего, бытовым зарисовкам, случаям из жизни знаменитых людей, от царей и вельмож до литераторов и мастеровых. Подобные сочинения появлялись в рубриках: "Невозвратное", "Тени минувшего". Характерны названия рассказов постоянно печатавшегося в "ИР" К.Коровина: "Подмосковная дача", "Масленица", "На Пасху"; из постоянных авторов "ИР" следует также упомянуть П.Семевского, Г.Евангулова, А.Гсфтера, кн. В.В.Барятинского, Е.Тарусского, О.Бебутову. В журнале постепенно нарастает удельный вес материалов на самые разные темы отечественной и зарубежной истории, популярным становится жанр литературно-исторического портрета - царей и полководцев, писателей, поэтов, художников, музыкантов; роли и месту женщины в истории, рассказам о выдающихся представительницах прекрасного пола также отводится немалое место. Эти основанные на подлинных фактах портретные очерки отличаются живостью изложения, иногда приоткрывают завесу над темными сторонами истории, напоминают о забытых архивных материалах и свидетельствах современников. Но пальму первенства неизменно держат романы с продолжением, уголовные, любовные, и даже юмористический для детей В.Горянского. К уже перечисленным фамилиям можно добавить еще имена: В.Азов,

М.Басин, А.Буров, Н.Вольская, Л.Зуров, П.Рысс, Н.Бухарский, С.Сомов, А.Задонский, И.Воинов, Л.Зилов и др. В "ИР" часто объявлялись конкурсы (традиционными были - на лучший детский рисунок, лучшая любительская фотография на определенную тему, например, курортный сезон), в том числе литературные: на лучший рассказ, на "самое красивое любовное письмо". При этом публиковались не только опусы, удостоенные первых мест, но и далекие от совершенства дилетантские робкие опыты в художественной прозе никому не известных авторов. Лишь праздничные номера журнала - рождественские или пасхальные - готовились с привлечением лучших литературных сил эмиграции. Например, действительно праздничным было содержание рождественского (№ 52) за 1927, на обложке которого красовалась репродукция "Рождества" Ф.А.Малявина: рассказ А.Куприна, новелла Г.Иванова, "казацья повесть" И.Лукаша, "Предпраздничный блокнот" Дон-Аминадо, "рождественские" поэма М.Струве и сказка В.Горянского, а также репродукции "лучших русских художников" и старинные гравюры с видами Москвы и Петербурга.

Крайне нерегулярно появлялась на страницах "ИР" литературная критика; спорадически, с большими временными промежутками публиковались материалы в рубриках "Книжная полка" и "Литературная неделя" - страничка, которую с 1929 вел Г.Адамович, в свободной фрагментарной форме делясь своими впечатлениями о новинках литературы, в том числе и советской. В "ИР" существовали специальные рубрики, в которых помещались произведения писателей эмиграции - "Советский рассказ" (К.Тренев, М.Зощенко и др.) и "Советский юмор", в которой перепечатывались юморески из "Крокодила" (В.Ардова, Е.Петрова и И.Ильфа, Г.Рыклина). Показательным примером того, с какой жадностью читались в эмиграции произведения советских писателей (для широкой читательской массы зарубежья интересные не столько художественными исканиями, сколько отражением жизни в советской России), может служить перепечатка комсомольского романа П.Нилина "Любимая девушка" (№ 12-15 за

1937) и предложенная редакцией дискуссия, вызвавшая горячие читательские отклики и весьма разноречивые суждения.

Особое место отводилось в журнале мемуаристике. Воспоминания, с которыми выступали на страницах "ИР" представители разных сословий и профессий дореволюционной России, давали богатый материал по истории. Живые свидетельства о жизни и быте императорской фамилии представлены в записках великого князя Александра Михайловича, старательно опровергающего расхожее мнение, что "роль каждого В.К. сводилась к великосветской праздности" (1933. - № 11. - С. 4); о революционных событиях живо и образно рассказывала дочь английского посла в России М.Быюккенен; многие явления и факты общественной ситуации в России по-новому освещались гр. В.В.Коковцевым. Внимание читателей привлекали оригинальные публикации: "Воспоминания русского Шерлока Холмса" бывшего начальника московской сыскальной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи, не понаслышке знавшего уголовный мир царской России А.Ф.Кошко, рассказы очевидцев, непосредственных участников драматических эпизодов русской истории (например, описание капитаном второго ранга А.П.Лукиным гибели дредноута "Императрица Мария"), мемуарные очерки деятелей искусств, артистов, всегда увлекательные (воспоминания Е.Рощиной-Инсаровой, С.Лифаря). Многие из этих материалов складывались в отдельные книги, издаваемые "ИР".

Литературные приложения "Библиотеки "ИР" (число которых возросло с 24 до 48 в год благодаря увеличению общего тиража журнала и упрочению его материальных дел) рассылались подписчикам, которые могли составить таким образом библиотеку русской классики (Гоголь, Толстой, Достоевский, Гаршин, Тургенев, Лесков, Салтыков-Щедрин, Гончаров) и современных писателей - как эмигрантов (А.Куприн, Н.Тэффи, А.Ремизов, М.Алданов, А.Аверченко, Б.Зайцев, Д.Мережковский), так и советских литераторов (М.Зощенко, В.Катаев, А.Яковлев, Вяч.Шибиков, М.Булгаков, Вл.Лидин). Классика выходила в виде собраний

сочинений, современных писателей печатали тонкими брошюрами. Кроме русских авторов, в качестве приложений к "ИР" издавалась иностранная беллетристика, мемуарная литература и пособия по самообразованию, а также книги для детского чтения (русские сказки, "Конек-Горбунск" Ершова, "Рассказы для детей" С.Черного). Были изданы сборники по истории антибольшевистского движения "Былое" под редакцией В.Л.Бурцева (1933). В 1937 издательская деятельность "ИР" прошла под знаком Пушкина: к столетию со дня смерти великого поэта вышло полное собрание его сочинений, отдельные тома писем, "Евгений Онегин", сказки. По материалам устроенной С.Лифарем выставки "Пушкин и его эпоха" был выпущен большой иллюстрированный альманах. Большинство из фоторепортажей публиковалось на страницах журанала в течение года; можно было узнать, как прошел "Пушкинский вечер" М.Цветаевой (№ 12), как отмечали юбилей в экзотической Африке (№ 15), как идет работа над проектом зарубежного памятника поэту скульптора А.М.Гюрджана (№ 20).

Юбилейные даты обычно отмечались публикациями. При этом чествовались как здравствующие деятели литературы и искусства эмиграции (материалы к 90-летию юбилею Вас. Ив. Немировича-Данченко, к 30-летию литературной деятельности И.Северянина, к 25-летию артистической деятельности балерины Б.Нижинской), так и те, кто оставил яркий след в отечественной истории и культуре: Герцен, Менделеев, В.Комиссаржевская. Специальными публикациями отмечены даты двух русских революций и русско-японской войны. В 1936 в журнале вводится рубрика "Если будет война", в которой офицеры белой армии анализируют положение в советских вооруженных силах. Кроме того, если в 1933-1938 стоп-кадры мировой хроники отражали эпизоды разразившегося в мире великого экономического кризиса, то с 1939 - это фотоснимки военных маневров в небе, на воде и на суше. В 1939 незадолго до вторжения фашистской Германии в Польшу, публикуются материалы к 25-летию начала мировой войны - документы,

фотографии, воспоминания, из которых наибольший интерес представляют напечатанные под шапкой "Накануне войны".

Материалы в "ИР" были богато иллюстрированы: эта особенность еженедельника дважды подчеркнута, в заглавии и в подзаголовке. За пятнадцать лет существования журнала фотография вышла на первый план, из приложения к заметке или очерку она превратилась в самоценное явление. Разнообразные рубрики "ИР" обязательно сопровождалась фотоснимки. В журнале была представлена "Хроника мира" - живая и злободневная; фотографии не снабжались развернутыми комментариями, подписи были лаконичны - о событиях рассказывали газеты, еженедельник же стремился запечатлеть их в неожиданном ракурсе, максимально полно и выразительно. Особое место уделялось фотографиям с родины, помещаемым в рубриках "Картинки советского быта", "Там, в России" (на фоне черного силуэта кремлевских башен), "С котомкой по Руси", "Улица советская", "Раскрепощенная женщина в СССР": серия снимков женщин, выполняющих тяжелую физическую работу; они же - в коммуналках у примусов; "Деревня свободная и колхозная". "Нас более всего интересовала жизнь и быт современной России, но увы, мы могли иметь корреспондентов и фотографов где угодно, в каких угодно городах и пунктах земного шара, кроме России. Это налагало известный отпечаток на нашу работу, - отмечается в редакционной заметке. Приходилось выискивать всеми путями - подчас трудными и нелегальными - фотографии из России, в которых иллюстрируются тяжкие условия существования наших братьев, живущих по ту сторону рубежа и скованных неслыханным террором в тяжком рабстве" (1931. - № 30. - С. 1). Фотоснимки, предоставленные редакции корреспондентами иностранных органов печати, аккредитованными в России, были призваны засвидетельствовать "проклятую жуть коммунистической яви", запечатлеть "трагический гротеск советского быта" (1934. - № 7. - С. 13-14).

Иной характер носили фотографии, отражающие бытовую и культурную жизнь эмиграции. Групповые снимки запечатлели лица

русских людей, рассеянных по всему миру (репортажи приходили из Америки, в том числе Южной, из Африки, с Дальнего Востока, из славянских стран и Прибалтики). На фотографиях - торжественные мероприятия, праздники, юбилейные встречи, обеды, трудовые будни ("день электротехника", "день маляра", "день человека из ресторана"), "чашка чая" в редакции, отдых, жизнь детей, культура и спорт. "ИР" создала фотографическую летопись живой жизни русского зарубежья в заурядных и экзотических подробностях. По еженедельнику можно проследить хронику культурной жизни эмиграции, узнать о гастролях русских артистов: певцов, балетных и драматических трупп в различных странах мира, прочитать интервью с ними, ощутить неиссякаемость творческой энергии русских людей. Помимо постоянных рубрик, непосредственно связанных с эмигрантской тематикой ("Казачья жизнь", "Земляки на чужбине", "Русская школа за рубежом"), "ИР" содержала в себе материалы о русских: "Театр", "Театр и искусство", "Мир искусства", "Экран", "Спорт". Непременной ежегодной темой фотоочерков был конкурс "Мисс Россия", проводимый через редакцию "ИР"; этой модной идее придавался патриотический оттенок: "Только в эмиграции еще сохранился воспетый нашими поэтами и романистами и являющийся предметом восхищения всего мира тип русской женщины" (1934. - № 24. - С. 17).

Вместе с тем "ИР" не замыкалась на национальных проблемах, на теме русской трагедии и существовании "двух России". Редакция отправляла "С кодаком по белу свету" (название постоянной рубрики) своих корреспондентов и неизменно приобретала для публикации лучшие и "наиболее сенсационные" образцы мировых репортажей. Темы их были необычайно разнообразны: политика, преступления, мир природы и мир детства, этнографические и географические зарисовки, светская хроника, моды, кинематограф. "ИР" старалась быть в курсе всего, что происходит в мире, не без горькой иронии признаваясь, что "условия, в которых приходится жить в рассеянии русской эмиграции, в значительной степени облегчает редакции "Иллюстрированной России" добывание самого сенсационного материала из первых рук. Пускай левиафаны

печатного слова вынуждены посылать специальных корреспондентов для описания охоты на бронтозавра на озере Лох-Несс или же суда Линча над двумя гангстерами в штате Небраска, - "Иллюстрированная Россия" в таких медленных способах осведомления - слава Богу! - не нуждается. В таких случаях нам достаточно отправить телеграмму примерно следующего содержания: "Лох-Несскому подписчику "Иллюстрированной России" Иванову. Просим подробности о бронтозавре". Или же: "Небраска. Подписчику Петрову. Сообщите о линче над гангстерами..." Если бы любознательный читатель пожелал узнать, в каких странах находятся наши специальные корреспонденты, мы, совершенно не рискуя впасть в преувеличение, могли бы ответить: - Во всех!.." (1934. - № 2. - С. 13).

С годами материалы "ИР" становятся менее дробными, печатаются из номера в номер большими подборками, представляя не только мгновенные, мимолетные впечатления, но и отображая наиболее общие разноплановые кадры. Появляются снимки в разворот журнальной книжки, серии фотографий, фотозюды. Постоянные авторы "ИР" приобретают специализацию - одни становятся репортерами еженедельника (Е.Сергеев, И.Прин, В.Деспотули), сообщая свежие новости о происшествиях, современных событиях и героях дня, другие предлагают очерки на острые, неожиданные темы, увлекающие читателя. Постоянными авторами журнала были А.Буров, В.Бурцев, специализировавшийся на историко-политических сюжетах, Е.Тарусский, В.Татаринов, выступивший в конце 30-х с серией научно-популярных очерков, А.Лукин. Под псев. энимом "Ариель" публиковался Г.В.Немирович-Данченко, который был и секретарем "ИР". Е.Сергеев часто выступал как публицист с интересными статьями по русской истории. В конце 30-х "ИР" обратилась к перепечатке образцов дореволюционной журналистики (например, В.Гиляровского), что служило цели "удовлетворить интерес... читателей к событиям и образам России дореволюционной". Редакция вновь (как в случае с "целой академией" литературных приложений) обращалась к

просветительским задачам: «на чужбине растет новое русское поколение, оставившее нашу родину в раннем возрасте и знающее о ней только из книг или со слов старших. Ввиду этого... в журнале отводится отделу "Старая Россия" особая страница <обещание, оставшееся невыполненным>, на которой будут печататься небольшие исторические воспоминания, очерки и редкие иллюстрации" (1934. - № 26. - С. 7). Но при этом в целом журнал оставался обращенным к современности, представляя мир как бы в вертикальном срезе.

"ИР" не была журналом интеллектуальным, элитарным, где бы ставились и решались эстетические, политические или собственно литературные проблемы. Множество рубрик было рассчитано на рядового читателя: "Смесь" (пестрый юмористический раздел), "Женская страничка" (с выкройками фасонов "парижских мод"), "Автомобильный отдел", "Ответы читателям", "Почтовый ящик" (частные объявления, знакомства, розыск пропавших после революции), "Говорят, что..." (занимательные факты - как исторические, так и из жизни современников), "Вечера у Деда-Всеведа" (загадки, головоломки, конкурсы), "В царстве смекалки", "Объявления и реклама". Много места уделялось юмористике, страничкам "Из иностранного юмора" и "Советский юмор". В течение многих лет третья страница журнала отводилась работам популярного эмигрантского художника-карикатуриста А.МАДА (М.А.Дризо), приобретшего известность и в европейской прессе. Сатира на советскую действительность, на события в европейских странах, на житейские мелочи не всегда бывала безобидной. За публикацию карикатуры на дружбу Сталина с Гитлером в № 17 за 1933 журнал запретили в Германии. "Универсальный диапазон интересов "Иллюстрированной России" позволил ей стать "своего рода зеркалом эмигрантской жизни 20-30-х годов" (Юниверг Л. "Иллюстрированная Россия" как зеркало эмигрантской жизни 20-30-х годов // Евреи в культуре русского зарубежья. - Иерусалим, 1993. - Вып. 2. - С. 219).

"ИМКА-ПРЕСС" ИЗДАТЕЛЬСТВО*) Издание за 35 лет свыше 250 названий (около 600 тысяч томов) книг, брошюр и периодических выпусков, для обслуживания потребностей двухмиллионного (включая и Америку) русского рассеяния - это по меньшей мере гуманитарная и культурная добродетель, достойная высокой моральной премии. И скромные работники американской YMCA субъективно, может быть, и не претендуют на большее. Но наш русский долг - воздать им справедливое признание за их деяние, превосходящее меру сознательного предвидения и их, и вместе нашего собственного. Мы живем в эпоху, когда мировые умы, индивидуальные и коллективные, с очевидностью являют собой картину предельности изнеможения сил человеческой прозорливости. Кто мог предусмотреть, что русская культура начала XX в., блеснувшая качествами культуры мировой, среди самого расцвета своего признанного теперь всеми ренессанса, так катастрофически будет изувечена под варварской пятой азиатской тирании и выродится в орудие пошлой пропагандной лжи? Вместо естественного расцвета перед нами теперь насильственная дегенерация, блестящая вершина культуры - ее философская и религиозная мысль сломлена. Очертания культурного здания приняли болезненно уродливый вид. Но, к счастью, христиански идеалистический мир Америки взял низвергнутую вершину русской культуры на свое попечение, дал ей средства развиваться, чем открыта возможность ее биологического оживления и восстановления снова на почве России. А пока плоды ее приближены ко всему культурному миру и заражают его своим влиянием.

В длинном списке изданий YMCA-Press за 35 лет бросается в глаза не монотонная специализация, а разнообразие далеких друг от друга предметов интереса. Тут отражается желание помочь самым

*) Из статьи, написанной к 35-летию издательства "ИМКА-пресс" (основано в 1920 г.) и опубликованной в "Вестнике русского студенческого христианского движения во Франции". 1955. № 37.

разнообразным просветительным и практическим нуждам эмиграции, как утилитарного, так и самого возвышенного характера. Есть детские буквари, детская литература и мир сказок. За ними следует большая литература учебников по языкам, математике, естествоведению и спорту. Завершается учебная серия опытом нового учебного пособия по Закону Божию в трех ступенях, для младшего, среднего и старшего возрастов. Эти книги - результат коллективного труда нескольких авторов. Имена их скромно не названы, что очень тактично, в особенности для первого опыта. Родители, воспитатели и молодые священники давно тосковали о свежих пособиях для уроков о религии. И домашняя религиозность, и приучение детей к церковному культу - только основа религиозного воспитания. Эти впечатления нуждаются в педагогических дополнениях и разъяснениях. Старые руководства по "Священной Истории" и "Катехизису" по их стереотипности приближаются к неподвижности текстов богослужебных книг и сами нуждаются в педагогических пересказах. Не все законоучители сами способны дать их. Для облегчения этой задачи, т.е. для приближения к детскому и юношескому возрастному сознанию предметов веры и составлен предлагаемый опыт.

За элементарными учебными книгами следуют учебники для средних и высших технических школ (в помощь Курсам Заочного Обучения) по математике, геодезии, естествознанию, технологии, сельскому хозяйству в разных его разветвлениях. Не забыты - экономика вообще и кооперация.

Для потребностей в первую очередь Православного Богословского Института опубликованы профессорские курсы или отделы их: Л.П.Карсавина "Св. Отцы", о. Г.Флоровского "Восточные Отцы IV века" и "Византийские Отцы V-VIII вв.", арх. Киприана "Евхаристия", еп. Кассиана "Христос и 1-ое христиан. поколение", о. Г.Флоровского "Пути русского богословия", Г.П.Федотова "Святые Древней Руси", В.Н.Ильина "Всенощное Бдение", "Службы Страстной Седмицы и Пасхи".

Из русской изящной литературы отпечатаны,

преимущественно для военнопленных и Д.Р. (вывезенное немцами русское население), избранные произведения: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Лескова, Чехова. Из новой литературы и современных нам авторов изданы: Бунин "Освобождение Толстого", Алданов "Истоки", Шмелев "Богомолье", "Лето Господне", Зайцев "Жизнь Тургенева", "Юность", "Афон", Балтрушайтис, и др.

Из историко-критических трудов о русской литературе нужно назвать книги: К.Мочульского о Гоголе, Достоевском, Блоке, Вл.Соловьеве, А.Белом; А.Тырковой-Вильямс о Пушкине.

Увлекательной книгой для чтения является мемуарная биография митр. Евлогия "Путь моей жизни", составленная Т.Манухиной.

Промежуточной формой между литературой общей и специальной богословской являются периодические издания YMCA-Press. Целых 15 лет (1925-1940) выходили под редакцией Н.А.Бердяева и Б.П.Вышеславцева книжки "Пути" (№ 1-61). Без преувеличения можно сказать: это был живой, полный интереса "толстый журнал" русского типа, собравший около себя почти все религиозно-философские перья зарубежья. Особой группе социологов с христианской идеологией (И.Бунаков, Ф.Степун, Г.П.Федотов) дана была издательством возможность выпустить в 1934-1939 № 1-14 "Нового Града". Повременным изданием являются и книжки учено-богословского Института "Православная Мысль" (№ I-X. 1928-1954).

Разновременно издано четыре Сборника статей на религиозные, богословские и церковные темы: "Проблемы русского религиозного сознания", "Христианское Воссоединение", "О переселении душ", "Православное дело".

В богословском отделе можно указать на серию интересных книг и брошюр апологетического характера (о. Г.Флоровский "Жил ли Христос?" и старообрядческого публициста Ф.Мельникова), а также - по аскетике: "Откровенные рассказы странника духовному отцу"; о. Сергия Четверикова "Оптина Пустынь".

В послевоенное время издательство помогло русским церквям опечатанием даже церковно-славянским шрифтом "Часослова".

Но все-таки самым веским и, можно сказать, исторически монументальным плодом книгоиздательства является щедрое и смелое опубликование всего творчества в зарубежье корифеев религиозно-философской мысли эпохи русского ренессанса начала XX в.: Бердяева, Булгакова, Вышеславцева, Лосского и Франка.

Н.О.Лосский, с медленной постепенностью развертывавший в течение ряда десятилетий свою оригинальную гносеологию, шедшую навстречу догматической метафизике христианства, здесь, наконец, сформулировал долгожданную апологетами Церкви третью, аксиологическую часть своей христианской философской системы, особенно в двух работах: "Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция" и "Ценность и бытие (Бог и царство Божие, как основа ценностей)".

Б.П.Вышеславцев, посвятив свои философские дарования православной мистике и этике, дал в своих работах "Сердце в христианской и индийской мистике" и "Этика преображенного эроса" наилучшее оптимистическое истолкование соблазнительного, как бы монофизитствующего облика восточно-православной аскетики.

Наиболее полно и, кажется, до конца исчерпали свои темы и системы в издательстве YMCA-Press три самых известных и плодovitых писателя в области религиозной философии: Франк, Булгаков и Бердяев.

С.Л.Франк, которого специалисты по русской философии готовы признать самым крупным исследователем и мыслителем в этой области, блестяще выразил христианскую философию и полемически - отталкиваясь от псевдорелигии коммунизма ("Крушение кумиров", "Матерьялизм, как мировоззрение") и положительно - своими построениями христианской гносеологии, метафизики, мистики, этики и социологии ("Смысл жизни", "Личная жизнь и социальное строительство", "Духовные основы общества", "Свет во тьме"). Франк не только ясный, прозрачный мыслитель, но

такой же и доступный, популярный писатель, мастер русского, гибкого, точного языка.

Перу проф. прот. о. Сергия Булгакова и Н.А.Бурдяева принадлежат по полтора десятка томов. Отказываясь от полного их перечисления, ограничимся их самой общей характеристикой.

Вся серия книг о. С.Булгакова это - и ученая и вместе публицистически увлекающая трактовка многих глав православного догматического богословия, соответственно читавшемуся им академическому курсу. Завершается эта серия тремя объемистыми томами - "трилогией" о Богочеловечестве: "Агнец Божий", "Утешитель" и "Невеста Агнца". Тут - Триадология, Христология, Экклезиология, т.е. почти исчерпывающая система догматического богословия о. С.Булгакова, его "Summa Theologiae", как профессора этой дисциплины. При всей эрудитной подпочве этого и других догматических трудов о. Сергия Булгакова их характер формально отличен от принятых у нас систем, как главным образом справочников о существующих уже святоотеческих и других авторитетных мнениях, с отказом от своего собственного. О. Сергей Булгаков - одна из сильнейших метафизических голов. Система о. Сергия Булгакова - не справочник, а комментарий традиционного церковного учения с точки зрения оригинального мыслителя-философа. Это - двигатель дальнейшей научной обработки православного церковного предания под воздействием новой философии, новой общей проблематики нашего времени. Его Софиология - не новое учение о новом догмате, т.е. ересь, как хотелось бы представить неподвижным умам, а уже не первый опыт использования неспазработанной библейской доктрины о Хохма-София для некоторого, хотя бы и очень скромного, но большего разумения неисчерпаемого и непостижимого догмата Св. Троицы.

Имя о. С.Булгакова и часть его богословских трудов в переводе на иные европейские языки привлекли широкий экуменический интерес к русскому богословию. Но динамика его богословских концепций, более плодотворная в качестве двигателя внутреннего развития собственного русского богословия, по-видимому, не носит в

себе особой заразительности для богословов иных христианских исповеданий.

С этим ярко контрастирует мировое эхо на труды другого нашего темпераментного религиозного философа Н.А.Бердяева. Он не эрудит, не академик, не историк, не излагатель чужих мнений. Он, с другой стороны, и не оригинальный творец совершенно новых философских идей. Можно без труда доказать сплошную заимственность его идей. Но это не отнимает оригинальности творца и писателя, как духовного аппарата, преобразующего в свое живое, личное и цельное достояние все то, что он проводит чрез свое сознание, переплавляя как раскаленный тигель. Н.А.Бердяев имел необыкновенно счастливый дар публициста и популяризатора. Его идеи облакаются в удивительно простые формы. Его язык вне конкурса по краткости и легкости фразеологии.

Эта ли литературная сторона или какой иной ментальный секрет должен объяснить нам пока еще несколько загадочный факт, что для широкого мирового общественного мнения Н.А.Бердяев стал самым громким рупором русской религиозной философии, и не только философии, но и богословия и даже самого православия, на что он и не претендовал и что несколько удивляет русских богословов. Очень многие изданные YMCA-Press книги Н.А.Бердяева переведены и еще переводятся на многие европейские языки.

Таков общий итог издательской удачи YMCA-Press.

Она оказала не просто гуманитарную услугу русской эмиграции, доставляя ей и ее детям в печальные годы разлуки с родиной национальное духовное питание. Она оказала историческую услугу всей русской культуре, а через это и культуре мировой, дав возможность русскому религиозно-философскому творчеству, незаурядному по оригинальности и талантам его творцов, увековечиться в печати и чрез то сохраниться для преемственного возрождения в будущей свободной России и для усиления связи русской религиозно-философской мысли с мыслью всех свободных наций.

А.В.Карташова

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(1918-1940)

Том 2

Часть 1

Технический редактор В.Б.Сумерова

Подписано к печати 12/VIII-1996 г.

Формат 60х84/16

Печ.л. 18,75

Тираж 600 экз.

Уч.-издл. 17,6

Заказ № 174

ИНИОН РАН, Москва, ул.Красикова, д.28/21

042(02)9

Коллектив авторов